

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

№ 4 / 2022

ISSN 2070-2140

9 772070 214779 >

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

2022
№ 4

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-81522 от 6 августа 2021 г.

Учрежден в 2004 г. Издается 6 раз в год

Учредитель: Гриб Владислав Валерьевич ISSN 2070-2140

Главный редактор журнала:

Могилевский Станислав Дмитриевич,
директор Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Заместитель главного редактора:

Лескова Юлия Геннадьевна,
заведующая кафедрой предпринимательского, трудового
и корпоративного права Института права и национальной
безопасности РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

Арсланов К.М., д.ю.н., профессор;
Барков А.В., д.ю.н., профессор;
Батлер Уильям, д.ю.н., профессор;
Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;
Вайпан В.А., д.ю.н., доцент;
Габов А.В., д.ю.н., заслуженный юрист РФ,
член-корреспондент РАН;
Гонгало Б.М., д.ю.н., профессор;
Городов О.А., д.ю.н., профессор;
Емелькина И.А., д.ю.н., доцент;
Ильина О.Ю., д.ю.н., профессор;
Камышанский В.П., д.ю.н., профессор;
Крашенинников П.В., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;
Михайлова И.А., д.ю.н., профессор;
Попондопуло В.Ф., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
Рабец А.М., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
Романец Ю.В., д.ю.н.;
Рыженков А.Я., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки Республики Калмыкия;
Сергеев А.П., д.ю.н., профессор;
Ситдикова Л.Б., д.ю.н., профессор;
Суханов Е.А., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
Цимерман Ю.С., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РСФСР;
Эккенга Йенс, д.ю.н., профессор;
Шапсугова М.Д., к.ю.н., доцент

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ,
академик РАО;

Заместители главного редактора ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., **Белых В.С.**, **Платонова О.Ф.**, **Ренов Э.Н.**,
Трунцевский Ю.В.

Центр редакционной подписки:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Редакция: Курукина Е.И., Лаптева Е.А.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции/издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08. E-mail: avtor@lawinfo.ru

Содержание

СДЕЛКИ И ДОГОВОРЫ:

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

- Маленна М.Н.** Типовой договор (контракт)
в гражданских отношениях..... 3
- Поваров Ю.С.** Правовые последствия отсутствия
согласия на совершение сделки (в разрезе концепта
относительной недействительности сделки) 6
- Михневич Т.Н.** Некоторые особенности оспаривания
сделок должника в делах о несостоятельности
кредитных организаций..... 10

ВОПРОСЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ И ПРАВОСПОСОБНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

- Васькевич В.П.** Правосубъектность как предпосылка
ведения профессиональной деятельности спортсмена 13
- Егоров К.В., Егорова Е.С.** Вспомогательные репродуктивные
технологии: проблемы правоспособности пациентов..... 17

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

- Самойлов И.А.** «Власть капитала» в корпоративных
объединениях холдингового типа в «креативной» экономике.... 21
- Бит-Мурат Д.Х.** Особенности корпоративных
правоотношений в крестьянском (фермерском) хозяйстве..... 26
- Камин А.В.** Принцип-метод равенства осуществления
корпоративных прав 30

АКТУАЛЬНОЕ МНЕНИЕ

- Антонов А.А.** Бойцовские собаки в контексте применения
статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации..... 34
- Гивель Л.Е.** Грани межотраслевого взаимодействия:
гражданское и уголовное право 36
- Ламбаев Ж.Т.** Эффективное осуществление права
собственности: понятие и обоснование..... 40
- Усольцев Е.Ю.** Злоупотребление правом со стороны
потребителя: общие выводы и отдельные примеры
из судебной практики 44

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (решение Президиума
Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 № 6/6)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
eLIBRARY.RU и в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Подписка по России:

Почта России. Электронный каталог – П1688.

Подписано в печать: 05.08.2022. Выход в свет: 18.08.2022.

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. – 6,0. Усл. печ. л. – 6,0.

Общий тираж 3000 экз. Цена свободная

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел. (4842) 70-03-37

CIVIL LAW

2022

No. 4

FEDERAL SCIENCE-PRACTICE JOURNAL

Registered at the Federal Service for Supervision of Communications and Mass Communications PI No. FC77-81522 of August 6, 2021.

Founded in 2004. Published 6 times per year

Vladislav V. Grib ISSN 2070-2140

Editor in Chief:

Mogilevskij Stanislav Dmitrievich,

Director of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editor in Chief:

Leskova Yuliya Gennad'evna,

Head of the Department of Business, Labor and Corporate Law of the Institute of Law and National Security, LL.D., Professor

Editorial Board:

Arslanov K.M., LL.D., Professor;
Barkov A.V., LL.D., Professor;
Butler W., LL.D., Professor;
Blinkov O.E., LL.D., Professor;
Vaypan V.A., LL.D., Associate Professor;
Gabov A.V., LL.D., Honored Lawyer of the RF, Corresponding Member of the Russian Academy of Science;
Gongalo B.M., LL.D., Professor;
Gorodov O.A., LL.D., Professor;
Emelkina I.A., LL.D., Associate Professor;
Il'ina O.Yu., LL.D., Professor;
Kamyshevskij V.P., LL.D., Professor;
Krashennnikov P.V., LL.D., Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;
Mikhajlova I.A., LL.D., Professor;
Popondopulo V.F., LL.D., Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Rabec A.M., LL.D., Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Romanec Yu.V., LL.D.;
Ry'zhenkov A.Ya., LL.D., Professor, Honored Scientist of the Republic of Kalmykia;
Sergeev A.P., LL.D., Professor;
Sitdikova L.B., LL.D., Professor;
Sukhanov E.A., LL.D., Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Cimerman Yu.S., LL.D., Professor, Honored Lawyer of the Russian Soviet Federal Socialist Republic;
Ekkenga J., LL.D., Professor;
Shapsugova M.D., PhD (Law), Associate Professor

Editor In Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Academician of the Russian Academy of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., **Belykh V.S.**, **Platonova O.F.**, **Renov Eh.N.**, **Truncevskij Yu.V.**

Editorial Subscription Centre:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Editorial Office: Kurukina E.I., Lapteva E.A.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial office / publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
Tel.: (495) 953-91-08. E-mail: avtor@lawinfo.ru

Contents

TRANSACTIONS AND AGREEMENTS: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

- M.N. Maleina.** A Model Agreement (Contract) in Civil Relations 3
- Yu.S. Povarov.** Legal Consequences of the Absence of a Consent to a Transaction (within the Framework of the Concept of Relative Invalidity of a Transaction) 6
- T.N. Mikhnevich.** Some Peculiarities of Challenging of Debtor's Transactions in Cases on Insolvency of Credit Institutions 10

ISSUES OF LEGAL CAPACITY AND LEGAL COMPETENCE IN CIVIL LAW

- V.P. Vaskevich.** Legal Capacity as a Prerequisite for Athletes' Professional Activities 13
- K.V. Egorov, E.S. Egorova.** Assisted Reproductive Technologies: Problems of Legal Competence of Patients 17

RELEVANT ISSUES OF CORPORATE LAW

- I.A. Samoylov.** The Power of Capital in Holding Companies in Creative Economics 21
- D.Kh. Bit-Murat.** Peculiarities of Corporate Relations in a Peasant (Farm) Household 26
- A.V. Kamin.** The Principle/Method of Equal Exercising of Corporate Rights 30

RELEVANT OPINION

- A.A. Antonov.** Fight Dogs within the Framework of Application of Art. 1079 of the Civil Code of the Russian Federation 34
- L.E. Givel.** Inter-Branch Interaction Facets: Civil and Criminal Law 36
- Zh.T. Lambaev.** Efficient Exercising of the Property Right: The Concept and Justification 40
- E.Yu. Usoltsev.** Abuse of Right by a Consumer: General Conclusions and Some Examples from the Judicial Practice 44

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals, where basic scientific results of doctoral and PhD theses shall be published (decision of the Presidium of the Supreme Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia of 19.02.2010 № 6/6) (12.00.03; 12.00.07 — law sciences)

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index

eLIBRARY.RU, RSCI (Web of Science)

Subscription in Russia:

Post of Russia. Digital Catalogue – П1688.

Passed for printing: 05.08.2022. Issue is printed: 18.08.2022.

Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet – 6,0. Conventional printed sheet – 6,0.

General circulation 3000 copies. Free market price

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, Svetlaya St., Severnij Settlement, Kaluga, 248031. Tel. (4842) 70-03-37

Типовой договор (контракт) в гражданских отношениях*

Малеина Марина Николаевна,

профессор кафедры гражданского права

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина,

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук

maleinamari@yandex.ru

Введение

Категория «типовой договор» используется в отношениях разной правовой природы (финансовых, трудовых, гражданских и др.). Так, Приказом Минфина России от 28 июля 2017 г. № 121н утверждена Типовая форма соглашения (договора) о предоставлении из федерального бюджета субсидии некоммерческой организации, не являющейся государственным (муниципальным) учреждением¹, трудовой договор с руководителем государственного (муниципального) учреждения заключается на основе Типовой формы трудового договора, утверждаемой Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (ч. 3 ст. 275 ТК РФ). В гражданских отношениях типовой договор упоминается применительно к публичным договорам, к государственному или муниципальному контракту на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг для государственных или муниципальных нужд, а также к иным договорам в некоторых других несистематизированных случаях.

Интерес в исследовании конструкции «типовой договор» объясняется тем, что законодатель и субъекты права применяют это словосочетание в разных значениях, что приводит к неодинаковым решениям в спорных ситуациях. Зачастую любой разработанный организацией образец регулярно заключаемого договора получает название «типовой»². Содержание же отдельных норм о типовом договоре крайне лаконично.

В науке гражданского права иногда типовым договором называют любые договорные конструкции (договор присоединения, предварительный договор, публичный договор, договор в пользу третьих лиц и др.), имеющие силу правового акта, которые опосредуют организационно-предпосылочные отношения³. Нам же хочется отметить, что законодатель применяет термин «типовой договор» в узком смысле, имея в виду стандартные (типовые, обычные) условия гражданского договора определенного вида, представленные в форме проекта.

Здесь следует отметить соотношение стандартных и существенных условий договора. Существен-

ные условия определяют природу договора. Стандартные (типовые, обычные) условия охватывают и существенные условия, и иные условия, которые способствуют исполнению договора традиционным способом и согласовываются в большинстве случаев на практике. Стандартные условия договора отличаются от примерных условий по признаку обязательности (использование примерных условий не обязательно в отсутствие отсылки к ним или в отсутствие свойств обычая).

Типовой договор, организующий заключение и исполнение публичного договора

В соответствии с п. 4 ст. 426 ГК РФ типовой договор характеризуется тем, что он издается только в случаях, предусмотренных законом, и принимается Правительством РФ или уполномоченными Правительством РФ федеральными органами исполнительной власти. В частности, типовой договор холодного водоснабжения утвержден Правительством РФ (п. 1 ст. 4 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»⁴, Постановление Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 645 «Об утверждении типовых договоров в области холодного водоснабжения и водоотведения»⁵), типовая форма договора о реализации туристского продукта, заключаемого между туроператором и туристом, утверждена Приказом Ростуризма от 27 ноября 2020 г. № 448-Пр-20⁶ в силу ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»⁷.

По целевому назначению типовой договор призван обслуживать заключение и исполнение публичных договоров. Здесь следует разобраться с уровнем взаимосвязи с публичным договором. Безусловно, типовой договор заключается для регламентации отношений по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг между лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и физическим лицом (индивидуальным предпринимателем, юридическим лицом). И по структуре и содержанию такой типовой договор представляет прообраз конкретного вида публичного договора, включающий основные правила о правах, обязанностях, ответственности сторон, а по форме типовой договор — готовая форма текста договора, имеющая пустые графы, строчки, предназначенные для заполнения в дальнейшем.

⁴ СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7358.

⁵ СЗ РФ. 2013. № 32. Ст. 4307.

⁶ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 30.11.2020 (дата обращения: 14.08.2021).

⁷ СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 26.09.2017 (дата обращения: 14.08.2021).

² Например, ООО «Новаметалл Трейд» разместило на своем сайте типовой договор поставки (URL: <https://novametcom.ru/about/dogovor>), а/о «Аэропорт Туношна» — типовой договор на комплексное обслуживание воздушных судов в аэропорту Туношна (URL: <https://yaravia.ru/content/standard-contract>) и т.д. (дата обращения: 03.08.2012).

³ Мустафин Р.Ф. Типовые договоры: проблемы формулировки понятия // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 115–116.

* Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

В п. 4 ст. 426 ГК РФ упоминаются также иные формы изложения норм в виде типовых положений, правил (например, Правила оказания телематических услуг связи, утв. Постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2007 г. № 575⁸). Подобные формы также раскрывают права, обязанности и ответственность сторон, но сторонам предоставляется возможность самостоятельно составить проект договора, а модель договора определенного вида только подразумевается (описывается).

Как верно отмечено в юридической литературе, значение имеет такой признак типового договора, как его обязательность, «в вертикальной иерархии любой типовой договор в зависимости от того, кто именно его утвердил, занимает одно место с постановлением Правительства или актом министерства, иного органа исполнительной власти»⁹.

Типовой контракт, организующий реализацию государственного или муниципального контракта на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг для государственных или муниципальных нужд

Типовые контракты для осуществления заказчиками закупок разрабатывают и утверждают федеральные органы исполнительной власти, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» (п. 11 ст. 34 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹⁰)¹¹.

При отсутствии типовых контрактов, типовых условий контрактов, утвержденных и размещенных в единой информационной системе в сфере закупок, могут разрабатываться соответствующие типовые контракты, типовые условия контрактов для обеспечения нужд субъектов Российской Федерации по правилам, установленным высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации¹².

⁸ СЗ РФ. 2007. № 38. Ст. 4552.

⁹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 2001. С. 67. Автор главы — М.И. Брагинский.

¹⁰ СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

¹¹ См., например: Типовой контракт на поставку продуктов питания, утв. Приказом Минсельхоза России от 19 марта 2020 г. № 140 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 18.05.2020; Типовой государственный контракт на выполнение работ по обращению с радиоактивными отходами, образовавшимися в результате утилизации атомных подводных лодок (надводных кораблей с ядерными энергетическими установками, судов атомного технологического обслуживания) и реабилитации береговых технических баз Военно-Морского флота, утв. Приказом Госкорпорации «Росатом» от 29 декабря 2015 г. № 1/27-НПА // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.06.2016; Типовой контракт на оказание услуг по запуску космических аппаратов, утв. Приказом Госкорпорации «Роскосмос» от 27 декабря 2017 г. № 455 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.05.2018 (дата обращения: 14.08.2021).

¹² См., например: Типовой государственный контракт на оказание услуг по проведению диспансеризации государственных гражданских служащих, утв. Приказом Минимущества Рязанской области от 25 декабря 2020 г. № 186-Д // Официальный сайт министерства имущественных и земельных отношений Рязанской области. URL: <http://minim.ryazangov.ru>, 30.12.2020; Типовой контракт на оказание услуг, связанных со спортом, утв. Приказом Министерства спорта Тульской области от

Типовой контракт отличается от Типовых условий контракта тем, что представляет проект государственного контракта, в который следует вставить конкретизирующие сведения, а Типовые условия представлены как несколько условий государственного контракта, которые надо включить в самостоятельно разработанный заказчиком госконтракт.

Типовой контракт состоит из двух частей. Постоянная часть не подлежит изменению при их применении в конкретной закупке, поскольку состоит из норм императивного характера. Между тем нарушения подобного рода встречаются на практике. Например, Проект контракта содержал пункт следующего содержания: «Исполнитель вправе выполнить работу с привлечением к исполнению своих обязательств других лиц (Соисполнителя)». Данная редакция противоречила содержанию подп. 3 п. 5.4 Типового контракта на выполнение работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом по регулируемым тарифам, № 2 (утв. Приказом Министерства транспорта РФ от 29 декабря 2018 г. № 482¹³), — «подрядчик обязан выполнять предусмотренные Контрактом работы самостоятельно»¹⁴.

Переменная часть предусматривает возможность выбора варианта условий (данных) из предлагаемого исчерпывающего перечня таких вариантов условий (данных), определенных ответственным органом в типовом контракте, а также возможность внесения информации об условиях (данных) конкретной закупки, содержании таких условий (данных) и порядке определения такого содержания (п. 7 Правил разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, утв. Постановлением Правительства РФ от 2 июля 2014 г. № 606¹⁵). Такие сведения вписываются в пустое поле (строки) в образце Типового контракта.

В качестве примера возьмем Типовой контракт на оказание охранных услуг¹⁶, утвержденный Приказом Росгвардии от 1 июня 2020 г. № 149. К переменной части, характеризующей конкретную закупку, относятся сведения о:

- госконтракте (место и дата заключения; реквизиты решения (протокола), являющегося основанием для заключения контракта по результатам определения исполнителя конкурентным способом или с единственным исполнителем; идентификационный код закупки);
- сторонах госконтракта (наименование заказчика и исполнителя, их юридические адреса, банковские реквизиты и подписи, указание уполномоченных представителей сторон, название и реквизиты удостоверяющего полномочия документа);
- условиях госконтракта (предмет — вид охранной услуги; сроки оказания услуги; размер обеспечения гарантийных обязательств, реквизиты для внесения денежных средств в качестве обеспечения гарантийных обязательств, гарантийный срок; ис-

31 августа 2020 г. № 153-осн // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 03.09.2020 (дата обращения: 14.08.2021).

¹³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 23.07.2019 (дата обращения: 14.08.2021).

¹⁴ Решение Тюменского УФАС России от 9 декабря 2020 г. по делу № 072/06/44/349/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ СЗ РФ. 2014. № 28. Ст. 4053.

¹⁶ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 29.07.2020 (дата обращения: 14.08.2021).

точник финансирования контракта; срок информирования о наступившей непреодолимой силе; наименование суда, рассматривающего спор, не урегулированный во внесудебном порядке; срок действия контракта).

Другая переменная часть типового контракта, которая может варьироваться сторонами с учетом разных обстоятельств, обозначается словами «переменное условие», либо «переменная часть, выбрать вариант», либо даются тексты 2–3 вариантов условий с указанием «следует выбрать один из вариантов».

Высказано соображение о том, что типовой контракт является договором присоединения¹⁷. С таким утверждением согласиться нельзя, так как, во-первых, типовой контракт является нормативным актом, а присоединиться можно к проекту конкретного госконтракта, но не к акту; во-вторых, типовой контракт содержит в переменной части диспозитивные нормы, применение которых разрешает сторонам конкретного госконтракта согласовывать отдельные условия, права и обязанности.

Иные упомянутые в нормативных актах типовые договоры

Законодатель ввел также типовые договоры для ряда гражданских отношений, не имеющих ничего общего с публичными договорами и государственными контрактами. Например, Типовой договор о представлении интересов Российской Федерации в органах управления акционерных обществ, акции которых находятся в федеральной собственности (утв. Приказом Росимущества от 27 января 2021 г. № 12¹⁸), Типовой договор социального найма жилого помещения (утв. Постановлением Правительства РФ от 21 мая 2005 г. № 315¹⁹), Типовой договор о предоставлении торгового места на розничном рынке (приложение № 2 к Постановлению Правительства Республики Башкортостан от 28 апреля 2007 г. № 112 «Об организации деятельности розничных рынков на территории Республики Башкортостан»²⁰).

В отсутствие общих норм о таких типовых договорах действует квалификация их как нормативных актов. Соответственно, возможны искивые требования о признании Типового договора не соответствующим иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и о признании типового договора не действующим полностью или в части (глава 21 КАС РФ). Например, гражданин Ш. обратился в суд с иском о признании недействующими подп. «е», «з», «м» п. 5 Типового договора социального найма жилого помещения. Суд посчитал, что требование административного истца сводится к тому, чтобы Апелляционная коллегия приняла решение о внесении дополнений в Типовой договор в предлагаемой заявителем редакции. Между тем суд сравнил содержание оспариваемых норм Типового договора и вышестоящего акта — Жилищного кодекса РФ и пришел к выводу, что оспариваемые нормы фактически воспроизводят положение ч. 3 ст. 65 ЖК РФ и правовой неопределенности не содержат, соответственно, такое основа-

ние для признания оспариваемого в части нормативного правового акта недействующим отсутствует²¹.

В 1950 г. профессор И.Б. Новицкий объяснял закрепление типовых договоров необходимостью «обеспечения полного соответствия содержания некоторых категорий договора требованиям социалистического права, народнохозяйственного плана, также для наилучшего сочетания интересов граждан с интересами социалистического государства»²².

В современных условиях, когда большинство юристов обеспокоены ограничением свободы договора, сохранение типовых договоров требует дополнительного пояснения. Думается, что типовой договор может издаваться для защиты публичных интересов или недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон.

От типовых договоров как обязательных к исполнению нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации следует отличать примерные формы договоров этих органов, имеющие рекомендательный характер, но иногда обозначенные как «типовой договор». В судебной практике природа таких актов определяется путем толкования введения, преамбулы к спорному нормативному акту, изучения положений о компетенции государственных органов, анализа законов на предмет поиска сведений о делегировании государственному органу полномочий по утверждению типового договора.

Выводы о понимании категории «типовой договор (контракт)»

Типовой договор (контракт) в сфере гражданских отношений является конструкцией, закрепляющей стандартные условия определенного вида договора. Значение типового договора состоит в единообразном решении порядка заключения, содержания и исполнения конкретных гражданских договоров независимо от воли сторон. Использование типового договора является ограничением свободы договора.

По юридической природе типовой договор является нормативным актом. Поэтому типовой договор не заключается, а издается (принимается). В отличие от других нормативных актов правила о договоре изложены в форме образца договора.

Издание типового договора допустимо в случаях, предусмотренных законом, в частности при заключении публичного договора, государственного контракта, в иных случаях.

В содержание типового договора (контракта, формы) могут быть включены императивные и диспозитивные нормы. Поэтому более точно говорить об обязательном применении положений типового договора, базирующихся на императивных нормах, и о применении любого допустимого варианта диспозитивных норм.

Положения типового договора могут быть оспорены путем предъявления в суде требования о признании типового договора не соответствующим иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и о признании типового договора не действующим полностью или в части.

¹⁷ Дадаев Р.В. Типовые государственные контракты // Юрист. 2014. № 12. С. 21–22.

¹⁸ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2126.

²⁰ Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2007. № 10 (256). Ст. 543.

²¹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № АПЛ19-193 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

²² Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 112. Автор главы — И.Б. Новицкий.

Типовой договор, типовое положение (правила), типовые условия имеют одинаковое назначение, но разную форму выражения.

С учетом приведенных выше доводов можно предложить следующее определение типового договора. Типовой договор — правовой акт, содержащий стандартные условия гражданского договора определенного вида в форме образца договора (включающего прежде всего императивные, а также диспозитивные правила), применение которого обязательно для заключения конкретного договора.

Литература

1. Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. Москва : Статут, 1997. 682 с.
2. Дадаев Р.В. Типовые государственные контракты / Р.В. Дадаев // Юрист. 2014. № 12. С. 21–23.
3. Мустафин Р.Ф. Типовые договоры: проблемы формулировки понятия / Р.Ф. Мустафин // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 114–117.

4. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. Москва : Госюр-издат, 1950. 416 с.

References

1. Braginsky M.I. Dogovornoe pravo. Obschie polo-zheniya [Contractual Law. General Provisions] / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 1997. 682 s.
2. Dadaev R.V. Tipovy'e gosudarstvenny'e kontrakty' [Model State Contracts] / R.V. Dadaev // Yurist — Lawyer. 2014. № 12. S. 21–23.
3. Mustafin R.F. Tipovy'e dogovory': problemy' formulirovki ponyatiya [Model Agreements: Concepts Wording Problems] / R.F. Mustafin // Probely' v rossiyskom zakonodatel'stve — Gaps in Russian Laws. 2012. № 2. S. 114–117.
4. Novitsky I.B. Obschee uchenie ob obyazatel'stve [The General Doctrine on an Obligation] / I.B. Novitsky, L.A. Lunts. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1950. 416 s.

DOI: 10.18572/2070-2140-2022-4-6-9

Правовые последствия отсутствия согласия на совершение сделки (в разрезе концепта относительной недействительности сделки)

Поваров Юрий Сергеевич,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат юридических наук, доцент
cl-su@mail.ru

Гражданско-правовая регламентация последствий нарушения предусмотренного законом режима согласования совершения сделок (см. ст. 173.1 ГК РФ), претерпевшая, как известно, кардинальную трансформацию в ходе реформы гражданского законодательства, в настоящее время предполагает многообразие «реактивных» юридических эффектов (оспоримость либо ничтожность сделки, наступление иных, не сопряженных с недействительностью сделки, последствий). Хотя подобный «плюрализм» отнюдь не является типичным (стандартным для законодателя при описании последствий допущения тех или иных дефектов является констатация определенного вида недействительности сделки, кроме, конечно, случая *общего* нормирования последствий нарушения требований правового акта в ст. 168 ГК РФ), для ситуаций несоблюдения разрешительного порядка он видится довольно гармоничным и сбалансированным (учитывая, в частности, неоднородность поводов для введения процедур согласования).

В силу абз. 1 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ из закона, помимо прочего, может следовать, что сделка при отсутствии согласия не влечет правовых последствий для лица, управомоченного давать согласие. Однако **интерпретация данной формулы вызывает серьезные затруднения, прежде всего в контексте оценки сделки как действительной или, наоборот, недействительной.**

Так, *противоречивость* и недосказанность обнаруживаются при *формально-юридическом* системном

анализе соответствующих *законоположений*. С одной стороны, текущая законодательная диверсификация видов недействительности дихотомична — «порочные» сделки относятся к разряду либо ничтожных, либо оспоримых, иного не дано (см. ст. 166, 167 ГК РФ). Между тем из абз. 1 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ зримо вытекает, что разбираемое последствие «существует» с потенциальной оспоримостью или ничтожностью сделки (не поглощается данными «опциями» и не пересекается с ними); это, в свою очередь, является весомым поводом для отрицания правомерности квалификации сделки как недействительной, если закон в отступление от общего правила (оспоримость сделки) ситуативно предусматривает норму о том, что сделка не порождает правовых последствий для субъекта, согласие которого необходимо было получить.

С другой стороны, сущность недействительной сделки как раз и заключается, по мысли законодателя, в том, что она «не влечет юридических последствий [причем без расшифровки субъектного аспекта], за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью» (п. 1 ст. 167 ГК РФ), но именно о ненаступлении правовых последствий, пускай только для лица, управомоченного давать согласие, как раз и заявляется в абз. 1 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ; вдобавок к этому допустимость установления иных, нежели недействительность сделки, последствий отсутствия согласия оговаривается отдельно (в отрыве от обсуждаемой формулы) — в абз. 2 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ. Приведенные обстоятельства, напротив, дают не-

которые основания для рассмотрения сделки как недействительной, хотя и в отношении строго определенных лиц.

На *концептуальном уровне* такое не совсем ординарное положение вещей иногда описывается с помощью *конструкции относительной недействительности сделки*, когда юридические последствия сделки «дезавируются» не для ее участников, а каких-либо третьих лиц. В частности, Е.А. Воробьева изучаемую «клаузулу» четко называет как «относительная недействительность сделки» (причем противопоставляя ее и недействительности сделки, и иным последствиям отсутствия согласия, не связанным с недействительностью сделки)¹; о том, что относительная недействительность сделки (означающая, что «сделка порождает правовые эффекты в отношении ее сторон, но не может быть противопоставлена конкретному третьему лицу») «прямо упомянута в п. 1 ст. 173.1 ГК РФ [здесь и далее курсив в цитатах наш. — Ю.П.]», — заключает А.А. Громов². Скрупулезно исследуя проблему сложности квалификации сделок, посягающих на права и законные интересы третьих лиц на примере продажи чужой вещи (ничтожность в силу п. 2 ст. 168 ГК РФ, оспоримость на основании ст. 173.1 ГК РФ и т.д.), О.В. Гутников объявляет ненаступление правовых последствий, о котором говорится в абз. 1 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ, относительной недействительностью сделки; при этом, по словам ученого, «продажа чужой вещи как раз подпадает под этот случай: сделка не влечет правовых последствий для собственника вещи, но для ее сторон сохраняет силу...»³ (правда, с авторским суждением о распространении зоны действия ст. 173.1 ГК РФ на отношения продажи чужого имущества можно поспорить, учитывая, что собственника едва ли обоснованно признавать третьим лицом, чье согласие надлежит испрашивать для легитимного совершения сделки (опуская, естественно, вариант нахождения объекта в общей совместной собственности)). Попутно заметим, что концепт относительной недействительности сделок не является новейшим научным «продуктом» — всестороннее критическое осмысление он получил в западноевропейской юриспруденции еще в начале XX в. (а равно в отечественной цивилистике — в первую очередь благодаря глубокому изысканию Д.М. Генкина, опубликованным в 1913–1914 гг.⁴).

Очевидное *смысловое сопряжение* исследуемой законодательной формулы имеет место с *правилами п. 2 ст. 174.1 ГК РФ*, в соответствии с которыми нарушение запрета на распоряжение имуществом

должника, наложенного в судебном или ином закрепленном законом порядке, *не препятствует реализации обеспечиваемых запретом прав* управомоченного лица (не являвшегося участником сделки), за исключением случаев добросовестности приобретателя имущества. Таким образом, подобно цитировавшемуся предписанию абз. 1 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ, приведенные законоположения постулируют безразличие совершенной сделки для соответствующего третьего лица (с точки зрения возможности осуществления принадлежащего ему субъективного права).

Невзирая на то что используемая в п. 2 ст. 174.1 ГК РФ формулировка не столь рельефно отражает «нейтрализацию» правовых эффектов сделки для третьих лиц, проведение параллелей с указаниями абз. 1 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ в разрезе модели относительной недействительности сделки вполне уместно, ибо:

- в обоих случаях подразумевается *дифференциация «внутренней» и «внешней» силы дефектной сделки*, имеющая целью защитить *интересы сторонних субъектов*;

- *теория относительной недействительности сделки* изначально *разрабатывалась* и активно обсуждалась в доктрине перво-наперво *в приложении к ситуациям игнорирования запретов на распоряжение имуществом должника*⁵ («...с относительной недействительностью, — подчеркивал Д.М. Генкин, — мы встречаемся в тех случаях, когда на сцену выступает вопрос о защите интересов кредиторов от невыгодных последствий распоряжения должником его имуществом»; *результат таких порочных сделок «...не должен нарушать интересы определенного третьего лица»*⁶).

Симптоматично, что предписания п. 2 ст. 174.1 ГК РФ в современной литературе также подвергаются анализу в срезе идеи об относительной недействительности сделки. Например, Р.С. Беззенко небезпричинно высказывает предположение о том, что «исзначальная цель... нормы заключалась в установлении... оснований для развития... доктрины *относительной ничтожности*» (в русле чего «ничтожность сделки, совершенной с нарушением ареста, является относительной — сделка существует лишь в отношении лица, добившегося ареста»), но «последовавшая реформа залогового права предложила иную интерпретацию п. 2 ст. 174.1 ГК РФ», при который норма вводит конструкцию следования залога за вещь для последствий продажи имущества, арестованного по обязательственному иску (а не недействительности сделки)⁷. К.И. Скловский, в целом абсолютно верно усмотрев (по результатам всестороннего разбора в том числе п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) «тенденцию к сохранению действия сделок, нарушающих права третьих лиц, которым взамен непригодного... механизма реституции... предоставляются иные средства защиты», пришел к выводу о том, что здесь «*недействительность... сделок является относительной*»⁸.

¹ См.: Воробьева Е.А. Оспоримость сделки как одно из юридических последствий совершения сделки без установленного законом согласия // Вестник арбитражной практики. 2016. № 6 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

² Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018 (доступ из СПС «КонсультантПлюс») (автор — А.А. Громов).

³ См.: Гутников О.В. Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые: основные идеи и результаты реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 54. Но в итоге автор, по-видимому, исходит из действительности такой сделки (о чем свидетельствует резюмирующий вывод о том, что «сделка по продаже чужой вещи вообще не является недействительной» (с. 55 указанного сочинения)).

⁴ См.: Генкин Д.М. Относительная недействительность сделок // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 4. С. 190–220.

⁵ Дискуссия во многом вращалась вокруг предписаний § 135, 136 Германского гражданского уложения, в соответствии с которыми распоряжение предметом вопреки законодательному или административному запрету отчуждения недействительно в отношении определенных заинтересованных лиц.

⁶ См.: Генкин Д.М. Указ. соч. С. 197–198.

⁷ Сделки, представительство, исковая давность... [доступ из СПС «КонсультантПлюс»] (автор — Р.С. Беззенко).

⁸ См.: Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М.: Статут, 2019 [доступ из СПС «КонсультантПлюс»].

Несмотря на небеспочвенность приведенных суждений, из п. 2 ст. 174.1 ГК РФ (в сравнении с п. 1 ст. 174.1, где ясно указывается именно на ничтожность соответствующей части сделки), думается, все-таки не вытекает недействительность сделки, в том числе относительная. Скорее, «введение... нормы, — как здраво размышляет В.С. Костко, — призвано подчеркнуть, что сделки с нарушением ареста действительны, поскольку только в этом случае можно эффективнее... соблюсти и права приобретателя, и права кредитора»⁹. Верховный Суд РФ, напомним, также занял позицию, в соответствии с которой по смыслу обозреваемых законоположений сделка, совершенная с нарушением запрета на распоряжение, является действительной (причем безотносительно к (не)добросовестности приобретателя имущества) (см. п. 94, 95 Постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», Определение от 17 июля 2020 г. № 309-ЭС20-10301), что «позволяет арестованному имуществу находиться в обороте» (Определение от 27 февраля 2017 г. № 301-ЭС16-16279).

В более масштабном измерении особенно важным становится исследование того, насколько рациональным и продуктивным в принципе является теоретический конструкт относительной недействительности сделки. Сразу стоит оговориться, что:

во-первых, его нельзя смешивать с устойчиво присутствующей в науке и так или иначе поддерживаемой законодателем установкой на размежевание вариаций недействительности сделок исходя из того, требуется ли для оценки сделки как недействительной инициативное поведение какого-либо лица (подача соответствующего иска). Действующее российское законодательство в целом продолжает следовать означенной линии через подразделение недействительных сделок на оспоримые (когда сделка недействительна в силу признания ее таковой судом) и ничтожные (если сделка недействительна независимо от подобного признания) (ст. 166 ГК РФ); при этом в литературе частотно встречающейся оказывается трактовка оспоримых сделок как относительно (либо условно) недействительных — в противовес пониманию ничтожных сделок как абсолютно (или безусловно) недействительных (сверх того, периодически высказываются соображения в пользу легализации данных понятий).

«Относительность» в данном случае состоит преимущественно в том, что без заявления управомоченным лицом требования о признании оспоримой сделки недействительной и удовлетворения иска сделка не считается недействительной. Кроме того, она проявляется и в субъектном аспекте — названное требование может быть предъявлено не любым лицом, а только указанным в законе (впрочем, в настоящее время — в связи с ограничением круга субъектов, наделенных правом заявлять требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки, — роль собственно субъектного фактора для отграничения оспоримых сделок от ничтожных сильно упала). Но речь в любом случае, и это самое главное в плоскости обсуждаемой нами проблематики, вовсе не идет о разнице в констатации (не)наступления сделочных правовых результатов исходя из субъектного признака,

во-вторых, разбираемый концепт не получил явной поддержки у российского законодателя (любопытно, что в п. 4.1.2 разд. II Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г., говорилось именно о «недействительности в отношении лица, управомоченного давать согласие», но в итоге нормотворец отказался от данной квалификации, прибегнув к «мягкой» формуле о непорождении сделкой юридических последствий для субъекта, чье согласие требовалось, но не было получено), что, кстати, понимают и ученые, опирающиеся на конструкт относительной недействительности сделки (к примеру, А.А. Громов правильно указывает, что «классификация, избранная ГК РФ в качестве основополагающей, не учитывает... относительную недействительность сделки»; мало того, «на данный момент не вполне очевидно, в каких ситуациях такое специфическое последствие было бы логично применять и выводить из закона»¹⁰).

Поэтому сегодня утверждать о недействительности сделки, даже относительной, в формально-юридическом плане нельзя. Другое дело, присутствуют ли достойные резоны для последовательной легализации модели относительной недействительности сделки.

Вообще, дифференцированное регулирование вопроса о (не)наступлении всех и или некоторых правовых последствий юридического акта в зависимости от субъектного момента (акторы — третьи лица) само по себе не является чем-то крамольным и удивительным. В частности, данный подход оказался востребованным при нормировании отношений по поводу роли государственной регистрации так называемых *формальных договоров* — на основании п. 3 ст. 433 ГК РФ правовой эффект соглашения, не прошедшего вопреки закону регистрацию, различается по субъектному критерию:

- для сторон договора в отношениях между ними он влечет соответствующие правовые последствия, вследствие чего, помимо прочего, сторона не вправе ссылаться на незаключенность договора;

- для третьих лиц (не осведомленных в условиях отсутствия государственной регистрации об обременениях имущества и т.п.) договор, напротив, не признается заключенным, а потому он не влечет последствий, способных оказать влияние на права и интересы третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о факте заключения договора и о содержании его условий (см. п. 5, 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»).

Особо подчеркнем, что о недействительности договора, в том числе для третьих лиц, ни в специально посвященной договорам ст. 433 ГК РФ, ни в общих для всех сделок ст. 164, 165 ГК РФ в настоящее время не говорится (это весьма символично, поскольку ранее законодатель в ст. 165 ГК РФ принципиально допускал недействительность сделки при несоблюдении требования о ее государственной регистрации).

Неединообразно, среди прочего, определяется время вступления в силу *изменений, вносимых*

⁹ Костко В.С. Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 2. С. 55.

¹⁰ Сделки, представительство, исковая давность... [доступ из СПС «КонсультантПлюс»] (автор — А.А. Громов).

в учредительные документы юридических лиц: согласно п. 6 ст. 52 ГК РФ, такие изменения обретают потенцию с момента государственной регистрации (либо уведомления регистрирующего органа) лишь для третьих лиц (но не учредителей (участников) организации).

В свете изложенного корневым для нас становится ответ на вопрос об (не)органичности подхода дифференцированной регламентации исходя из субъектного критерия в «системе координат» института недействительности сделок (не приводит ли его специфика к упречности такого «дуалистического» упорядочения отношений?). Думается, что оценка правила, в соответствии с которым правовые последствия совершенной сделки юридически безразличны для некоторых третьих лиц, сквозь призму концепта относительной недействительности сделки спорна и «неудобна».

Во-первых, последовательное проведение этого конструкта приводит к тому, что один и тот же акт одновременно оказывается для одних лиц (включая участников сделки) действительным, а для других определенных лиц — недействительным. Противоречивость подобного постулирования блестяще доказал Д.М. Генкин: «...такая отправная точка зрения неизбежно обрекает... теории на неуспех...», «относительно недействительные сделки должны быть признаны действительными с самого начала, и притом по отношению ко всем лицам...»¹¹.

Во-вторых, главный смысл восприятия сделки как недействительной состоит в «обнулении» правовых последствий, на которые она была направлена (передача вещи с переходом права собственности и пр.), в логике чего базовым имущественным последствием недействительности выступает реституция. Поэтому, как убедительно рассуждает В.С. Костко, «когда говорят о правовом эффекте сделки для третьих лиц, имеют в виду совершенно иные последствия, которые и не охватываются недействительностью»; «относительно недействительная сделка, — резюмирует ученый, — мало чем отличается от действительной», тогда как «истинная ничтожность означает, что у сторон не возникают те права, на которые направлена сделка»¹².

Возвращаясь к формуле абз. 1 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ о допустимости помещения в закон специальной оговорки о том, что сделка не влечет юридических последствий для лица, управомоченного давать согласие на совершение сделки, кажется оправданным — в русле представленной критики концепта относительной недействительности сделки — заключить, что данное законодательное указание не укладывается в институт недействительности сделки (нецелесообразно его толковать и в качестве вариации относительной недействительности). Кроме того, во избежание некорректного сопоставления с универсальным «циркуляром» о том, что «недействительная сделка не влечет юридических последствий» (п. 1 ст. 167 ГК РФ), присутствует смысл, пожалуй, подумать о словесном уточнении анализируемой нормы (что, в свою очередь, предполагает внесение ясности по поводу того, в каких случаях адекватно утверждать о ненаступлении юридических эффектов исключительно для лица, управомоченного давать согласие; пока же данный ракурс остается весьма туманным).

¹¹ Генкин Д.М. Указ. соч. С. 206–207.

¹² Костко В.С. Указ. соч. С. 57.

Литература

1. Воробьева Е.А. Оспоримость сделки как одно из юридических последствий совершения сделки без установленного законом согласия / Е.А. Воробьева // Вестник арбитражной практики. 2016. № 6. С. 10–16.
2. Генкин Д.М. Относительная недействительность сделок / Д.М. Генкин // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 4. С. 190–220.
3. Гутников О.В. Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые: основные идеи и результаты реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации / О.В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 48–67.
4. Костко В.С. Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) / В.С. Костко // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15. № 2. С. 51–75.
5. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2018. 1264 с.
6. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности / К.И. Скловский. 4-е изд., доп. Москва: Статут, 2019. 278 с.

References

1. Vorobyeva E.A. Oспорimost' sdelki kak jedno iz yuridicheskikh posledstviy soversheniya sdelki bez ustanovlennogo zakonom soglasiya [Challengeability of a Transaction as One of Legal Consequences of Making a Transaction without a Legally Required Consent] / E.A. Vorobyeva // Vestnik arbitrazhnoy praktiki — Bulletin of Arbitration Practice. 2016. № 6. S. 10–16.
2. Genkin D.M. Otnositelnaya nedeystvitelnost' sdelok [Relative Invalidity of Transactions] / D.M. Genkin // Vestnik grazhdanskogo prava. 2014. № 4. T. 14 — Civil Law Bulletin. 2014. Vol. 14. № 4. S. 190–220.
3. Gutnikov O.V. Delenie nedeystvitelny'kh sdelok na nichtozhny'e i osporimy'e: osnovny'e idei i rezultaty reformirovaniya Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Division of Invalid Transactions into Void and Challengeable Ones: The Main Ideas and Results of Reformation of the Civil Code of the Russian Federation] / O.V. Gutnikov // Pravo. Zhurnal Vy'sshey shkoly ekonomiki — Law Journal of the Higher School of Economics. 2017. № 2. S. 48–67.
4. Kostko V.S. Pravovy'e posledstviya zapreta na rasporyazhenie imuschestvom (p. 2 st. 174.1 GK RF) [Legal Consequences of a Prohibition on Disposal of Property (Clause 2 of Art. 174.1 of the Civil Code of the Russian Federation)] / V.S. Kostko // Vestnik grazhdanskogo prava. 2015. T. 15, № 2 — Civil Law Bulletin. 2015. Vol. 15. № 2. S. 51–75.
5. Sdelki, predstavitelstvo, iskovaya davnost': postateyn'y kommentariy k statyam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Transactions, Representation, Limitation of Action: The Article-by-Article Commentary on Articles 153 to 208 of the Civil Code of the Russian Federation] / otvetstvenny'y redaktor A.G. Karapetov. Moskva: M-Logos — publishing editor A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2018. 1264 s.
6. Sklovsky K.I. Sdelka i ee deystvie. Kommentariy glavy 9 GK RF. Printsip dobrosovestnosti [A Transaction and Its Effect. The Commentary on Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation. The Principle of Good Faith] / K.I. Sklovsky. 4-e izd., dop. Moskva: Statut — 4th edition, enlarged. Moscow: Statute, 2019. 278 s.

Некоторые особенности оспаривания сделок должника в делах о несостоятельности кредитных организаций

Михневич Татьяна Николаевна,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
Tanyusha_m@mail.ru

Институт оспаривания сделок должника в делах о несостоятельности представляется средством защиты в первую очередь интересов кредиторов, поскольку направлен прежде всего на пополнение конкурсной массы должника с целью дальнейшего распределения вырученных от реализации конкурсной массы должника денежных средств между кредиторами.

Процедура оспаривания сделок должника в рамках дела о несостоятельности, предусмотренная главой III.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), имеет ряд особенностей в отличие от общих правил оспаривания сделок, предусмотренных Гражданским кодексом РФ (ГК РФ).

Данная глава предусматривает возможность признания недействительными подозрительных сделок должника, сделок с предпочтением и оспаривание иных сделок.

Так, в ст. 61.2 Закона о банкротстве законодатель допускает признание сделки недействительной, если она была заключена должником в течение одного года до принятия заявления о признании его несостоятельным или после его принятия и имеется неравноценное встречное исполнение обязательств другой стороной сделки, а именно если рыночная стоимость имущества, переданного должником, или осуществленного им иного исполнения обязательств превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств существенным образом (подозрительная сделка).

Законодательством также предусмотрены и иные «подозрительные сделки», совершенные должником в трехлетний период до принятия заявления о признании его несостоятельным или после его принятия в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, и если при этом другая сторона сделки знала об указанной цели. Немаловажным фактором при совершении таких сделок является презумпция «осведомленности».

«Сделка с предпочтением» может быть признана недействительной по ст. 61.3 Закона о банкротстве если она: 1) направлена на обеспечение исполнения обязательства должника или третьего лица перед отдельным кредитором, возникшего до совершения оспариваемой сделки; 2) привела или может привести к изменению очередности удовлетворения требований кредитора по обязательствам, возникшим до совершения оспариваемой сделки; 3) привела или может привести к удовлетворению требований, срок исполнения которых к моменту совершения

сделки не наступил, одним кредитором при наличии не исполненных в установленный срок обязательств перед другими кредиторами; 4) привела к тому, что отдельному кредитору было оказано или может быть оказано большее предпочтение в отношении удовлетворения требований, существовавших до совершения оспариваемой сделки, чем было бы оказано в случае расчетов с кредиторами в порядке очередности в соответствии с законодательством Российской Федерации о несостоятельности.

Однако при оспаривании сделок должника в рамках дела о несостоятельности кредитных организаций (далее — банк) данная процедура имеет ряд особенностей, предусмотренных ст. 189.40 и 189.90 Закона о банкротстве.

В частности, если сделка, была совершена банком (или иными лицами за счет банка) до даты назначения временной администрации по управлению банком либо после такой даты, она может быть признана недействительной в порядке и по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, Гражданским кодексом РФ и другими федеральными законами.

В соответствии со ст. 189.40 Закона о банкротстве при оспаривании сделок по основаниям ст. 61.3 Закона о банкротстве по совершению денежных операций со счета клиента (по поручению клиента или без него) необходимо доказать, что все вышеуказанные сделки выходят за рамки обычной хозяйственной деятельности банка.

При этом сделка не относится к обычной хозяйственной деятельности, если: 1) оспариваемый платеж был осуществлен банком посредством корреспондентского счета (субсчета) с нарушением очередности, установленной Гражданским кодексом РФ, при наличии иных распоряжений клиентов, номинированных в той же валюте и не исполненных в срок ввиду недостаточности денежных средств на указанном корреспондентском счете (субсчете) этого банка, либо если доказано, что клиент, осуществивший оспариваемый платеж, или получатель платежа знал о наличии других таких неисполненных распоряжений по другому корреспондентскому счету (субсчету) этого банка; 2) клиент или получатель платежа является заинтересованным либо контролирующим лицом по отношению к банку; 3) назначение или размер оспариваемого платежа существенным образом отличается от ранее осуществленных клиентом перечислений с учетом его сложившихся отношений с банком в прошлом, и клиент при этом не может представить разумные убедительные доводы в пользу этого платежа, и если размер платежа или их сово-

купность, в интервале одного операционного дня, превысили один миллион рублей.

Между тем, согласно п. 14 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”», не подлежат оспариванию на основании п. 1 ст. 61.2 или ст. 61.3 Закона о банкротстве сделки, если цена имущества, передаваемого по одной или нескольким взаимосвязанным сделкам («цепочке сделок»), или размер принятых обязательств или обязанностей не превышает один процент стоимости активов должника, определяемой по данным бухгалтерской и финансовой отчетности должника за последний отчетный период.

Также к обычным хозяйственным сделкам не относятся платежи с большой просрочкой, предоставление отступного и возврат кредита, не имеющий разумного экономического обоснования его досрочного погашения¹.

Таким образом, с учетом ст. 189.40, 189.90 Закона о банкротстве для признания сделки недействительной по п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве в суде необходимо установить и доказать следующее: 1) оспариваемая сделка была совершена в пределах одного месяца, предшествующего дате отзыва у банка лицензии и назначения временной администрации; 2) момент и природу платежного поручения клиента, предъявленного в банк для их исполнения; 3) последовательность фактически исполненных банком платежных поручений; 4) наличие иных требований кредиторов банка до исполнения оспариваемых платежных поручений клиента; 5) наличие картотеки к внебалансовому счету 90904 (неоплаченные в срок документы из-за отсутствия средств на корреспондентских счетах банка); 6) наличие «скрытой» картотеки; 7) размер оспариваемой сделки превышает один миллион рублей².

Положения ст. 61.6 Закона о банкротстве в качестве последствия признания сделки недействительной предусматривают возврат всего, что было получено по сделке другой стороной, в конкурсную массу либо возмещение действительной стоимости данного имущества, определяемой на момент приобретения; и, кроме того, допускается возможность взыскания убытков, вызванных последующим изменением стоимости имущества, на основании положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах, возникающих вследствие неосновательного обогащения.

Обратиться в суд с заявлением о признании сделки должника недействительной вправе в том числе конкурсный управляющий. Конкурсным управляющим при несостоятельности банков, имевших лицензию Банка России на привлечение денежных средств физических лиц во вклады, является Государственная корпорация Агентство по страхованию вкладов (далее — Агентство).

В силу положений п. 4 и 5 ст. 20 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и бан-

ковской деятельности» (далее — Закон о банках и банковской деятельности) с момента отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций запрещается, в частности, совершать сделки с имуществом банка, в том числе исполнять банком любые обязательства, за исключением текущих; и прекращаются прием и осуществление по корреспондентским счетам банка платежей на счета клиентов банка. При этом банки и учреждения Банка России должны осуществлять возврат платежей, поступающих после дня отзыва лицензии на осуществление банковских операций в пользу клиентов банка, на счета плательщиков в банках-отправителях.

Согласно п. 1 ст. 20 Закона о банках и банковской деятельности, с момента отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций срок исполнения обязательств банка, которые возникли до дня отзыва лицензии на осуществление банковских операций, считается наступившим по общему правилу.

Таким образом, срок исполнения обязательств считается наступившим только для самого банка. Срок исполнения обязательств по кредитным и «ипотечным» договорам для клиентов не считается автоматически наступившим, поскольку данное положение не предусмотрено законом.

Соответственно, обязанности досрочного исполнения денежного обязательства по кредитному договору у клиентов несостоятельного банка не наступает.

Между тем правоприменительная практика свидетельствует о том, что клиенты, в целях уменьшения суммы процентов по кредиту, часто досрочно погашают долг, не обращая внимание на финансовое состояние банка.

Однако именно в момент неплатежеспособности, в том числе в случае и сроки, указанные в п. 1 ст. 189.40 и ст. 61.2 61.3 Закона о банкротстве, все платежи клиентов банка, направленные на частично досрочное или полное погашение денежных обязательств, впоследствии будут признаваться недействительными сделками, к которым будет применяться реституция.

Так, например, в рамках дела № А40-137960/17 Определением Арбитражного суда г. Москвы от 19 октября 2018 г., оставленным в силе Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2019 г., суд на основании п. 1, 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве признал недействительными сделками заключенные между ПАО «Межтопэнергобанк» и АО «МСП Банк» договоры уступки прав, при этом судом также были применены последствия признания сделок недействительными в виде возврата в конкурсную массу ПАО «Межтопэнергобанк» прав (требований) по кредитным договорам, являющимся предметом оспаривания договоров уступки прав (требований), включая права, обеспечивающие исполнение обязательств заемщиков и другие, в том числе права на начисленные и неуплаченные проценты, неустойки и штрафы. То есть по сути произошло перефинансирование клиента и досрочное погашение задолженности другим банком за клиента перед несостоятельным банком в период подозрительности.

Как указал суд, досрочное погашение краткосрочного межбанковского кредита было осуществлено посредством заключения договоров уступки права требований (цессий), однако погашение

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”».

² Баршиц И.Н., Быков В.П., Черникова Е.В. и Маркелов И.В. Особенности оспаривания сделок с предпочтением в рамках дел о банкротстве банков // Современное право. 2020. № 1. С. 93.

данного кредита досрочно и с предоставлением отступного по общему правилу не может быть отнесено к сделкам, которые совершаются в процессе обычной хозяйственной деятельности³.

Определением Арбитражного суда г. Москвы от 25 августа 2017 г. в рамках дела № А40-125012/16-179-111Б суд также удовлетворил требования конкурсного управляющего в лице Агентства о признании банковских операций по досрочному погашению кредита недействительными и применил последствия. В качестве аргументов и обоснования суд указал, что погашение кредитной задолженности осуществлялось с расчетного счета клиента, при этом указанные погашения противоречили графику погашения кредита как по суммам, так и по срокам и в три раза превышали размер ежемесячного платежа. После отзыва у банка лицензии банк по отношению к клиенту являлся должником и был обязан вернуть остаток по счету клиенту в порядке и очередности, установленных законом о банкротстве, т.е. клиент в свою очередь являлся кредитором банка по отношению тех средств, которые находились на его счете. Осуществив досрочное погашение кредитной задолженности, клиент, являясь кредитором банка, получил немедленное удовлетворение своих требований к банку как к должнику, а между тем требования других кредиторов, предъявленные ранее, остались без удовлетворения, что, соответственно, свидетельствует о предпочтительном удовлетворении требования клиента. Таким образом, подобные сделки, по мнению суда, направлены на обход порядка удовлетворения требований кредиторов.

По аналогичным основаниям Определением Верховного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. по делу № 712-ПЭК15 суд отменил определение суда первой инстанции и постановление округа, оставив при этом в силе постановление апелляционного суда о признании недействительной сделкой досрочное погашение векселя в рамках дела № А40-184548/2013⁴.

В другом деле № А62-7344/2013 Постановлением Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 апреля 2018 г. суд также признал недействительной сделкой операции по списанию денежных средств с вексельного счета на ссудный счет банка по средствам простых векселей в счет досрочного погашения основного долга по договору кредитной линии⁵.

Также Постановлением Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 7 ноября 2019 г. по делу № А84-1175/2018 отменено определение суда первой инстанции и удовлетворены требования конкурсного управляющего банка о признании недействительными сделками банковских операций по перечислению денежных средств в счет досрочного погашения задолженности клиента по кредитным договорам⁶.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 октября 2019 г. по делу № А40-137960/17. URL: <http://kad.arbitr.ru>

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. по делу № 712-ПЭК15. URL: <http://kad.arbitr.ru>

⁵ Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 апреля 2018 г. по делу № А62-7344/2013. URL: <http://kad.arbitr.ru>

⁶ Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 7 ноября 2019 г. по делу № А84-1175/2018. URL: <http://kad.arbitr.ru>

Учитывая сложившуюся практику, клиент банка, исполнив все денежные обязательства перед неплатежеспособной кредитной организацией, остается ей должен, поскольку законодательно вышеуказанные действия автоматически приравниваются к «недобросовестным» не столько со стороны клиентов, сколько со стороны кредитной организации, которая списала перечисленные денежные средства клиента с корреспондентского счета банка и направила на погашение кредиторской задолженности, в обход поручений других клиентов. При этом очевидно, что подобные «виртуальные» положения являются фикцией, поскольку клиент, исполнивший досрочно кредитные обязательства, после признания такой сделки недействительной снова становится должником кредитной организации, т.е. по сути происходит двойное исполнение. Тот факт, что банк в свою очередь должен вернуть клиенту денежную сумму, перечисленную ему по первой сделке в момент досрочного погашения долга, нельзя серьезно принимать во внимание, так как с учетом действующего российского законодательства о банкротстве и механизма исполнения обязательств несостоятельным должником данный клиент должен будет включиться в реестр требований кредиторов должника для возврата денежных средств. В то время как процедура взыскания задолженности с него (повторной, по уже частично досрочно или полно погашенному кредиту) представляется более реальной.

В связи с вышеизложенным в качестве разумной рекомендации для клиентов неплатежеспособных кредитных организаций представляется приостановление исполнения денежных обязательств по погашению кредита или ипотеки. Несостоятельный банк в свою очередь, как правило, уступает права требования к таким клиентам. При этом срок для исполнения обязательств по кредитному или ипотечному договору для клиентов не меняется, поскольку законодательством не предусмотрено такого основания. В случае нереализации или невозможности реализации права на продажу или уступку права требования к «подобным» клиентам, при завершении производства по делу о несостоятельности банка данные требования к клиентам списываются.

В случае досрочного частичного или полного погашения кредита со стороны клиентов банка (физических лиц) в преддверии несостоятельности банка в целях защиты добросовестных клиентов представляется необходимым внести следующие изменения в действующее законодательство и предлагается:

1) изложить п. 5 ст. 20 Закона о банках и банковской деятельности в следующей редакции: «прекращаются прием и осуществление по корреспондентским счетам кредитной организации платежей на счета клиентов кредитной организации (юридических лиц). Кредитные организации и учреждения Банка России осуществляют возврат платежей, поступающих после дня отзыва лицензии на осуществление банковских операций, в пользу клиентов кредитной организации, на счета плательщиков в банках-отправителях. Денежные средства, поступающие от физических лиц в счет досрочного частичного или полного погашения кредита или ипотеки, принимаются кредитной организацией и направляются на соответствующие цели не позднее двух рабочих дней с момента поступления их на счет клиента с поручением»;

2) дополнить ст. 189.40 Закона о банкротстве пунктом 13: «Правила настоящей статьи не применяются к сделкам, совершенным физическими лицами — клиентами кредитной организации, направленным на досрочное частичное или полное исполнение кредитного или ипотечного обязательства»;

3) изложить п. 1 ст. 189.90 Закона о банкротстве в следующей редакции: «Сделка, совершенная кредитной организацией или иным лицом за ее счет, может быть признана арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве кредитной организации, недействительной по заявлению конкурсного управляющего в порядке и по основаниям, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, Гражданским кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами, с учетом особенностей, установленных настоящим параграфом. К оспариванию таких сделок применяются правила, предусмотренные п. 1–10, 13 ст. 189.40 настоящего Федерального закона».

В отношении сделок юридических лиц, направленных на досрочное частичное или полное

погашение задолженности перед банком, не видится необходимости вносить изменения в законодательство, поскольку данный субъект права несет самостоятельно риск ответственности как субъект предпринимательской деятельности и должен проявлять осмотрительность.

Литература

1. Барциц И.Н. Особенности оспаривания сделок с предпочтением в рамках дел о банкротстве банков / И.Н. Барциц, Е.В. Черникова, И.В. Маркелова // Современное право. 2020. № 1. С. 88–96.

References

1. Bartsits I.N. Osobennosti osparivaniya sdelok s predpochteniem v ramkakh del o bankrotstve bankov [Peculiarities of Challenging of Transactions with Unfair Preference within the Framework of Bank Bankruptcy Cases] / I.N. Bartsits, E.V. Chernikova, I.V. Markelova // Sovremennoe pravo — Modern Law. 2020. № 1. S. 88–96.

DOI: 10.18572/2070-2140-2022-4-13-16

Правосубъектность как предпосылка ведения профессиональной деятельности спортсмена

Васькевич Владимир Петрович,

доцент кафедры предпринимательского и энергетического права

Казанского федерального университета,

кандидат юридических наук

vaskevich_vlad@mail.ru

Правоспособность в профессиональном спорте не составляет особого (субстантивного) явления и представляет собой разновидность правоспособности гражданина. В целом она направлена на то, чтобы дать возможность заключать необходимые для спортсмена договоры, обеспечивающие его особую деятельность: тренироваться, получать специальные консультации о методах подготовки и медицинскую помощь, участвовать в соревнованиях, вести иную активную работу как в сфере собственно спорта, так и его пропаганды. В силу обладания гражданской правоспособностью спортсмен также может входить в спортивные организации. При этом именно гражданско-правовая правосубъектность выступает фундаментом для такой деятельности, поскольку другие необходимые факты и обстоятельства предопределены его занятиями профессиональным спортом. Включение спортсмена в систему учета¹, наличие квалификации, спортивных званий и разрядов,

прохождение спортивного отбора и медицинских проверок, допинг-контроля и другие проверочные действия образуют довольно широкий круг условий, в которых осуществляется профессиональная деятельность спортсмена. Иначе говоря, такие акты вызваны профессиональной деятельностью, а не наоборот, они ее сопровождают, но не предопределяют.

Анализ основных проблем правосубъектности в профессиональном спорте может быть проведен на базе следующих положений.

Момент возникновения правоспособности профессионального спортсмена определить не затруднительно, но он связан преимущественно не с возрастом, а с тем, когда именно начнется профессиональная деятельность спортсмена. В случае, когда контракт заключается с несовершеннолетними и малолетними, недостаточная дееспособность спортсмена «восполняется дееспособностью родителей, усыновителей, опекунов и попечителей, что является юридическими гарантиями правосубъектности таких лиц»². Нередко в таких случаях ситуация

¹ См.: Приказ Минспорта России от 29 апреля 2015 г. № 464 «Об утверждении Порядка ведения системы учета данных о спортсменах, занимающихся видом спорта, развиваемым соответствующей общероссийской спортивной федерацией, и выдачи документов, удостоверяющих принадлежность к физкультурно-спортивной или иной организации и спортивную квалификацию спортсменов» // СПС «КонсультантПлюс».

² Ермолаева Т.А., Ананьева А.А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // Lex Russica. 2019. № 12. С. 11.

описывается как сложная, но допустимая, поскольку якобы, хотя несовершеннолетние во многом приравниваются к совершеннолетним, это компенсируется особыми способами защиты и гарантиями³. Мы сомневаемся в обоснованности такого подхода, поскольку налицо подмена понятий: возможность участия в соревнованиях выдается за готовность к ним, восполненная же дееспособность не ведет к восполнению самой правоспособности. Поэтому полагаем необходимым провести более жесткую временную границу, когда допускается заключение именно профессионального контракта, и спортсмен оказывается в жестких условиях, не всегда соответствующих его психическому, моральному, интеллектуальному и физиологическому уровню развития. Представляется, такой возраст должен быть утвержден законодательно (не отраслевой федерацией) и увязан с видом спорта, он должен опираться на правило о том, что вероятность любых возможных отклонений в развитии молодого организма должна толковаться как безусловное основание для недопущения заключения с ним профессионального контракта.

Если имеется минимальный возраст для занятия отдельными видами спорта⁴, то не известны возрастные ограничения для прекращения занятий профессиональным спортом⁵. Представляется, данный подход более всего соответствует базовым положениям МОК и Олимпийской хартии, принципам гуманизма, тенденции изменения среднего возраста населения и задачам вовлечения максимального большего числа граждан в олимпийское движение и занятия спортом вообще⁶. В практическом плане это означает, что нет предельных сроков для действия профессиональной правоспособности спортсмена, она ограничена лишь сроком его жизни. Разумеется, в силу системы выбора и отбора спортсменов, с учетом различных показателей, включая физические и медицинские, профессиональная деятельность у спортсменов завершается нередко рано. Однако в целом это лишь обстоятельство допуска к конкретным мероприятиям. Во всяком случае, до прекращения профессионального контракта нет оснований говорить о прекращении профессиональной деятельности.

Правоспособность в сфере спорта нередко рассматривается ограниченно — как основание для занятий физической культурой и спортивными упражнениями в рамках реализации права на здоровый

образ жизни и права на развитие личности⁷. Если же речь идет о занятиях профессиональным спортом, то коннотация несколько изменяется, поскольку в центре внимания оказываются иные аспекты: возможность осуществлять предпринимательскую и иную экономическую деятельность, свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать роль деятельности и профессию, а также иметь равные возможности при заключении трудового или гражданско-правового договора без какой-либо дискриминации (ст. 64 ТК РФ).

Напомним, что на 91-й (1986 г.) и 92-й (1987 г.) сессиях МОК было принято решение о допуске к Олимпийским играм не только спортсменов-любителей, но и профессионалов. Данное обстоятельство, на наш взгляд, подтверждает, во-первых, фактическую потребность заниматься спортом для достижения высоких результатов профессионально, а во-вторых, принципиальное единство спорта.

Полагаем, любительский и профессиональный спорт решают не различные задачи, а отражают различные уровни решения одних и тех же проблем. В литературе отмечается, что развитие современной системы прав человека происходит в несколько ином формате: как дополнение перечня прав новым правом, как расширение содержания отдельного права человека, как повышение правовых и материальных гарантий его реализации⁸. Некоторая корректировка целей не только не исключает внимания к здоровью и спорту в целом, наоборот, позволяет поднять их на новую высоту: известные спортсмены неизбежно ведут здоровый образ жизни и служат в этом отношении эталоном для широких масс, прежде всего — для молодежи.

При реализации права на занятие спортом нередко затрагивается проблема равенства и недопущения дискриминации. В какой степени можно говорить о равенстве правоспособности всех субъектов, занимающихся профессиональным спортом? Иногда утверждается, что правосубъектность всех участников гражданских правоотношений равна⁹, однако если даже выводить это положение из ст. 19 Конституции РФ («все равны перед законом и судом»), то и оно нуждается в пояснениях¹⁰. Мы полагаем, в названных случаях речь идет о другом аспекте проявления равенства.

⁷ В рамках национальной системы данное право обычно выводится из конституционных положений о праве каждого на «достойную жизнь и развитие человека» (ст. 7), занятие физической культурой и здоровый образ жизни (ст. 72), на отдых (ст. 37) и др. Эти положения дополняются указанием Олимпийской хартии о том, что «каждый должен иметь возможность заниматься спортом без какой-либо дискриминации, в духе олимпизма, что подразумевает взаимопонимание в духе дружбы, солидарности и честной игры».

⁸ См.: Никитина Е.Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права 2020. № 8. С. 27–44.

⁹ См., например: Маковский А.Л. Выпавшее звено // Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права: вступ. ст. С. 4–10. Хотя, возможно, автор высказывался в «глобальном» смысле как об идее обеспечения равенства всех субъектов.

¹⁰ То же касается и ст. 2 ГК РСФСР 1922 г., где говорилось: «Пол раса, национальность, вероисповедание, происхождение не имеют никакого влияния на объем гражданской правоспособности».

³ Именно так излагает ситуацию, например, С.В. Алексеев (см.: Алексеев С.В. Особенности регулирования труда и правового статуса отдельных категорий спортсменов // Спорт: экономика, право, управление. 2012. № 4. С. 4–10).

⁴ Например, в пятиборье минимальный возраст составляет 11 лет (см.: Правила вида спорта «Современное пятиборье», утв. приказом Минспорта России от 10 января 2018 г. № 6 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ О том, что в соревнованиях, проводимых в Российской Федерации, по общему правилу проводятся «без ограничения верхней границы возраста», указывается и в Единой Всероссийской спортивной квалификации (см.: Приказ Минспорта России от 20 февраля 2017 № 108 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁶ См. об этом: Мельник Т.Е. Права граждан старшего возраста в области массового спорта // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 96–105.

В сущности, все основополагающие принципы Олимпийской хартии¹¹ содержат целевые конструкции, позволяющие считать, что задачей является воспитание и развитие гармоничной и достойной личности, но ближе всего к поставленному вопросу правила 2, 4, 5 данного акта. Так, в правиле 5 указано, что «любая форма дискриминации в отношении страны или лица расового, религиозного, политического характера, или по признаку пола — несовместимы с принадлежностью к Олимпийскому движению». В контексте и в развитие данного правила МОК и его органы неоднократно принимали акты, направленные на разъяснение олимпийских правил с учетом расы, пола и гендерных различий¹², экономической отсталости, подготовки олимпийского резерва¹³, о возможности политических заявлений¹⁴, МОК выделяет и поддерживает паралимпийский спорт и т.д.

Эту работу МОК и его структур следует оценивать в контексте задач олимпийского движения достаточно высоко, поскольку она протекает в весьма сложных условиях, а среди стран, участвующих в олимпийском движении, многие ментально, организационно и экономически не готовы разделить олимпийские принципы в полном объеме. Наконец, последние просто требуют пояснения и системного толкования в их взаимосвязи, в том числе с учетом объективного различия людей. Спорт существенно различается исходя из того, является ли спортсмен профессионалом или нет, выделяется спорт для лиц, ограниченных в физических возможностях, есть женский и мужской спорт, есть пределы для участия в спорте, вызванные объективными факторами (рост — в баскетболе и волейболе и т.д.). Главное, (суммированный) лозунг олимпийского движения — всякое соревнование должно проводиться в условиях конкуренции, честно, с равными шансами. Именно поэтому победа может быть обусловлена обладанием некоторыми качествами, которых нет у других участников. Следовательно, нет и возможности говорить о равенстве правоспособности в спорте, удачнее говорить о том, что действующее законодательство создает основу для юридического равенства участников в конкретном правоотношении¹⁵. По этой

же причине не следует увлекаться гомофобными тенденциями при оценке участия трансгендеров в соревнованиях, а еще раз взвесить факторы, способные дать немотивированные преимущества отдельным участникам¹⁶.

В гносеологическом плане уместно соотносить правосубъектность (правоспособность) спортсменов с близкими и связанными понятиями и выяснить их соотношение. В результате действия правоспособности спортсмен оказывается в такой юридической среде, которая существенно может определять состав и содержание его конкретных (актуальных, релевантных) прав и обязанностей. Правоспособность видится более всего связанной со статистическим состоянием (исходным правовым статусом), поскольку дает возможность говорить лишь о возможных результатах и достижениях. Таким образом, правосубъектность является предпосылкой и правового статуса. Только в этом смысле можно говорить, что правосубъектность профессионального спортсмена является «самостоятельным элементом в содержании его статуса»¹⁷, она не входит в него, а предопределяет его (иначе трудно понять, в силу чего формируются права и обязанности, формирующие статус).

Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы: (1) гражданско-правовая правосубъектность выступает юридическим фундаментом деятельности спортсмена, включает реализацию его выбора деятельности, поскольку другие необходимые факты и обстоятельства predeterminedены его занятиями профессиональным спортом, а не наоборот; (2) восполнение представителями дееспособности малолетних и несовершеннолетних не ведет к компенсированию их физического, физиологического, психического уровня развития. Поэтому необходимо установление более жесткой временной границы, допускающей заключение с ними профессиональных контрактов. Минимальный возраст для этого должен утверждаться законодательно (не отраслевой федерацией), а вероятность любых возможных отклонений в развитии молодого организма должна толковаться как безусловное основание для недопущения заключения с ним профессионального контракта; (3) методологически целесообразно исходить из того, что нет предельных сроков занятия профессиональным спортом, что соответствует базовым положениям МОК и Олимпийской хартии, принципам гуманизма, тенденции изменения среднего возраста населения и задачам вовлечения максимально большего числа граждан в олимпийское движение; (4) любительский и профессиональный спорт решают не различные задачи, а отражают

¹¹ URL: <https://www.olympicuniversity.ru/SnCommonPortlets/multimedia/download/1987372> (дата обращения: 30.11.2021).

¹² Так, осенью 2021 г. МОК принял рекомендации по участию в соревнованиях трансгендерных спортсменов. См.: <https://stillmed.olympics.com/media/Documents/News/2021/11/IOC-Framework-Fairness-Inclusion-Non-discrimination-2021.pdf> (дата обращения: 28.12.2021).

¹³ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-sportivnogo-rezerva-rekomendatsii-mezhdunarodnogo-olimpiyskogo-komiteta> (дата обращения: 18.12.2022).

¹⁴ Речь идет о толковании ст. 50 Олимпийской хартии: «...пропаганда политического, религиозного характера, а также связанная с расовой принадлежностью, в местах проведения Олимпиады, олимпийских городках и других зонах запрещена». Поскольку ряд терминов не раскрыт, МОК практически перед каждой Олимпиадой направляет свои рекомендации по данному вопросу. Таково и Руководство по правилу 50.2 (об общении с прессой, участии в социальных сетях и пр.). URL: <https://olympics.com/athlete365/ru/%d0%b2%d0%be-> (дата обращения: 20.12.2021).

¹⁵ Весьма сходную мысль высказывает и В.В. Груздев. См.: Груздев В.В. О сущности гражданской правосубъектности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 113–121.

¹⁶ Ссылки только на уровень тестостерона недостаточны, поскольку это лишь один из показателей. Полагаем, это было выявлено и на методологическом уровне при изучении предшествующих правил (см., например: Бородина М.А., Никифоров В.В., Медведев М.В., Машкова К.В., Суворов Г.Н., Зенин С.С. Проблема гендерной верификации в спорте: правовые, медицинские и этические аспекты // Lex Russica. 2019. № 6. С. 53–60). И если не будут развеяны сомнения в возможности обеспечить исходное равенство в состязании и честные победы, то для трансгендеров должна быть просто введена особая учетная категория. Напомним, что именно так когда-то были введены, например, различные весовые категории.

¹⁷ См.: Блажеев В.В., Байрамов В.М. [и др.] Спортивное право России : учебник для магистров (отв. ред. Д.И. Рогачев). М. : Проспект, 2016. 640 с.

различные уровни решения одних и тех же проблем. Поэтому следует считать, что предпосылкой занятия физической культурой и профессиональным спортом является одна и та же правосубъектность, реализуемая при несовпадающих юридических фактах и обстоятельствах; (5) правосубъектность всех спортсменов не равна, что вызвано объективными отличиями. Поэтому при решении глобальных для спорта проблем равенства и недопущения дискриминации важно ориентироваться на то, что нормы МОК и действующего законодательства создают основу для юридического равенства участников в конкретном правоотношении, исключающего предоставление немотивированных преимуществ.

Литература

1. Алексеев С.В. Особенности регулирования труда и правового статуса отдельных категорий спортсменов / С.В. Алексеев // Спорт: экономика, право, управление. 2012. № 4. С. 4–10.
2. Бородина М.А. Проблема гендерной верификации в спорте: правовые, медицинские и этические аспекты / М.А. Бородина, В.В. Никифоров, М.В. Медведев [и др.] // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 6. С. 53–60.
3. Груздев В.В. О сущности гражданской правосубъектности / В.В. Груздев // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 113–121.
4. Ермолаева Т.А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания / Т.А. Ермолаева, А.А. Ананьева // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 12. С. 9–18.
5. Маковский А.Л. Выпавшее звено / А.Л. Маковский // Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. 8-е изд. Москва : Статут : Адвокатская фирма «Юстина», 2020. С. 4–10.
6. Мельник Т.Е. Права граждан старшего возраста в области массового спорта / Т.Е. Мельник // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 96–105.
7. Никитина Е.Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции / Е.Е. Никитина // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 27–44.
8. Спортивное право России : учебник для магистров / В.В. Блажеев, В.М. Байрамов [и др.] ; ответственный редактор Д.И. Рогачев. Москва : Проспект, 2016. 640 с.

References

1. Alekseev S.V. Osobennosti regulirovaniya truda i pravovogo statusa otdelny'kh kategoriy sportmenov [Peculiarities of Regulation of Labor and the Legal Status of Some Athlete Categories] / S.V. Alekseev // Sport: ekonomika, pravo, upravlenie — Sports: Economy, Law, Management. 2012. № 4. S. 4–10.
2. Borodina M.A. Problema gendernoy verifikatsii v sporte: pravovye, meditsinskie i eticheskie aspekty' [The Problem of Gender Verification in Sports: The Legal, Medical and Ethical Aspects] / M.A. Borodina, V.V. Nikiforov, M.V. Medvedev [i dr.] // Lex Russica (Russkiy zakon) — M.A. Borodina, V.V. Nikiforov, M.V. Medvedev [et al.] // Lex Russica (Russian Law). 2019. № 6. S. 53–60.
3. Gruzdev V.V. O sushnosti grazhdanskoj pravosubyektnosti [On the Essence of Civil Capacity] / V.V. Gruzdev // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Problems of Russian Law. 2018. № 2. S. 113–121.
4. Ermolaeva T.A. Grazhdanskaya pravosubyektnost fizicheskikh lits: evolyutsiya soderzhaniya [Civil Capacity of Individuals: The Content Evolution] / T.A. Ermolaeva, A.A. Ananeva // Lex Russica (Russkiy zakon) — Lex Russica (Russian Law). 2019. № 12. S. 9–18.
5. Makovsky A.L. Vy'pavshee zveno [The Dropped out Link] / A.L. Makovsky // Pokrovskiy I.A. Osnovny'e problemy' grazhdanskogo prava / I.A. Pokrovskiy. 8-e izd. Moskva : Statut : Advokatskaya firma «Yustina» — Pokrovsky I.A. The Main Civil Law Problems / I.A. Pokrovsky. The 8th edition. Moscow : Statute : Yustina law firm, 2020. S. 4–10.
6. Melnik T.E. Prava grazhdan starshego vozrasta v oblasti massovogo sporta [Rights of Elderly Citizens in Mass Sports] / T.E. Melnik // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2019. № 11. S. 96–105.
7. Nikitina E.E. Sistema prav i svobod cheloveka v usloviyakh tekhnologicheskoy revolyutsii [The System of Human Rights and Freedoms in the Conditions of the Technological Revolution] / E.E. Nikitina // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2020. № 8. S. 27–44.
8. Sportivnoe pravo Rossii : uchebnik dlya magistrantov [Russian Sports Law : textbook for master's degree students] / V.V. Blazheev, V.M. Bayramov [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor D.I. Rogachev. Moskva : Prospekt — V.V. Blazheev, V.M. Bayramov [et al.] ; publishing editor D.I. Rogachev. Moscow : Prospect, 2016. 640 s.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Вспомогательные репродуктивные технологии: проблемы правоспособности пациентов

Егоров Константин Валентинович,

доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук
ke@law-kazan.ru

Егорова Екатерина Сергеевна,

юрист, руководитель практики «Медицинское право» юридической компании «СтройКапитал»
ez@law-kazan.ru

Субъектный состав пациентов ВРТ (вспомогательные репродуктивные технологии) специфичен. Репродуктивные интересы пациентов признаются и защищаются сквозь призму допустимых в обществе условий появления и жизни детей. Так, мы видим стремление законодателя к тому, чтобы ребенок, независимо от способа зачатия и рождения, появился в полной семье (в союзе мужчины и женщины по п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ) или как минимум у «одиноким женщины» (т.е. был ребенком своей генетической матери или женщины, которая его выносила и родила, и воспитывался ею).

Пациентами ВРТ могут быть мужчина и женщина, состоящие или не состоящие в браке, а также одинокая женщина.

Согласно ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон № 323-ФЗ), необходимым условием оказания помощи указанным лицам является наличие их информированного добровольного согласия, которое для пары является обоюдным, что не характерно, так как обычно оно носит сугубо индивидуальный характер.

В отличие от законодательства некоторых европейских стран (Бельгия, Болгария, Греция, Венгрия), российский закон не содержит прямого указания ни на минимальный и максимальный возраст пациентов ВРТ, ни на то, что пациент должен быть репродуктивного возраста (Италия, Румыния)¹.

Пациентами ВРТ, за исключением суррогатного материнства, не могут быть лица, имеющие противопоказания согласно Перечню противопоказаний к применению вспомогательных репродуктивных технологий и искусственной инсеминации².

Других требований к пациенту ВРТ российский закон не устанавливает.

Годы использования описанных критериев показали необходимость их уточнения, поскольку они нередко не дают ответа на вопрос, возможно ли оказание услуги ВРТ конкретному пациенту. На практике возникают сложности с категориями лиц, о которых мы поговорим ниже.

«Не семейные» пары

К этой категории мы условно относим значительное число обращающихся за помощью пар, в которых мужчина и женщина либо

а) вообще не состоят друг с другом в отношениях, схожих с супружескими (не проживают совместно, не находятся в интимных отношениях, не имеют цели совместного воспитания детей). Так, нередки обращения в качестве «пары» брата и сестры или иных родственников (как правило, с использованием донорской яйцеклетки, не допускающим кровосмешения, но есть запросы и на использование биоматериала близких родственников); друзей; случайных знакомых, давших свое согласие на процедуру, либо

б) состоят в интимных отношениях, желают появления и воспитания совместных детей, но при этом состоят в зарегистрированном браке с третьими лицами.

Законодательство некоторых европейских стран содержит прямое указание на то, что пара для целей ВРТ должна либо состоять в браке, либо доказать свою стабильность, к примеру подтвердить совместное проживание в течение не менее двух лет (Франция, Германия, Португалия). В Финляндии действует правило, согласно которому услуги ВРТ не могут оказываться паре при наличии у одного из партнеров зарегистрированного брака с третьим лицом³.

Поскольку российский закон не предъявляет требований к стабильности и «качеству» пары, все описанные выше ситуации формально охватываются понятием «мужчина и женщина, не состоящие в браке», которых закон наделяет правом на применение ВРТ.

У врачей возникают серьезные сомнения по поводу возможности оказания услуг таким лицам, к чему есть не только этические, но и правовые предпосылки.

Так, ст. 14 СК РФ установлен запрет на браки между близкими родственниками. Указанный запрет продиктован прежде всего высоким риском передачи ребенку наследственных заболеваний, из которого с давних времен сложилось и культурное табу на инцест⁴. Статья 11 СК РФ говорит о праве ребенка на жизнь с родителями и в семье. С точки зрения указанных норм появление ребенка

¹ Busardò F.P., Gulino M., Napolitano S. (et al.) The Evolution of Legislation in the Field of Medically Assisted Reproduction and Embryo Stem Cell Research in European Union Members. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4134786/>

² Приложение № 2 к Приказу Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.12.2021).

³ Busardò F.P., Gulino M., Napolitano S. (et al.). Op. cit.

⁴ Стоиленов И.А. Психиатрический энциклопедический словарь. Киев: МАУП, 2003. С. 101.

у родственной «пары», которая фактически, как правило, не находится в отношениях сожительства, нарушает либо оба принципа: генетическая чистота и жизнь ребенка с обоими родителями, либо один из них (если кровосмешения при ЭКО не происходит). Не говоря уже о том, каково будет самосознание ребенка, рожденного в таком «союзе», и отношение к нему в обществе. Заметим, что Клинические рекомендации⁵ предусматривают возможность применения ВРТ для кровнородственной пары, но только в том случае, если такая пара является супружеской. Из этой формулировки можно сделать вывод, что такая возможность есть лишь для лиц, чей брак заключен по закону страны, которая допускает такие семейные отношения. Кроме того, как видно из Клинических рекомендаций, само по себе кровнородственное оплодотворение с медицинской точки зрения допускается, поскольку степень риска передачи генетических заболеваний весьма эффективно предсказывается методами современной медико-генетической диагностики. Кровнородственный брак является лишь показанием к медико-генетическому консультированию пациентов.

Здравый смысл подсказывает, что применение ВРТ в отношении пары, которая ввиду родства естественным способом никогда бы не стала заводить совместного ребенка, противоречит общепринятой в России культурной норме. Нам же представляется, что ВРТ в современном обществе призваны нарушенные патологией нормы восполнить, но не создавать альтернативную реальность. В то же время российские врачи, разделяющие эту точку зрения, не могут опереться на закон для отказа таким пациентам ввиду отсутствия прямого регулирования.

Не менее сложен и актуален вопрос иных «не семейных» пар (друзья, случайные знакомые, партнеры, состоящие в браке с третьими лицами). С правовой точки зрения оказание услуги таким пациентам заведомо нарушает права будущего ребенка на жизнь с родителями и в семье (п. 2 ст. 54 СК РФ), интересы третьих лиц (супругов пациентов и их совместных детей), подрывает институт семьи, прямо защищаемый Конституцией (п. «ж» ст. 72) и Семейным кодексом (ст. 1), создает условия для получения ребенка одиноким мужчиной (под прикрытием пары), а также возможность для обхода возрастных ограничений для доноров, которые не распространяются на партнеров (п. 54 Приказа № 803н). Не следует в то же время упускать из виду то, что за «не семейной» парой зачастую скрывается одинокая женщина, которая обладает самостоятельным правом на применение ВРТ, но по разным причинам не вступает в правоотношения донорства (например, в случае, если возраст избранного женщиной потенциального донора превышает предельно допустимые 35 лет). Является ли перечисленное достаточным для ограничения таких пар в праве на ВРТ? Необходимо ли прямое нормативное требование доказать стабильность пары для целей применения ВРТ (по примеру Франции, Германии, Португалии) или дать право

на применение ВРТ исключительно супружеским парам (Кипр, Чешская Республика)?⁶

Законопроект № 1191971-7⁷ предусматривает обязательность наличия зарегистрированного брака между пациентами только для суррогатного материнства, в то же время проблемы, связанные с формулировкой «мужчина и женщина, не состоящие в браке», не менее актуальны и при применении других методов ВРТ.

Пациент с психическим расстройством

Распространены ситуации, когда за услугами ВРТ обращается пациентка, которая, по мнению врача, не отдает отчета своим действиям и страдает психическим расстройством. Таких пациентов зачастую буквально приводят за руку их матери, которые, в сущности, в своих интересах принимают решение о необходимости в медицинской услуге и готовы ее оплатить.

Психические расстройства являются противопоказанием к ВРТ (п. 11 Приказа № 803н), однако в перечне обязательных обследований перед проведением программ ВРТ (п. 1.1 Клинических рекомендаций) проверки психического здоровья пациента нет. Справку от психиатра обязаны представлять только доноры и суррогатные матери. Как правило, такие пациенты (а точнее, их представители) не признаются в наличии психического расстройства и отказываются от прохождения дополнительных обследований, поскольку в обязательном перечне их нет.

Врач оказывается перед сложным выбором: оказать услугу пациенту, который по формальным признакам соответствует установленным законом критериям, или отказать, поскольку наличие противопоказания, хотя и не подтверждено документально, но очевидно для врача или, по меньшей мере, весьма вероятно.

Полагаем, что поддержка формализма в применении врачом медицинского стандарта, в частности, при установлении противопоказаний к медицинской услуге, недопустима. Врач, подготавливающий наличие противопоказания, вправе (и, по нашему мнению, обязан) удостовериться в отсутствии противопоказания, даже если пациент его отрицает, особенно если у противопоказания есть внешние признаки, которые могут быть заметны лицу, имеющему медицинское образование. Так, согласно ст. 10 Кодекса профессиональной этики врача Российской Федерации, врач обязан знать существующие Стандарты, Протоколы, Порядки и Клинические рекомендации и соблюдать их в зависимости от клинической ситуации и своего профессионального опыта⁸. Мы разделяем позицию, согласно которой медицинский стандарт является лишь необходимым минимумом⁹, от которого врач

⁶ См.: Busardo F.P., Gulino M., Napoletano S. (et al.). Op. cit.

⁷ Проект Федерального закона № 1191971-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 05.10.2012). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.12.2021).

⁹ Егоров К.В., Егорова Е.С. Специфика деликтного правоотношения при некачественном оказании услуг по пренатальной диагностике (цивилистический и политико-правовой аспекты) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 376.

⁵ Письмо Минздрава РФ № 15-4/И/2-1908 от 5 марта 2019 г. «Вспомогательные репродуктивные технологии и искусственная инсеминация. Клинические рекомендации (Протокол лечения)». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.12.2021).

вправе мотивированно отступить в конкретной ситуации (в данном случае назначить больше исследований, чем предписано стандартом)¹⁰. По нашему мнению, при наличии у пациента признаков психического расстройства или другого противопоказания врач вправе предложить такому пациенту подтвердить отсутствие противопоказания и не оказывать услугу, если такое доказательство не будет представлено.

Важно отметить, что наличие заболеваний, включенных в Перечень противопоказаний к ВРТ, в том числе психические расстройства, формально является самостоятельным показанием к применению суррогатного материнства (подп. «г» п. 70 Приказа № 803н). То есть наличие у женщины тяжелого психического расстройства в сочетании с невозможностью выносить и родить ребенка *de lege lata* является достаточным показанием к применению суррогатного материнства.

Описанная ситуация порождает множество вопросов. Вправе ли человек с психическим расстройством воспользоваться ВРТ, ведь в праве на естественную репродукцию он/она не ограничен? Если такой пациент ограничен в праве на ЭКО, то можно ли сделать вывод о том, что суррогатное материнство ему/ей так же недоступно, а наличие в Приказе 803н такой возможности — случайность?

Наличие у родителей тяжелого психического расстройства не соответствует интересам ребенка, создает почву для социального сиротства. Человек, страдающий таким расстройством, как правило, не является самостоятельным и нуждается в уходе, что не позволяет ему исполнять обязанности родителя. Несмотря на то что все эти риски существуют и при естественном способе репродукции, полагаем, что позиция стран, прямо закрепивших необходимость психического здоровья в качестве обязательного общего требования для пациентов всех программ ВРТ (Португалия), достойна внимания.

Максимальный возраст пациентов

Известны случаи обращения за услугой суррогатного материнства лиц в возрасте 70, 80 лет, когда существует реальная угроза не только невозможности воспитания будущего ребенка, но и недожития до его рождения¹¹. Единственным ограничением для участия возрастного пациента в протоколе суррогатного материнства является отсутствие у обоих партнеров собственных половых клеток, так как суррогатное материнство с разрывом генетической связи между ребенком и обоими родителями запрещено. Однако случаи, когда хотя бы у одного из пациентов имеются пригодные половые клетки или эмбрионы (в том числе криоконсервированные), нередки.

При отсутствии же собственных половых клеток возрастная пара может воспользоваться протоколом ЭКО с использованием полностью донорского материала, поскольку женская матка считается

способной к исполнению своих функций и в период постменопаузы¹². Прямое ограничение максимального возраста пациента ВРТ установлено в Бельгии, Болгарии, Венгрии, Греции, в некоторых странах (Франция) указано на то, что пациент должен быть репродуктивного возраста¹³.

В США и Великобритании отсутствует ограничение максимального возраста пациента ВРТ, но действует прямо сформулированная возможность отказа в медицинской услуге, которую врач сочтет неэтичной¹⁴. В этих странах врачам рекомендуется оценить потенциальную продолжительность жизни пациента (*life expectancies*), и, если она не позволяет дожить до совершеннолетия ребенка, отказать в применении ВРТ¹⁵.

Согласно ст. 55 Закона № 323-ФЗ, ВРТ — методы лечения бесплодия. Если мы не признаем нормальные возрастные изменения заболеваем, невозможность зачать и родить ребенка в постменопаузе является здоровым явлением. Применение ВРТ в отношении женщины с естественной и своевременной менопаузой (независимо от патологий, установленных в репродуктивном возрасте) или мужчины, утратившего в силу возраста способность к воспроизводству, не служит цели восстановления или улучшения здоровья и трудоспособности¹⁶, может противоречить интересам ребенка. Целью таких пациентов, возможно, является улучшение качества жизни, которое упомянуто в п. 8 ст. 2 Закона № 323-ФЗ, однако, по нашему мнению, союз «и» в этой норме указывает на то, что улучшение качества жизни не признается единственной целью лечения, а может улучшаться медицинскими средствами лишь в связи с восстановлением или улучшением здоровья. Высказывается мнение, что ВРТ не является лечением и в репродуктивном возрасте, поскольку здоровье пациента в результате такого вмешательства не улучшается никогда¹⁷.

¹² In vitro fertilization in older mothers: By choice or by law? Sudhaa Sharma and Neelam Aggarwa.

¹³ Busardò F.P., Gulino M., Napoletano S. (et al.). Op. cit.

¹⁴ CИH: Appendix B American Medical Association Principles of Medical Ethics (1980): "VI. A physician shall, in the provision of appropriate patient care, except in emergencies, be free to choose whom to serve, with whom to associate, and the environment in which to provide medical services". URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3399321/>; Великобритания: Human Fersation and Embriology Act 1990 section 38(1) "No person who has a conscientious objection to participating in any activity governed by this Act shall be under any duty, however arising, to do so". URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/37/section/38>

¹⁵ Banh D., Havemann D.L., Phelps J.Y. Reproduction beyond menopause: How old is too old for assisted reproductive technology? J Assist Reprod Genet. 2010; 27: 365–70.

¹⁶ Jackson E. Medical law: text, cases, and materials, Oxford University press, 2016, p. 802; In vitro fertilization in older mothers: By choice or by law? Sudhaa Sharma and Neelam Aggarwal; Bishop L., Loff B. Making surrogacy legal would violate children's rights. — The Conversation. 20.08.2014. URL: <https://theconversation.com/making-surrogacy-legal-would-violate-childrensrights-30716> (accessed: 13.03.2020); Lotz M. IVF treatment for older women: is age the greatest concern? — The Conversation. 16.10.2012. URL: <https://theconversation.com/ivf-treatment-for-older-women-is-age-the-greatestconcern-4141>

¹⁷ Рудакова Е.К., Шумакова О.Н. Правовые и этические проблемы использования вспомогательных репродуктивных технологий в зарубежном дискурсе в контексте демографической безопасности России // Власть. 2020. № 28 (2). С. 138–145.

¹⁰ Сергеев Ю.Д. Стандарты оказания медицинской помощи: роль и значение для следственно-судебной практики // Российский судья. 2007. № 4.

¹¹ In vitro fertilization in older mothers: By choice or by law? Sudhaa Sharma and Neelam Aggarwa; Lotz M. IVF treatment for older women: is age the greatest concern? — The Conversation. 16.10.2012. URL: <https://theconversation.com/ivf-treatment-for-older-women-is-age-the-greatestconcern-4141>

Позиция российского регулятора неоднозначна. С одной стороны, очевидно, что применение ВРТ в менопаузе не является лечением, с другой — по подп. «а» п. 45 Приказа № 803н естественная менопауза является прямым показанием к использованию донорских ооцитов в ЭКО.

Отраженные в статье противоречия и вопросы, безусловно, требуют прямого разрешения в законе.

Выводы

1. Поскольку ВРТ в ряде случаев допускают возможность заведомого появления детей в естественных или нежелательных с точки зрения общества и государства условиях, такое право не может быть безусловным и доступным любому физическому лицу наравне с правом на естественную репродукцию. Полагаем, что право на репродукцию с помощью ВРТ для отдельных категорий лиц может быть ограничено.

2. Возможность применения ВРТ должна оцениваться с точки зрения интересов как пациента, так и будущего ребенка, при этом интересы ребенка, как пассивного участника отношений, неспособного выразить свою волю, должны превалировать.

• Презюмируемые интересы ребенка по российскому праву: наличие двух разнополых родителей или только матери; жизнь и воспитание в семье; забота родителей до достижения ребенком 18 лет; обеспечение интересов ребенка, уважение его человеческого достоинства.

3. ВРТ по российскому праву являются методами лечения и на сегодняшний день не могут рассматриваться как альтернативный способ воспроизводства человека, противоречащий природной норме (рождение ребенка после наступления менопаузы, появление ребенка у одинокого отца и т.п.).

Литература

1. Егоров К.В. Специфика деликтного правоотношения при некачественном оказании услуг по перинатальной диагностике (цивилистический и политико-правовой аспекты) / К.В. Егоров, Е.С. Егорова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 2. С. 375–385.

2. Рудакова Е.К. Правовые и этические проблемы использования вспомогательных репродуктивных технологий в зарубежном дискурсе в контексте демографической безопасности России / Е.К. Рудакова, О.Н. Шумакова // Власть. 2020. № 28 (2). С. 138–145.

3. Сергеев Ю.Д. Стандарты оказания медицинской помощи: роль и значение для следственно-судебной практики / Ю.Д. Сергеев // Российский судья. 2007. № 4. С. 26–28.

4. Стоименов Й.А. Психиатрический энциклопедический словарь / Й.А. Стоименов. Киев : МАУП, 2003. 381 с.

5. Banh D. Reproduction beyond menopause: How old is too old for assisted reproductive technology? / D. Banh, D.L. Havemann, J.Y. Phelps // Journal of Assisted Reproduction and Genetics. 2010. Vol. 27. Iss. 7. P. 365–370. doi: 10.1007/s10815-010-9418-3.

6. Bishop L. Making surrogacy legal would violate children's rights / L. Bishop, B. Loff // The Conversation. 2014. 20 August.

7. Busardò F.P. The Evolution of Legislation in the Field of Medically Assisted Reproduction and Embryo

Stem Cell Research in European Union Members / F.P. Busardò, M. Gulino, S. Napoletano [et al.] // BioMed Research International. 2014. Vol. 2014. P. 307160. doi: 10.1155/2014/307160.

8. Jackson E. Medical law: text, cases, and materials / E. Jackson. Oxford University press, 2016. 802 p.

9. Lotz M. IVF treatment for older women: is age the greatest concern? / M. Lotz // The Conversation. 2012. 16 October.

10. Sharma S. In vitro fertilization in older mothers: By choice or by law? / S. Sudhaa, N. Aggarwal // Journal of Mid-life Health. 2016. Vol. 7. Iss. 3. P. 103–104.

References

1. Egorov K.V. Spetsifika deliktного pravootnosheniya pri nekachestvennom okazanii uslug po perinatalnoy diagnostike (tsivilisticheskiy i politiko-pravovoy aspekt) [Specifics of a Delictual Relation in Rendering of Low-Quality Perinatal Diagnostics Services (the Civil, Political and Legal Aspects)] / K.V. Egorov, E.S. Egorova // Ucheny'e zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e nauki. 2018. T. 160 — Scholarly Notes of the Kazan University. Series: The Humanities. 2018. Vol. 160. № 2. S. 375–385.

2. Rudakova E.K. Pravovy'e i eticheskie problemy' ispolzovaniya vspomogatel'ny'kh reproduktivny'kh tekhnologiy v zarubezhnom diskurse v kontekste demograficheskoy bezopasnosti Rossii [Legal and Ethical Problems of the Use of Assisted Reproductive Technologies in the Foreign Discourse against the Background of the Demographic Security of Russia] / E.K. Rudakova, O.N. Shumakova // Vlast — Power. 2020. № 28 (2). S. 138–145.

3. Sergeev Yu.D. Standarty' okazaniya meditsinskoy pomoschi: rol i znachenie dlya sledstvenno-sudebnoy praktiki [Standards of Care: The Role and Meaning for the Investigative and Judicial Practice] / Yu.D. Sergeev // Rossiyskiy sudya — Russian Judge. 2007. № 4. S. 26–28.

4. Stoimenov Y.A. Psikhiatricheskii entsiklopedicheskii slovar [The Encyclopedic Dictionary of Psychiatry] / Y.A. Stoimenov. Kiev : MAUP — Kiev : Interregional Academy of Personnel Management, 2003. 381 s.

5. Banh D. Reproduction Beyond Menopause: How Old Is Too Old for Assisted Reproductive Technology? / D. Banh, D.L. Havemann, J.Y. Phelps // Journal of Assisted Reproduction and Genetics. 2010. Vol. 27. Iss. 7. P. 365–370. doi: 10.1007/s10815-010-9418-3.

6. Bishop L. Making Surrogacy Legal Would Violate Children's Rights / L. Bishop, B. Loff // The Conversation. 2014. 20 August.

7. Busardò F.P. The Evolution of Legislation in the Field of Medically Assisted Reproduction and Embryo Stem Cell Research in European Union Members / F.P. Busardò, M. Gulino, S. Napoletano [et al.] // BioMed Research International. 2014. Vol. 2014. P. 307160. doi: 10.1155/2014/307160.

8. Jackson E. Medical Law: Text, Cases, and Materials / E. Jackson. Oxford University Press, 2016. 802 p.

9. Lotz M. IVF Treatment for Older Women: Is Age the Greatest Concern? / M. Lotz // The Conversation. 2012. 16 October.

10. Sharma S. In Vitro Fertilization in Older Mothers: By Choice or by Law? / S. Sudhaa, N. Aggarwal // Journal of Mid-life Health. 2016. Vol. 7. Iss. 3. P. 103–104.

«Власть капитала» в корпоративных объединениях холдингового типа в «креативной» экономике

Самойлов Илья Александрович,

доцент кафедры предпринимательского, трудового и корпоративного права
Юридического факультета имени М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
samil@rambler.ru

Классической формой корпоративных объединений, осуществляющих скоординированную хозяйственную деятельность, являются холдинговые объединения.

В Гражданском кодексе РФ понятие «холдинг» как таковое отсутствует. При этом значительная часть «большой» как отечественной, так и мировой экономики построена именно как холдинговые объединения.

Итак, что такое «холдинг» и на каких принципах осуществляют свою деятельность холдинговые корпоративные объединения?

Холдинг — форма корпоративного объединения, представляющая собой группу организаций (участников), основанную на отношениях экономического контроля, участники которой, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности «подчиняются» одному из участников группы — холдинговой компании (головной организации)¹.

Само название «холдинг» происходит от английского слова *holding* — удерживание, владение (*to hold* — держать, владеть). Итак, холдинговое корпоративное объединение построено на классическом принципе «власти капитала». Основное общество, владея доминирующими долями в уставных капиталах дочерних (зависимых) обществ, определяет политику всей группы компаний, устанавливает единые «правила игры» для всех участников группы, контролирует их деятельность.

Безусловным преимуществом холдинговой корпоративной группы является возможность централизованно определять единую стратегию развития группы компаний и концентрировать ресурсы на «направлении главного удара».

Но для создания и эффективного функционирования холдинговых корпоративных объединений необходимо наличие у основного общества (головной компании) крупного собственного капитала, за счет которого и создаются или приобретаются дочерние (зависимые) общества либо доминирующие (контрольные) пакеты акций (доли) в их уставных капиталах.

Таким образом, холдинговые корпоративные объединения предполагают обязательную концентрацию большого капитала в головной компании. Используя его, холдинговая компания через прямые

инвестиции в дочерние компании может проводить рыночную экспансию на новых сегментах рынка (товар / товарная группа; клиентская группа, территориальная экспансия).

Подобная форма существования устойчивых корпоративных объединений полностью оправдывает себя в тех случаях, когда необходимо совершать большие инвестиции в производственные (торговые) предприятия индустриального типа, в которых производственный процесс основан на использовании большого числа дорогостоящих материальных и оборотных активов.

Как это работает? Представим ситуацию, когда компания — производитель некоего товара (например, автосборочное предприятие) пытается построить эффективную и, самое главное, надежную систему взаимоотношений со своими поставщиками.

Каждый поставщик независим, компанией не контролируется. Такой поставщик производит необходимый ресурс самостоятельно (собственные разработки, собственные технологии и т.д.). Будучи абсолютно независимым от покупателя соответствующего ресурса, поставщик в любой момент может «переключиться» на другого покупателя или внести изменения в предлагаемый ресурс.

Что в этом случае вынужден предпринимать покупатель ресурса для обеспечения стабильности и своей бесперебойной работы?

Во-первых, покупатель вынужден создавать дополнительные складские запасы. Но это означает «замораживание» оборотного капитала компании, что приводит к снижению эффективности ее экономической деятельности. Ведь речь идет не только о превращении денег в лежащие на складах запасы, но о строительстве и обслуживании больших складских площадей.

Во-вторых, покупатель ресурса будет стремиться гарантировать поставки через поиск и вовлечение в свой производственный процесс альтернативного поставщика (поставщиков) аналогичного ресурса. Возникает конкуренция между поставщиками.

Кроме того, в обязательном порядке покупатель будет постоянно находиться в поиске альтернативного поставщика, предлагающего, например, такой же ресурс по более низкой цене.

Возникает конкуренция между поставщиками ресурса, и это, безусловно, хорошо (мы знаем, что конкуренция — хорошо, а монополизм в рыночной экономике — плохо).

¹ Корпоративное право : учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. М. : Статут, 2019. С. 93.

Но поставим себя на место поставщика, оказавшегося в подобных условиях. Он знает, что в любой момент может потерять свой «рынок сбыта» (покупатель может переключиться на альтернативного поставщика). Следовательно, поставщик должен обеспечить и себе ситуацию конкуренции покупателей своего ресурса. Он ищет альтернативные возможности продажи своего ресурса, постоянно находясь под угрозой потери действующего покупателя. Возникает конкуренция между покупателями. Опять конкуренция — хорошо, монополизм — плохо.

Но каковы же в этом случае схемы взаимодействия в системе «поставщик — покупатель»?

Поставщик не заинтересован в доведении предлагаемого ресурса до идеального состояния, соответствующего запросам конкретного покупателя. Зачем вкладываться в идеи и технологии (требующие единовременных затрат, но не дающие отдачи в краткосрочной перспективе), если покупатель в любой момент может переключиться на другого поставщика ресурсов, и сделанные инвестиции не принесут финансовой выгоды? Риск потери контракта в любой момент времени не стимулирует адаптацию ресурса под нужды конкретного контрагента.

А есть ли смысл покупателю в случае возникновения проблем у поставщика каким-либо образом «помогать» контрагенту, если можно быстро перейти на альтернативные поставки (тем более что большие складские запасы позволят достаточно безболезненно «пережить» переходный период)?

В общем, и для поставщика ресурса, и для его покупателя система взаимоотношений создает конкурентную, но крайне нестабильную систему взаимоотношений.

Но любая система стремится к стабильности, равновесию. «Не дай вам бог жить в эпоху перемен», — сказал Конфуций более 2500 лет назад!

Так как привести систему к равновесию? Как раз через создание холдингового корпоративного объединения.

Например, компания — покупатель ресурса приобретает компанию — поставщика ресурса. Таким образом покупатель, вкладывая деньги в приобретение доминирующей доли (вплоть до 100%) в уставном капитале корпорации-поставщика, и получает над ним власть, основанную на капитале.

Другим возможным вариантом может быть учреждение дочернего общества по производству необходимого ресурса компанией — покупателем такого ресурса.

При различных юридических формах создания отношений «основное — дочернее общество» (покупка доли в уставном капитале существующего общества либо получение доли в уставном капитале в процессе учреждения дочернего общества) конечный результат одинаков.

1. Основное общество вложило капитал (в виде денег, иных активов) в уставный капитал дочернего общества.

2. Основное общество приобрело «власть капитала» над дочерним обществом.

3. Вместо конкуренции во взаимоотношениях появилась монополия (основному обществу, вложившему деньги в дочернее, экономически невыгодно иметь дело с неподконтрольным аналогичным по виду деятельности или выпускаемой продукции контрагентом, иначе вложения не оправдываются).

4. Основное общество, пользуясь своей «властью капитала», диктует «правила игры» дочернему обществу через свои полномочия высшего органа корпоративного управления, через формируемые из «своих людей» иные органы управления дочернего общества.

5. Основное общество, пользуясь своей «властью капитала», контролирует дочернее общество.

6. У основного общества появляется заинтересованность в поддержке дочернего общества, а дочернее общество в своей технологической политике вынуждено ориентироваться на интересы основного.

Возникает жесткая иерархическая система организации бизнеса и принятия решений.

Вроде бы получен серьезный положительный эффект. Но на самом деле появляется и некоторое количество факторов, негативно влияющих на развитие такого корпоративного объединения.

Во-первых, формирование системы отношений, основанных на «власти капитала», приводит к кардинальному росту вероятности ошибок при выборе стратегии развития корпоративной группы. Действительно, у группы юридических лиц (положение каждого из которых на рынке сугубо индивидуально) появляется единый центр принятия решений, учитывающий прежде всего интересы головной компании и в силу своего иерархического властного статуса с полным правом имеющий возможность игнорировать систему интересов подчиненных ей дочерних/зависимых обществ.

Помните: пункт первый устава: начальник всегда прав; пункт второй устава: если начальник неправ, смотри пункт первый.

А всегда ли начальник прав? Классический пример из истории. Когда появились первые персональные компьютеры производства компании Apple, руководство холдинга IBM проигнорировало предложение одной из своих дочерних компаний по выходу на этот рынок. Позиция холдинга была такова: мы делаем большие сверхмощные машины для больших клиентов (NASA, АНБ) и не будем заниматься этими счетными машинками. В результате этой ошибки холдинга (начальника, который всегда прав), компания IBM вышла на рынок персональных компьютеров с почти пятилетним опозданием, потеряв миллиарды долларов прибыли.

Во-вторых, при безусловном эффекте стабилизации системы отношений холдинг заинтересован в ее сохранении в течение длительного периода времени. Даже в случае снижения эффективности деятельности дочернего общества основное общество, вложившее деньги в уставный капитал дочернего, будет стремиться поддержать его «на плаву» ради сохранения уже вложенного капитала. В результате снижается адаптивность дочернего общества (и как результат всей холдинговой группы) к изменениям на рынке. А вот это уже означает не стабильность, а стагнацию.

Далее, так как любая холдинговая система построена по принципу иерархической пирамиды, то движение информации, необходимой для принятия решений, проходит снизу вверх, при этом информация неизбежно искажается. Решения, наоборот, принимаются на верхнем уровне вертикали власти (на основании искаженной, устаревшей, а то и недостоверной информации), а исполняются на низовых уровнях. При этом низовой уровень (дочерние компании), реально работающие на конкретном сегменте рынка с конкретными товарами и технологиями, находясь в подчиненном положении, не имеют возможностей влиять на принимаемые в холдинге решения, участвовать в координации деятельности различных участников корпоративной группы.

Кроме того, в любой иерархической системе, в которой движение информации и приказов происходит по вертикали подчиненности, ослабевают, а то и полностью игнорируются горизонтальные связи между теми же дочерними обществами, что приводит к росту рисков ошибок при принятии решений на верхнем уровне иерархической пирамиды и отсутствию координации конкретных исполнителей «воли холдинга» на уровне дочерних обществ.

Эта проблема усугубляется тем, как формируются и реализуются полномочия органов управления хозяйственных обществ, входящих в холдинговую корпоративную группу.

Высший орган управления основного общества формирует свои органы управления (Совет директоров, Коллегиальный исполнительный орган, Единоличный исполнительный орган). Именно высший орган холдинговой компании в итоге формирует как свою стратегию развития и политику, так и стратегию развития и политику всей холдинговой корпоративной группы.

Иными словами, собственники холдинговой компании самостоятельно формируют стратегию и реализуют ее через своих «вассалов» — избранных/назначенных ими участников других органов управления основного общества.

А вот когда речь заходит о дочерних обществах в рамках холдинговой корпоративной группы, ситуация кардинально меняется. Высшим органом управления для дочернего общества в силу «власти капитала» является само основное общество (а не его собственники). По общему правилу от имени основного общества и на основании его устава, на Высшем органе дочернего общества от имени основного действует его Единоличный исполнительный орган (т.е. «вассал» собственников). Именно он определяет стратегию развития дочернего общества, исходя из своего понимания этой стратегии, определенной собственниками основного общества. Следовательно, возникает риск ошибки в связи с возможным искажением воли собственников холдинговой компании. Но это же не просто информация, а приказ, передаваемый через «власть капитала».

Кроме того, Единоличный исполнительный орган основного общества, в силу юридической конструкции «власти капитала» в холдинговых корпоративных группах, от имени основного общества формирует остальные (кrome высшего) органы

управления дочерних обществ. Из кого? Из своих «вассалов».

А как известно, «вассал моего вассала — не мой вассал» (общее правило вассалитета в средневековой Европе).

Иными словами, реализация стратегии развития холдинговой корпоративной группы, определенная собственниками основного общества, по факту реализуется органами управления дочерних обществ, формируемых из «вассалов» «вассала» «сюзерена». При этом, так как органы управления хозяйственных обществ состоят из людей, которые могут иметь разные (иногда противоположные) точки зрения по одним и тем же вопросам, в различных дочерних обществах одно и то же руководящее указание основного общества может быть понято по-разному. Соответственно, и формы реализации такого руководящего указания могут различаться кардинально. При этом отсутствие горизонтальных связей между дочерними обществами в рамках одной холдинговой группы приводит к отсутствию координации политик компаний. Возникает ситуация «правая рука не знает, что делает левая». Классическая проблема любой иерархической пирамидальной системы управления.

Вот один из ярчайших примеров возникновения подобной ситуации.

В начале 90-х годов двадцатого века многие иностранные компании стали активно «заходить» на перспективный российский рынок. К их числу относилась и одна известная транснациональная корпоративная холдинговая группа. Головной компании подчинялись четыре глобальных дивизиона (дочерних компаний) второго уровня: напитки, торговля и логистика, продукты питания, сети закусочных быстрого питания

Отделение, отвечающее за производство напитков, в свою очередь создавало собственные дивизионы третьего уровня («внучатые» компании) по географическому принципу. Последние создавали на подконтрольных территориях свои дочерние производственные общества («правнучки» по отношению к «маме» — холдингу). Президент региональной корпорации отвечал за производство и сбыт продукции в конкретной стране (группе стран).

В 1993 г. в московском метро была открыта первая из серии закусочных быстрого питания (зона полномочий и ответственности руководства дивизиона второго уровня «фаст фуд»). Для руководства же дивизиона третьего уровня, зона ответственности и полномочий которого — Россия, это событие было полной неожиданностью и не могло не повлиять на политику дивизиона в своем регионе. Руководитель этого дивизиона узнал о произошедшем событии из телевизионного репортажа в новостях!

Вполне естественно, несогласованность действий этих двух дивизионов (второй уровень — закусочные; третий уровень — территория) привела к дублированию затрат, а действия фирмы на региональном уровне необходимо было срочно корректировать, менять планы, перераспределять ресурсы. Этот пример является достаточно типичным для холдинговых корпоративных объединений. Возникает очевидная кризисная ситуация в развитии

организационной структуры — кризис рассогласованности политики дивизионов².

Разрешение подобного кризиса в рамках классических корпоративных объединений, построенных на «власти капитала», возможно лишь через координацию и развитие горизонтальных связей, что противоречит базовому принципу формирования холдинговых корпоративных групп, так как в подобных иерархических пирамидальных структурах движение информации и приказов идет по линиям вертикальной подчиненности (основанной на власти капитала), горизонтальные же связи либо отсутствуют, либо крайне слабы. Попробуем, например, для обеспечения горизонтальной координации осуществить «взаимопроникновение» в органы управления лиц, представляющих различные дочерние общества. В рассмотренном примере, как вариант, представитель органа управления дивизиона, ответственного за развитие сетей быстрого питания, мог бы быть одновременно участником органа управления дивизиона, отвечающего за производство напитков на территории России. Но, во-первых, формирование органов управления в дочернем обществе каждого уровня определяется «властью капитала» его основного общества и никак не зависит от позиции иных участников корпоративного объединения. Во-вторых, как только возникает ситуация «взаимопроникновения» в органы управления компаний одной холдинговой группы, процедуры принятия решений по реализации совместных (горизонтальных) проектов крайне затрудняются. Это связано с тем, что создается ситуация заинтересованности в сделках (ст. 45 Федерального закона РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью»³, ст. 81–84 Федерального закона РФ «Об акционерных обществах»⁴). Более того, именно те участники органов управления юридических лиц, которые заинтересованы в реализации совместных «горизонтальных» проектов, будут отстранены от процедур принятия решений. Решения будут принимать «незаинтересованные» участники органов управления таких обществ.

Но этим проблема не ограничивается!

Еще более обостряется кризис рассогласования политики дивизионов в связи с тем, что возникает вопрос лояльности участников органов управления дочерних обществ по отношению к собственникам основного общества, ведь они не являются их «вассалами».

К чему это может приводить? Пример.

Холдинговая корпоративная группа (головная компания в Москве) построила свой бизнес следующим образом. Закупая средства малой механизации для строительства у известных европейских производителей, московская компания создала сеть оптовых торговых компаний, имеющих статус стопро-

центных дочерних обществ, в нескольких областных центрах. Те в свою очередь создали свои дочерние компании (мелкий опт и розница) или внучатые по отношению к московской холдинговой компании (контроль не менее 51% уставного капитала) на уровне районных центров, где, собственно, и осуществлялись основные продажи непосредственно клиентам.

Естественно, политику (в том числе — и ценовую), определяло основное общество. Бизнес успешно развивался, региональная сеть встала на ноги, на уровне регионов сформировалась стабильная клиентура.

После того как внучатые компании стали активными игроками (а в ряде случаев — монополистами на местных рынках), несколько директоров дочерних компаний (уровень областного центра) продали внучатые компании (уровень районного центра) «своим» людям, фактически переподчинив сети реализации себе. С юридической точки зрения эти сделки были реализованы в рамках полномочий Единоличных исполнительных органов дочерних компаний, и при этом отсутствовали формальные признаки сделок с заинтересованностью. В результате холдинговая компания была поставлена перед выбором: либо создавать в этих регионах новые сбытовые сети в условиях конкуренции со своими бывшими «внучками», либо пересмотреть свою политику (в том числе — ценовую) в области взаимоотношений со ставшими независимыми бывшими внучатыми компаниями. Основное общество понесло существенные финансовые потери.

Конечно, для предотвращения подобной ситуации нужно было обеспечить реализацию соответствующих полномочий «вассалов сюзерена» в компаниях, органы управления которых сформированы из «вассалов вассалов сюзерена», а именно отнести их к корпоративным экстраординарным сделкам⁵, изъяв через нормы уставов право принятия решений по сделкам по продаже долей в капиталах внучатых обществ из полномочий Единоличного исполнительного органа дочерних обществ и отнести их к компетенции Общего собрания либо Совета директоров дочерних обществ. А для полной подстраховки еще и внести в устав основного общества полномочие Общего собрания либо Совета директоров по выработке обязательных к исполнению директив по решениям, принимаемым Высшим органом управления дочернего общества, используя «власть капитала».

Но можно было бы эту проблему решить и принципиально иным путем, например, организовать работу всей торговой сети под единой торговой маркой, принадлежавшей основному обществу, и «привязать» к себе всех участников (в том числе — и внучатые компании) через долгосрочный договор коммерческой концессии⁶ на право работы под единым брендом (кстати, в таком договоре можно предусмотреть и условия проведения ценовой политики). В этом случае «вывод» внучатых компаний из корпоративной группы терял бы экономический смысл.

² Могилевский С.Д., Самойлов И. А. Корпорации в России: правовой статус и основы деятельности : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Дело, 2007. С. 347.

³ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Самойлов И.А. Крупные сделки: коллизия критериев определения и процедуры заключения // Гражданское право. 2021. № 2. С. 20–23.

⁶ Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021), глава 54 / СПС «КонсультантПлюс».

Более того, корпоративная группа, основанная на долгосрочных договорных отношениях, была бы не менее, а скорее всего, более устойчива, чем описанная холдинговая корпоративная группа, основанная на «власти капитала».

Итак, мы видим, что на самом деле, устойчивые корпоративные объединения могут формироваться не только на базе «власти капитала», но и на базе «власти договора».

Более того, корпоративные объединения, формируемые на основе власти договора, в современных условиях в ряде случаев могут быть существенно эффективнее, чем корпоративные объединения холдингового типа, в основе которых лежит «власть капитала». С чем это связано?

В первом примере мы рассмотрели ситуацию создания холдинговой группы, когда покупатель ресурса вложил свои средства (капитал) в приобретение (либо учреждение) подконтрольного дочернего общества (компания-поставщика), через приобретение доминирующей доли в его уставном капитале. Точно так же во втором примере торговая компания вложила свой капитал в уставные капиталы своих дочерних и через них — внучатых компаний. В обоих случаях была обеспечена реализация корпоративных прав головной компании по отношению к дочерним компаниям через «власть капитала».

Абсолютно нормальная практика, характерная для компаний и корпоративных объединений так называемого индустриального типа экономики.

В то же время мы наблюдаем, что экономика в последние десятилетия претерпевает кардинальные изменения. Если в XIX—XX вв. можно было говорить о доминировании промышленной экономики, требующей больших инвестиций в бизнес, дорогостоящих промышленных и торговых имущественных комплексов, то в XXI в. все большую долю в экономике занимает «услуговой» бизнес, активнейшим образом развивается информационная, в том числе — цифровая, экономика. Все больше появляется бизнес-единиц (в том числе в форме хозяйственных обществ), для которых наиболее важным ресурсом являются не дорогостоящие оборудование, материальные активы и имущественные комплексы, громадные инвестиции, а креативные идеи, труд интеллектуалов, иногда при минимальной стоимости активов корпорации⁷.

А что мы видим в приведенных примерах создания и развития холдинговых корпоративных объединений? На что тратит свои ограниченные ресурсы, свой капитал основное общество? На развитие идей? На креатив? На формирование нематериальных активов и их использование для развития бизнеса? Нет, капитал тратится на покупку капитала (уставного капитала других хозяйственных обществ). То есть типичное поведение корпораций индустриального этапа развития экономики. Контроль через власть капитала!

Карл Маркс совершенно обосновано назвал свой фундаментальный труд «Капитал». Но это было в XIX в.!

Можно констатировать тот факт, что корпоративные объединения, построенные на «власти капитала», теряют свою эффективность, особенно при реализации проектов, требующих горизонтальной координации участников корпоративной холдинговой группы, а также в отраслях «постиндустриального», «креативного» типа. Использование инвестиционного ресурса для формирования системы иерархической властной пирамиды через приобретение капитала в виде долей в дочерних обществах на самом деле означает, что этот инвестиционный ресурс не используется для реализации инновационных проектов. Контроль ради контроля, но не ради эффективности.

Альтернативой подобному подходу является создание устойчивых корпоративных объединений, основанных на договорных принципах. В этом случае инвестиции тратятся не на получение власти над партнером, а на реализацию совместных инновационных проектов.

Литература

1. Корпоративное право : учебник для студентов / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина [и др.] ; ответственный редактор И.С. Шиткина. Москва : Статут, 2019. 728 с.

2. Могилевский С.Д. Корпорации в России: правовой статус и основы деятельности : учебное пособие / С.Д. Могилевский, И.А. Самойлов. 2-е изд. Москва : Дело, 2007. 479 с.

3. Самойлов И.А. «Власть капитала» и «власть договора» в коммерческих корпорациях в «креативной» экономике / И.А. Самойлов // Гражданское право. 2022. № 1. С. 24—29.

4. Самойлов И.А. Крупные сделки: коллизия критериев определения и процедуры заключения / И.А. Самойлов // Гражданское право. 2021. № 2. С. 20—23.

References

1. Korporativnoe pravo : uchebnik dlya studentov [Corporate Law : textbook for students] / A.V. Gabov, E.P. Gubin, S.A. Karelina [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor I.S. Shitkina. Moskva : Statut — A.V. Gabov, E.P. Gubin, S.A. Karelina [et al.] ; publishing editor I.S. Shitkina. Moscow : Statute, 2019. 728 s.

2. Mogilevsky S.D. Korporatsii v Rossii: Pravovoy status i osnovy` deyatel'nosti : uchebnoe posobie [Corporations in Russia: The Legal Status and Fundamentals of Activities : textbook] / S.D. Mogilevsky, I.A. Samoylov. 2-e izd. Moskva : Delo — 2nd edition. Moscow : Business, 2007. 479 s.

3. Samoylov I.A. «Vlast kapitala» i «vlast dogovora» v kommercheskikh korporatsiyakh v «kreativnoy» ekonomike [The Power of Capital and the Power of an Agreement in Commercial Corporations in Creative Economy] / I.A. Samoylov // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2022. № 1. S. 24—29.

4. Samoylov I.A. Krupny'e sdelki: kolliziya kriteriev opredeleniya i protsedury` zaklyucheniya [Major Transactions: A Conflict between the Determination Criteria and the Conclusion Procedure] / I.A. Samoylov // Grazhdanskoe pravo — Civil Law. 2021. № 2. S. 20—23.

⁷ Самойлов И.А. «Власть капитала» и «власть договора» в коммерческих корпорациях в «креативной» экономике // Гражданское право. 2022. № 1.

Особенности корпоративных правоотношений в крестьянском (фермерском) хозяйстве

Бит-Мурат Давид Харибуевич,

аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

dave05@mail.ru

Еще в Концепции развития гражданского законодательства было отмечено, что отечественное законодательство нуждается в нормативном закреплении правил о корпорациях и наиболее значимых вопросов внутрикорпоративных отношений¹. Сегодня основная часть таких правил включена как в Гражданский кодекс РФ, так и в другие законы. Вместе с тем нельзя считать, что процесс включения правил о корпорациях в отечественное законодательство завершен, на что указывают основная масса исследователей².

При ведении деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства в форме простого товарищества корпорации как самостоятельного юридического лица не создается, что исключает и само обсуждение вопросов корпоративной жизни. Иное дело — создание КФХ в качестве самостоятельного юридического лица по правилам ст. 86.1 ГК РФ, в которой прямо указывается на наличие членских отношений; закрепляет это и п. 1 ст. 65.1 ГК РФ, где крестьянское фермерское хозяйство названо в числе именно корпораций.

С формальной точки зрения в систематике корпораций КФХ, основанные согласно ст. 86.1 ГК РФ, следует отнести к коммерческим организациям и к формированиям типа «объединения лиц», что позволяет понять некоторые аспекты организации внутренней жизни. Разделение юридических общностей на «объединение капиталов» и «объединения лиц» сложилось исторически и указывает на то, какое значение придается в соответствующей корпорации личности участников. Если в объединениях лиц в центре внимания индивидуальные особенности участника, как это имеет место и в крестьянском (фермерском) хозяйстве, то в объединениях капиталов решающую роль играют предоставленные участником финансовые средства. Другим примером «объединения лиц» может быть назван кооператив (п. 1 ст. 107 ГК РФ), поскольку здесь также необходимо личное трудовое участие³. Но, так же как, например, в обществах

с ограниченной ответственностью, в них имеются определенные признаки организаций другого типа.

Надо согласиться с тем, что нормативно определенными признаками всякой корпорации являются лишь два: а) наличие членских отношений и б) право участников формировать высший орган управления⁴. Анализ правового регулирования отношений в КФХ при создании его на основе ст. 86.1 ГК РФ подтверждает, что названные признаки характерны и для данной организационно-правовой формы. Правда, в кратком тексте ст. 86.1 ГК РФ не указано, что высшим органом КФХ является именно общее собрание, но в плане построения законодательного регулирования ясно — в данном вопросе должны действовать общие правила о корпорациях. В литературе на это обращалось внимание, но не оценивалось как непоправимый дефект⁵.

Возможность создания КФХ в форме корпорации в литературе была оценена неоднозначно. В основном — скептически. По мнению Е.А. Суханова, ряд ключевых параметров данной организационно-правовой формы позволяет говорить, что это всего лишь разновидность простого товарищества⁶. Ряд авторов отмечают, что по существу положения о данной организационно-правовой форме остались недоработаны⁷. Действительно, заметна неполнота регулирования. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на то, что появление данного хозяйствующего субъекта рождает и некоторые перспективы на фоне довольно консервативной системы отношений в сфере сельского хозяйства⁸. С экономической точки зрения возникает новый вид ценностей, так как в результате потенциального роста компании и капитализации активов появляется особый механизм для вложений. Также и с правовой точки зрения: в связи с появлением корпораций как особой юри-

¹ Концепция развития гражданского законодательства. М.: Статут, 2009.

² Корпоративное право в ожидании перемен : сб. ст. к 20-летию Закона об ООО [электронное издание] / отв. ред. А.А. Кузнецов. М.: М-Логос, 2020.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А.В. Барков, А.В. Габов, В.Г. Голубов и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015. С. 242; Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учеб. пособие. М.: Статут, 2003. С. 72–73.

⁴ См. об этом: Корпоративное право : учебник / под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2019. С. 69–70. Собственно говоря, это логически вытекает также из п. 1 ст. 65.1 ГК РФ.

⁵ Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учеб. пособие. М.: Статут, 2020. С. 78.

⁶ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2016. С. 140–141.

⁷ Емелькина И.А. Юридические лица как субъекты права собственности и ограниченных вещных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 3–9; Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учеб. пособие. С. 42.

⁸ См. об этом, например: Клеандров М.И. О суде для самозанятого сельского предпринимателя // Предпринимательское право. 2018. № 3. С. 54–64.

дической общности складываются нехарактерные для обычного уклада жизни в агропромышленном комплексе правоотношения, открываются возможность и необходимость применения особых правовых категорий («экстраординарные сделки», «корпоративный договор»⁹, «корпоративный контроль»¹⁰ и пр.), специфических мер защиты (оспаривание решений общих собраний, иски участников к КФХ¹¹, косвенные иски¹² и т.д.). В результате изменяются и экономические подходы, и правовые механизмы, что потенциально позволит сельским предпринимателям привыкнуть к ним, получить навыки и увидеть преимущества современных форм ведения бизнеса.

При выработке методологии анализа и оценки корпоративных отношений в КФХ важно учитывать не только содержание правовых норм, но и иной контекст (в том числе логику правовой догмы и позитивную практику). Существенное значение для понимания природы отношений в КФХ и динамики их развития имеют ранее принятые (и прекратившие действие, и действующие) правила, связанные с судьбой данной организационно-правовой формы. Так, Федеральный закон от 30 декабря 2012 г., устанавливающий статус КФХ, в ч. 7 ст. 2 определил, что к прекращающим деятельность КФХ, созданным как юридические лица по Закону РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее — Закон 1990 г.), подлежат применению именно правила ст. 86.1 ГК РФ. Фактически этим проведена определенная связь между положениями Закона 1990 г. и содержанием статуса тех КФХ, которые после 2013 г. создаются как юридические лица. Разумеется, отношение к правилам Закона 1990 г. должно быть дифференцированным, исходя из того, насколько они соответствуют смыслу, направленности и задачам сегодняшнего регулирования отношений в КФХ. В этой связи очень трудно согласиться с мнением, будто в настоящее время «сформирован общий правовой режим» для обеих групп КФХ, т.е. созданных по Закону 1990 г., и создаваемых сейчас¹³. Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» также может выполнять ориентирующую функцию, но в действующей редакции он предназначен для регламентации внутренних отношений хозяйства в форме простого товарищества.

⁹ См., например: Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: монография. М.: Юстицинформ, 2017.

¹⁰ См., например: Беляков В.Г. Корпоративный контроль участников общества с ограниченной ответственностью: экономико-правовой подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент. 2014. Вып. 1. С. 57–79.

¹¹ См., например: Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 207 с.

¹² См., например: Ионова Д.Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Российский судья. 2018. № 7. С. 17–22.

¹³ Габов А.В. Реорганизация крестьянского (фермерского) хозяйства — юридического лица // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 79–95.

Для возникновения корпоративных отношений решающим юридическим фактом является приобретение «права участия», как основного элемента корпоративных отношений¹⁴. Несколько отличное мнение у Р.Р. Ушницкого, полагающего, что в «праве участия» заметны признаки абсолютных прав¹⁵. Если применительно к другим корпорациям установление этого момента относительно просто (по общему правилу это момент приобретения доли участия или акции), то в случае с КФХ могут быть некоторые затруднения.

Одно из них связано с тем, что соответствующий член КФХ уже может обладать определенными имущественными правами. Мы исходим из того, что не следует исключать создания КФХ в результате преобразования из другой организационно-правовой формы. Если же КФХ в виде юридического лица создается из простого товарищества, то *volens nolens* возникает необходимость учитывать ранее приобретенную долю в общем имуществе. При этом мы согласны с тем, что существование «совместной» собственности в КФХ нежелательно и недопустимо¹⁶. В таких случаях нет оснований вначале прекращать право долевой собственности и осуществлять раздел имущества (что было бы опасно для эффективного ведения хозяйственной деятельности); очевидно, здесь потребуется просто учесть ее в соответствии с соглашением о создании КФХ и отразить это в уставе.

Заметим, что п. 1 ст. 259 ГК РФ прямо предусматривает, что «на базе имущества хозяйства может быть создано хозяйственное товарищество или производственный кооператив»; имущество КФХ передается «в форме вкладов и других взносов членами фермерского хозяйства». Выражение «на базе» и означает, как представляется, именно преобразование.

По мнению А.В. Габова, действующая норма п. 1 ст. 86.1 ГК РФ вообще исключает создание КФХ иначе как теми лицами, которые уже ведут совместную деятельность без образования юридического лица¹⁷. Текст указанной нормы, действительно, допускает подобное толкование. Однако, на наш взгляд, телеологическое толкование должно быть другим, учитывая, что в сложившихся обстоятельствах законодатель, формулируя текст данной статьи, ориентировался на уже имевшиеся правила ст. 23 ГК РФ и преследовал цель лишь показать возможность создания названными лицами также и юридического лица. Надо также обратить внимание на то, что в тексте Гражданского кодекса РФ вовсе

¹⁴ Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7. С. 31–55.

¹⁵ Ушницкий Р.Р. Теория корпоративного права и новеллы статьи 2 ГК РФ // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 48–58.

¹⁶ Щукина Е.М. Содержание обязательства, возникающего из договора простого товарищества // Проблемы современной цивилистики: сб. ст., посвященных памяти профессора С.М. Корнеева / отв. ред. Е.А. Суханов, М.В. Телюкина. М.: Статут, 2013. С. 246–251.

¹⁷ Габов А.В. Реорганизация крестьянского (фермерского) хозяйства — юридического лица.

не предусмотрен запрет на создание КФХ иным образом. Утверждение о запрете его создания иными лицами, помимо тех, кто уже ведет такое хозяйство без образования юридического лица, вступает в противоречие и с общей диспозитивностью гражданско-правового регулирования, и нормой ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Если кратко обобщить итоги, то мы вправе утверждать о следующих особенностях применения корпоративной формы к отношениям в крестьянском (фермерском) хозяйстве. Во-первых, создание КФХ в форме юридического лица допустимо не только на базе прежнего КФХ, созданного в форме простого товарищества, а его участниками могут быть не только лица, уже ведущее хозяйство на основе ст. 23 ГК РФ. Утверждение о запрете его создания иными лицами вступает в противоречие с общей диспозитивностью гражданско-правового регулирования и нормой ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Во-вторых, анализ правомочий участников корпорации свидетельствует, что нет никаких принципиальных ограничений для приобретения и реализации их участниками КФХ. В-третьих, следует критически оценивать возможность наличия (сохранения) корпоративных отношений у тех лиц, действия которых не отвечают требованиям ст. 86.1 ГК РФ. В-четвертых, в законодательстве отсутствует норма, требующая от членов КФХ, созданных в форме юридического лица, непременно осуществлять в хозяйстве трудовую деятельность и (или) ставящая в зависимость от нее вопрос о размере части распределяемой прибыли.

Литература

1. Беляков В.Г. Корпоративный контроль участников общества с ограниченной возможностью: экономико-правовой подход / В.Г. Беляков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент. 2014. № 1. С. 57–79.
2. Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве : монография / В.Г. Бородкин. Москва : Юстицинформ, 2017. 224 с.
3. Габов А.В. Реорганизация крестьянского (фермерского) хозяйства — юридического лица / А.В. Габов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 79–95.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А.В. Барков, А.В. Габов, В.Г. Голубцов [и др.] ; под редакцией Л.В. Санниковой. Москва : Статут, 2015. 662 с.
5. Емелькина И.А. Юридические лица как субъекты права собственности и ограниченных вещных прав / И.А. Емелькина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 3–9.
6. Ионова Д.Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций / Д.Ю. Ионова // Российский судья. 2018. № 7. С. 17–22.
7. Клеандров М.И. О суде для самозанятого сельского предпринимателя / М.И. Клеандров // Предпринимательское право. 2018. № 3. С. 54–64.

8. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учебное пособие / Н.В. Козлова. Москва : Статут, 2003. 316 с.

9. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступительная статья А.Л. Маковского. Москва : Консультант-Плюс : Статут, 2009. 158 с.

10. Корпоративное право : учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина [и др.] ; ответственный редактор И.С. Шиткина. Москва : Статут, 2019. 728 с.

11. Корпоративное право в ожидании перемен : сборник статей к 20-летию Закона об ООО / ответственный редактор А.А. Кузнецов. Москва : Статут, 2020. 460 с.

12. Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учебное пособие / Д.В. Ломакин. Москва : Статут, 2020. 146 с.

13. Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах / Д.И. Степанов // Закон. 2014. № 7. С. 31–55.

14. Степанов Д.И. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д.И. Степанов, Ю.С. Михальчук. Москва : Статут, 2018. 207 с.

15. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. Москва : Статут, 2016. 456 с.

16. Ушницкий Р.Р. Теория корпоративного права и новеллы статьи 2 ГК РФ / Р.Р. Ушницкий // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 48–58.

17. Щукина Е.М. Содержание обязательства, возникающего из договора простого товарищества / Е.М. Щукина // Проблемы современной цивилистики : сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева / ответственные редакторы Е.А. Суханов, М.В. Телюкина. Москва : Статут, 2013. С. 241–277.

References

1. Belyakov V.G. Korporativny'y kontrol uchastnikov obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu: ekonomiko-pravovoy podkhod [Corporate Control of Members of a Limited Liability Company: The Economic and Legal Approach] / V.G. Belyakov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Menedzhment — Bulletin of the Saint Petersburg University. Series: Management. 2014. № 1. S. 57–79.
2. Borodkin V.G. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie korporativnogo dogovora v rossiyskom prave : monografiya [Civil Law Regulation of a Corporate Agreement in Russian Law : monograph] / V.G. Borodkin. Moskva : Yustitsinform — Moscow : Justice Inform, 2017. 224 s.
3. Gabov A.V. Reorganizatsiya krestyanskogo (fermerskogo) khozyaystva — yuridicheskogo litsa [Reorganization of a Corporate Peasant (Farm) Household] / A.V. Gabov // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Problems of Russian Law. 2020. № 5. S. 79–95.
4. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Postateyniy kommentariy k glavam 1–5 [The Civil Code of the Russian Federation. The Article-by-

Article Commentary on Chapters 1 to 5] / A.V. Barkov, A.V. Gabov, V.G. Golubtsov [i dr.] ; pod redaktsiyey L.V. Sannikovoy. Moskva : Statut — A.V. Barkov, A.V. Gabov, V.G. Golubtsov [et al.] ; edited by L.V. Sannikova. Moscow : Statute, 2015. 662 s.

5. Emelkina I.A. Yuridicheskie litsa kak subyekty` prava sobstvennosti i ogranichenny`kh veschny`kh prav [Legal Entities as Subjects of the Property Right and Restricted Real Rights] / I.A. Emelkina // Zakony` Rossii: opyt, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2017. № 2. S. 3–9.

6. Ionova D.Yu. Kosvenny`e iski kak sposob zaschity` interesov uchastnikov kommercheskikh korporatsiy [Derivative Actions as a Means of Protection of Interests of Commercial Corporation Members] / D.Yu. Ionova // Rossiyskiy sudya — Russian Judge. 2018. № 7. S. 17–22.

7. Kleandrov M.I. O sude dlya samozanyatogo selskogo predprinimatelya [On the Court for a Self-Employed Rural Entrepreneur] / M.I. Kleandrov // Predprinimatelskoe pravo — Entrepreneurial Law. 2018. № 3. S. 54–64.

8. Kozlova N.V. Ponyatie i suschnost yuridicheskogo litsa. Ocherk istorii i teorii : uchebnoe posobie [The Concept and Essence of a Legal Entity. A Sketch of History and Theory : textbook] / N.V. Kozlova. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2003. 316 s.

9. Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [A Concept of the Development of Civil Laws of the Russian Federation] / vstupitelnaya statya A.L. Makovskogo. Moskva : KonsultantPlyus : Statut — introductory article by A.L. Makovsky. Moscow : ConsultantPlus : Statute, 2009. 158 s.

10. Korporativnoe pravo : uchebnik [Corporate Law : textbook] / A.V. Gabov, E.P. Gubin, S.A. Karelina [i dr.] ; otvetstvenny`y redaktor I.S. Shitkina. Moskva : Statut — A.V. Gabov, E.P. Gubin, S.A. Karelina [et al.] ; publishing editor I.S. Shitkina. Moscow : Statute, 2019. 728 s.

11. Korporativnoe pravo v ozhidanii peremen : sbornik statey k 20-letiyu Zakona ob OOO [Corporate

Law Awaiting Changes : collection of articles on the 20th anniversary of the Law on Limited Liability Companies] / otvetstvenny`y redaktor A.A. Kuznetsov. Moskva : Statut — publishing editor A.A. Kuznetsov. Moscow : Statute, 2020. 460 s.

12. Lomakin D.V. Kommercheskie korporatsii kak subyekty` korporativny`kh pravootnosheniy : uchebnoe posobie [Commercial Corporations as Subjects of Corporate Relations : textbook] / D.V. Lomakin. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2020. 146 s.

13. Stepanov D.I. Novy`e polozheniya Grazhdanskogo kodeksa o yuridicheskikh litsakh [New Provisions of the Civil Code on Legal Entities] / D.I. Stepanov // Zakon — Law. 2014. № 7. S. 31–55.

14. Stepanov D.I. Otvetstvennost direktora pered korporatsiyey za prichinenny`e ey ubytki v sudebnoy praktike [The Director's Liability to the Corporation for Sustained Losses in the Judicial Practice] / D.I. Stepanov, Yu.S. Mikhalechuk. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2018. 207 s.

15. Sukhanov E.A. Sravnitelnoe korporativnoe pravo [Comparative Corporate Law] / E.A. Sukhanov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2016. 456 s.

16. Ushnitsky R.R. Teoriya korporativnogo prava i novelty` statyi 2 GK RF [A Corporate Law Theory and Novelty of Article 2 of the Civil Code of the Russian Federation] / R.R. Ushnitsky // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2015. № 12. S. 48–58.

17. Schukina E.M. Soderzhanie obyazatelstva, vznikayushchego iz dogovora prostogo tovarischestva [The Content of an Obligation Arising out of a Simple Partnership Agreement] / E.M. Schukina // Problemy` sovremennoy tsivilistiki : sbornik statey, posvyaschenny`kh pamyati professora S.M. Korneeva / otvetstvenny`e redaktory` E.A. Sukhanov, M.V. Telyukina. Moskva : Statut — Problems of the Modern Civil Law Science : collection of articles in the memory of Professor S.M. Korneev / publishing editors E.A. Sukhanov, M.V. Telyukina. Moscow : Statute, 2013. S. 241–277.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Как сослаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

Принцип-метод равенства осуществления корпоративных прав

Камин Алексей Викторович

аспирант Саратовской государственной юридической академии
a.v.kamin@mail.ru

Для целей настоящего исследования корпоративное правоотношение понимается как правовая связь между участником и корпорацией, возникающая по поводу управления корпорацией, имущества либо информации.

В науке гражданского права выделяется новая, но перспективная категория цивилистики, обозначенная Е.В. Вавилиным, разделяющим целеполагающие принципы осуществления гражданских прав и принципы-методы осуществления гражданских прав, последние представляют собой «более частное, конкретное проявление начал первого уровня»¹, т.е. целеполагающих принципов.

В научной литературе высказывались мнения о взаимном влиянии принципов права и метода правового регулирования. Так, А.А. Кущенко отмечает, что «существенные отличительные черты метода правового регулирования — это его функции и принципы»².

В.Ф. Яковлев, характеризуя гражданско-правовой метод, определял его как «способ воздействия на отношения, который является дозволительным, характеризуется наделением субъектов на началах их юридического равенства способностью к правообладанию, диспозитивностью и инициативой, обеспечивает установление правоотношений на основе правовой самостоятельности сторон»³. Аналогичной позиции придерживается А.А. Кузнецов, также называя указанные характеристики и резюмируя их свойственность «и для корпоративного права»⁴.

А.А. Кулик в диссертационном исследовании отмечает, что корпоративным правоотношениям «свойственны равенство, автономия воли и имущественная самостоятельность их участников, в связи с чем за ними необходимо признать гражданско-правовую природу»⁵.

Вышеуказанные суждения подтверждаются и в специальных исследованиях. Так, Ю.Г. Лескова, рассматривая вопросы саморегулирования предпринимательских отношений, отмечает, что саморегулирование свойственно для корпоративного права и основано прежде всего «на частноправовых средствах... (являющихся. — А.К.) проявлением метода частного права»⁶.

Вместе с тем в цивилистике имеются и иные суждения. Так, Е.А. Суханов подчеркивает, что многие нормы корпоративного права имеют императивный характер⁷. В свою очередь О.В. Гутников отмечает, что императивность указанного правового регулирования «обусловлена субординационным характером этих отношений»⁸, он же поясняет значение подобного характера правоотношений, заключающееся в том, что, «обладая изначально равным гражданско-правовым статусом, после вступления в корпоративные отношения их участники функционально приобретают неравный объем прав и обязанностей»⁹.

И.С. Шиткина и вовсе резюмирует, что в настоящий момент попросту невозможно «выделить особый метод регулирования корпоративных отношений, который служил бы основой их обособления от других правоотношений»¹⁰.

Восприятие ряда вышеуказанных позиций ученых позволило бы опровергнуть черты гражданско-правового метода, среди которых важнейшее место занимает равенство, что представляется не вполне оправданным.

Необходимо подробно остановиться на указанном вопросе, рассмотрев его с позиции наличия равенства в парах: участник — корпорация и участник — участник.

Модель «участник — корпорация». Полагаем, что само по себе различие объема прав и обязанностей участников правоотношений не означает их неравенства. Так, по мнению Е.В. Вавилина, однозначным отличительным признаком гражданско-правового метода является недопустимость наделения «одного из участников гражданских правоотношений властными полномочиями в отношении другого»¹¹. В свою очередь О.В. Гутников, характеризуя уже корпоративные правоотношения, приходит к выводу, что в подобных правоотношениях «один субъект полностью подчиняет или формирует волю другого субъекта, находясь с ним в неравном положении»¹², следовательно, правоотношения носят властный характер, тем или иным образом связанный с подавлением воли обязанного лица.

Исследователи в области корпоративного права наиболее известное описание процесса подавления

¹ Вавилин Е.В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 11.

² Кущенко А.А. Корпоративные отношения как предмет правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 51.

³ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М. : Статут, 2006. С. 97–98.

⁴ Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве. М. : Статут, 2017. С. 26.

⁵ Кулик А.А. Корпоративные права в системе гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

⁶ Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М. : Статут, 2013. С. 324.

⁷ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. С. 52.

⁸ Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. М. : Юридическая фирма Контракт, 2019. С. 143.

⁹ Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал высшей школы экономики, 2019. № 4. С. 9.

¹⁰ Корпоративное право : учеб. курс : в 2 т. Т. 1 / под ред. И.С. Шиткиной. М. : Статут, 2017. С. 78.

¹¹ Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2016. С. 305.

¹² Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве. С. 9.

ния воли корпорации связывают с голосованием на общем собрании участников. Так, А.Б. Бабаев заключает, что «одним из основных прав акционера является право участия в формировании воли общества»¹³. Таким образом, управленческое корпоративное правоотношение не просто характеризуется как отношение господства и подчинения, а прямо связывается с последствием реализации правоотношения — подавлением (созданием, подчинением) воли обязанной стороны.

Положения абз. 1 п. 2 ст. 1 ГК РФ позволяют выделить две возможные сферы проявления указанного господства и (или) подавления воли, а именно: при приобретении прав и при осуществлении прав¹⁴.

Приобретение корпоративного права управления связано с установлением управленческого корпоративного правоотношения. Установление указанного правоотношения, к примеру при созыве внеочередного общего собрания акционеров, реализуется посредством осуществления зафиксированной в нормах права юридической возможности. Подобное субправомочие принадлежит как определенной группе участников, так и, к примеру, совету директоров (ч. 1 ст. 55 Федерального закона «Об акционерных обществах»¹⁵). Следовательно, установление управленческого корпоративного правоотношения, посредством реализации имеющейся возможности органом корпорации, действующим от имени самой корпорации, *de jure* является действием самой корпорации, осуществляемым своей волей и в своем интересе. Таким образом, утверждать о подавлении воли при приобретении корпоративных прав не представляется возможным.

В то же время осуществление корпоративного права управления и исполнение корреспондирующей обязанности представляют собой возможность выбора определенных юридических операций (действий), включенных в процедурную стадию, как осуществления корпоративного права, так и исполнения корпоративной обязанности, позволяющих сформировать конкретную модель поведения. Возможность выбора необходимых и достаточных юридических операций (действий) присутствует как у управомоченной, так и у обязанной стороны.

Динамика корпоративного правоотношения представляет собой смену стадий процедуры осуществления корпоративного права и исполнения корпоративной обязанности. В этой связи реализация совокупности юридических операций (действий) управомоченной стороной сама по себе не влечет получение блага, поскольку для его достижения необходима и реализация юридических операций (действий) обязанной стороной, при этом уже завершение процедурной стадии непосредственного исполнения обязанности предопределяет возможность фактического получения блага управомоченным лицом. К примеру, реализация такой юридической операции (действия), как голосование на общем собрании участников хозяйственного обще-

ства, не влечет возникновение блага — корпоративного акта; только совокупность юридических операций, среди которых подсчет голосов, составление протокола и отчета об итогах голосования и т.д., влечет смену процедурной стадии осуществления корпоративного права на стадию фактического получения блага.

Вместе с тем юридические операции (действия) — это всегда именно волевые действия, осуществляемые на основе собственных решений и плана (или его подобия), что подмечается, к примеру, О.М. Родионовой¹⁶. Следовательно, корпорация, реализуя юридические операции (действия), осуществляет волевою деятельность, направленную на динамику правоотношения. Допустимо ли в подобном случае утверждать о навязанности участником воли корпорации в результате реализации управленческого корпоративного правоотношения? Представляется, что недопустимо.

Все же отметим, что баланс прав и обязанностей субъектов выстроен таким образом, что обязанное лицо — корпорация реализует именно возможности, предоставленные для исполнения обязанности, в то время как управомоченное лицо реализует возможности для осуществления права.

Модель «участник — участник». Возможно предположить установление отношений господства и подчинения между участником, проголосовавшим «против» принятия корпоративного акта, при большинстве голосов, отданных «за», с принятием общим собранием соответствующего решения. На указанный случай обращает внимание И.С. Шиткина и иные исследователи¹⁷.

Осуществление корпоративного права управления управомоченным лицом направлено на получение блага. В свою очередь, механизм процедурной стадии осуществления корпоративного права включает в себя не только юридические операции, т.е. действия, но и события, т.е. такие обстоятельства, которые не зависят от воли управомоченного субъекта. В этой связи голосование иных участников корпорации не входит в конкретное управленческое корпоративное правоотношение между управомоченным лицом и корпорацией, а также не зависит от воли управомоченного лица, ввиду чего может быть обозначено в качестве события.

Так, Е.В. Васьковский производит дифференциацию юридических фактов: в зависимости от воли заинтересованных лиц либо вне зависимости от нее¹⁸. А уже современной цивилистике знакома категория относительного события, т.е. такого события, которое «не зависит от воли субъектов правоотношения, но наступает в связи с действием человека (третьего лица)»¹⁹.

Реализация юридических операций (действий) по голосованию каждым участником не направлена на оказание влияния и (или) подчинение другого

¹³ Бабаев А.Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 20.

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5053.

¹⁵ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5182.

¹⁶ Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования: деятельно-догматический подход. М.: Статут, 2020. С. 128.

¹⁷ Шиткина И.С. Корпоративное право в таблицах и схемах. М.: Юстицинформ, 2016. С. 29; Мамагшишвили В.З. Преобладающий метод правового регулирования // Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве: сборник статей. М.: Статут, 2017. С. 17–18.

¹⁸ Васьковский Е.В. Учебник гражданского права: Введение и общая часть. Вып. 1. СПб.: Н.К. Мартынов, 1894. С. 98–99.

¹⁹ Ячменев Ю.В. Доктрина юридических фактов: проблемы отраслевого подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 78–79.

участника своей воле. Юридические операции (действия) каждого участника встроены в собственную процедуру осуществления корпоративного права, фактический результат которой достигается в большей степени собственными действиями, т.е. операциями, однако с учетом иных обстоятельств.

Заметим, что модель «участник — участник» не включена в какое-либо корпоративное правоотношение и рассматривается в настоящем исследовании как умозрительное соотношение осуществляемых корпоративных прав каждым участником в собственных правоотношениях.

Проведенное исследование позволяет утверждать о наличии принципа-метода равенства осуществления корпоративных прав, заключающегося в установлении единой процедуры осуществления корпоративных прав, которая позволяет управомоченным субъектам формировать собственные тактики достижения цели.

Позволим себе обратить внимание на два аспекта, существенных для понимания указанного принципа-метода осуществления корпоративного права.

1. Так, В.Ф. Яковлев отмечает, что «равенство исходного правового положения субъектов... выражается в том, что все участники гражданских правоотношений наделяются... мерой социальных возможностей в сфере применения права»²⁰.

В указанном случае прослеживается взаимосвязь принципа-метода равенства корпоративного права и указанного принципа-метода осуществления корпоративного права. Поскольку вторая категория производна от первой, необходимо обоснование применения принципа-метода равенства корпоративного права к регулируемой сфере. Одним из возможных способов решения обозначенного вопроса могло бы стать указание на наличие пропорционального равенства. Так, В.В. Лапаева, обосновывая необходимость наличия преимуществ у более сильных, указывает, что они «носят правовой характер лишь в той мере, в какой они являются компенсацией либо их личных усилий, затраченных на получение выдающегося результата... либо уязвимости их социально значимого статуса... (дополняя, что. — А.К.) ... тот же механизм правовой компенсации действует и в отношении наиболее слабых членов общества»²¹.

Таким образом, как в основе защиты слабой стороны (миноритарного участника), так и в основе защиты сильной стороны (мажоритарного участника) лежит один и тот же механизм. Следовательно, если компенсаторный механизм защиты слабой стороны корпоративного правоотношения успешно функционирует, то природа компенсаторного механизма, пропорционально большего объема возможностей сильной стороны, не кажется столь не свойственной для гражданского права.

2. Принцип-метод равенства осуществления корпоративных прав всегда имеет второстепенное значение (принцип второго уровня). Представляется необходимым констатировать наличие целеполагающих принципов, которые находят свое отражение в принципах-методах прав. Значение принципов-методов в большей степени выражается в конкре-

тизации целеполагающих принципов и в меньшей степени в отражении черт метода гражданско-правового регулирования, поскольку иной подход делает нецелесообразным иерархичность указанной системы принципов.

При этом эффективность единой процедуры осуществления корпоративных прав, в том числе вариативность тактик осуществления прав, определяется с позиции гарантированности фактического получения блага при осуществлении корпоративных прав и эффективности всего механизма регулирования корпоративных отношений.

Поскольку система принципов-методов осуществления корпоративных прав изначально мыслится в качестве взаимопроникающей, включение принципа-метода равенства в совокупности с иными принципами-методами корпоративных прав, такими как диспозитивности, инициативности, добросовестности и проч., позволяет «разносторонне характеризовать процесс осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей, максимально вскрывать, обнаруживать суть этих институтов, создавать их искомую идеальную модель»²².

Литература

1. Бабаев А.Б. Проблема вторичных прав в российской цивилистике : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Б. Бабаев. Москва : 2006. 22 с.
2. Вавилин Е.В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : автореферат диссертации доктора юридических наук / Е.В. Вавилин. Москва, 2009. 54 с.
3. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Е.В. Вавилин. Москва : Статут, 2016. 416 с.
4. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. 1—2. Вып. 1. Введение и общая часть / Е.В. Васильковский. Санкт-Петербург : Н.К. Мартынов, 1894. 176 с.
5. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве / О.В. Гутников. Москва : Юридическая фирма Контракт, 2019. 499 с.
6. Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве / О.В. Гутников // Право. Журнал высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 4—30.
7. Корпоративное право. В 2 томах. Т. 1 : учебный курс : учебник для студентов / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов [и др.] ; ответственный редактор И.С. Шиткина. Москва : Статут, 2017. 976 с.
8. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве / А.А. Кузнецов. Москва : Статут, 2017. 160 с.
9. Кулик А.А. Корпоративные права в системе гражданских прав : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.А. Кулик. Москва, 2009. 35 с.
10. Кущенко А.А. Корпоративные отношения как предмет правового регулирования : диссертация кандидата юридических наук / А.А. Кущенко. Саратов, 2014. 179 с.
11. Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства / В.В. Лапаева // Журнал российского права, 2008. № 2. С. 67—80.

²⁰ Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 42.

²¹ Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 75.

²² Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / М. : Статут, 2016. С. 239.

12. Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений / Ю.Г. Лескова. Москва : Статут, 2013. 384 с.

13. Мамагеишвили В.З. Преобладающий метод правового регулирования / В.З. Мамагеишвили // Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве : сборник статей / ответственный редактор И.С. Шиткина. Москва : Статут, 2017. 192 с.

14. Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования: деятельно-догматический подход / О.М. Родионова. Москва : Статут, 2020. 436 с.

15. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. Москва : Статут, 2014. С. 460 с.

16. Шиткина И.С. Корпоративное право в таблицах и схемах / И.С. Шиткина. Москва : Юстицинформ, 2016. 556 с.

17. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. Москва : Статут, 2006. 240 с.

18. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики) / В.Ф. Яковлев. Москва : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. 224 с.

19. Ячменев Ю.В. Доктрина юридических фактов: проблемы отраслевого подхода / Ю.В. Ячменев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 75–80.

References

1. Babaev A.B. Problema sekundarny'kh prav v rossiyskoy tsivilistike : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Problem of Secondary Rights in the Russian Civil Law Science : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.B. Babaev. Moskva — Moscow, 2006. 22 s.

2. Vavilin E.V. Mekhanizm osuschestvleniya grazhdanskikh prav i ispolneniya obyazannostey : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [The Mechanism of Exercising Civil Rights and Discharge of Obligations : author's abstract of thesis of LL.D.] / E.V. Vavilin. Moskva — Moscow, 2009. 54 s.

3. Vavilin E.V. Osuschestvlenie i zaschita grazhdanskikh prav [Exercising and Protection of Civil Rights] / E.V. Vavilin. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2016. 416 s.

4. Vaskovsky E.V. Uchebnik grazhdanskogo prava. Vy'p. 1–2. Vy'p. 1. Vvedenie i obschaya chast [A Textbook of Civil Law. Issue 1–2. Issue 1. The Introduction and the General Part] / E.V. Vaskovsky. Sankt-Peterburg : N.K. Marty'nov — Saint Petersburg : N.K. Martynov, 1894. 176 s.

5. Gutnikov O.V. Korporativnaya otvetstvennost v grazhdanskom prave [The Corporate Liability in Civil Law] / O.V. Gutnikov. Moskva : Yuridicheskaya firma Kontrakt — Moscow : Contract law firm, 2019. 499 s.

6. Gutnikov O.V. Osnovaniya razrabotki kategorii korporativnoy otvetstvennosti v grazhdanskom prave [Grounds for the Development of the Corporate Liability Category in Civil Law] / O.V. Gutnikov // Pravo. Zhurnal vy'sshey shkoly' ekonomiki — Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 4. S. 4–30.

7. Korporativnoe pravo. V 2 tomakh. T. 1 : uchebny'y kurs : uchebnik dlya studentov [Corporate Law. In 2 volumes. Vol. 1 : academic course : textbook for students] /

E.G. Afanasyeva, V.A. Vaypan, A.V. Gabov [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor I.S. Shitkina. Moskva : Statut — E.G. Afanasyeva, V.A. Vaypan, A.V. Gabov [et al.] ; publishing editor I.S. Shitkina. Moscow : Statute, 2017. 976 s.

8. Kuznetsov A.A. Predely' avtonomii voli v korporativnom prave [Limits of the Autonomy of Will in Corporate Law] / A.A. Kuznetsov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2017. 160 s.

9. Kulik A.A. Korporativny'e prava v sisteme grazhdanskikh prav : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Corporate Rights in the System of Civil Rights : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.A. Kulik. Moskva — Moscow, 2009. 35 s.

10. Kuschenko A.A. Korporativny'e otnosheniya kak predmet pravovogo regulirovaniya : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Corporate Relations as a Legal Regulation Subject : thesis of PhD (Law)] / A.A. Kuschenko. Saratov — Saratov, 2014. 179 s.

11. Lapaeva V.V. Pravovoy printsip formalnogo ravenstva [The Legal Principle of Formal Equality] / V.V. Lapaeva // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal, 2008. № 2. S. 67–80.

12. Leskova Yu.G. Kontseptualny'e i pravovy'e osnovy' samoregulirovaniya predprinimatelskikh otnosheniy [Conceptual and Legal Grounds for Self-Regulation of Entrepreneurial Relations] / Yu.G. Leskova. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2013. 384 s.

13. Mamageishvili V.Z. Preobladayushchiy metod pravovogo regulirovaniya [The Predominant Method of Legal Regulation] / V.Z. Mamageishvili // Sootnoshenie imperativny'kh i dispozitivny'kh nachal v korporativnom prave : sbornik statey / otvetstvenny'y redaktor I.S. Shitkina. Moskva : Statut — Correlation between Imperative and Dispositive Origins in Corporate Law : collection of articles / publishing editor I.S. Shitkina. Moscow : Statute, 2017. 192 s.

14. Rodionova O.M. Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: deyatelno-dogmaticheskiy podkhod [The Civil Law Regulation Mechanism: The Practical and Dogmatic Approach] / O.M. Rodionova. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2020. 436 s.

15. Sukhanov E.A. Sravnitelnoe korporativnoe pravo [Comparative Corporate Law] / E.A. Sukhanov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2014. 460 s.

16. Shitkina I.S. Korporativnoe pravo v tablitsakh i skhemakh [Corporate Law in Tables and Charts] / I.S. Shitkina. Moskva : Yustitsinform — Moscow : Justice Inform, 2016. 556 s.

17. Yakovlev V.F. Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obschestvenny'kh otnosheniy [The Civil Law Method of Regulation of Social Relations] / V.F. Yakovlev. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2006. 240 s.

18. Yakovlev V.F. Rossiya: ekonomika, grazhdanskoe pravo (voprosy' teorii i praktiki) [Russia: Economy, Civil Law (Issues of the Theory and Practice)] / V.F. Yakovlev. Moskva : RITS ISPI RAN — Moscow : Editorial and Publishing Center of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000. 224 s.

19. Yachmenev Yu.V. Doktrina yuridicheskikh faktov: problemy' otraslevogo podkhoda [The Legal Fact Doctrine: Problems of the Industry-Specific Approach] / Yu.V. Yachmenev // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 2012. № 1. S. 75–80.

Бойцовские собаки в контексте применения статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации

Антонов Александр Альбертович

преподаватель кафедры Владикавказского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
адвокат Адвокатской палаты Республики Северная Осетия — Алания

alex.usti@mail.ru

В настоящее время часто возникает вопрос об отнесении отдельных пород собак к источникам повышенной опасности, а деятельности по их использованию в качестве имущества — к деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих.

Перечень источников повышенной опасности в ст. 1079 Гражданского кодекса РФ¹ не содержит упоминания о природных биологических объектах как источниках повышенной опасности. Однако судебная практика часто складывается таким образом, что, исходя из установленных доказательств дела, суды зачастую относят собак бойцовских пород к источникам повышенной опасности, например алабай, бультерьер, английский мастиф и др., в соответствии с нормами действующего законодательства по аналогии.

Данный вопрос имеет важное юридическое значение, так как факт наличия вины в действиях собственника источника повышенной опасности, в частности, в спорах по возмещению вреда, причиненного животными, судами презюмируется.

Как показывает судебная практика, отсутствие ясных критериев вновь созданных объектов повышенной опасности создает сложность для квалификации судами факта совершенного правонарушения и вынесения решения о возмещении материального и морального вреда.

Нельзя согласиться с некоторыми учеными, что включение в перечень источников повышенной опасности отдельных видов животных нецелесообразно, так как при рассмотрении дела о причинении вреда животным, которое включено в этот перечень, виновные будут изначально установлены, а это нарушает принципы гражданского процессуального законодательства².

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»³ суды обязаны установить наличие факта причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, сопутствующие обстоятельства, сумму компенсации и иные обстоятельства, необходимые для вынесения решения по конкретному спору.

В связи с принятием Федерального закона «Об ответственном обращении с животными»⁴ в за-

конодательство введен термин «потенциально опасные собаки». В норме закона указаны собаки, представляющие потенциальную опасность для жизни и здоровья человека и внесенные Правительством РФ перечень потенциально опасных собак.

Постановлением Правительства РФ утверждён список потенциально опасных пород собак, который с 1 января 2020 г. запрещено выгуливать без намордника и поводка за пределами огороженной территории. В список включены 12 наиболее опасных пород собак и их метисов, которые обладают генетически определенным фактором агрессии и неподконтрольностью, например собаки, используемые для травли.

Разумеется, в самой ст. 1079 ГК РФ перечен потенциально опасных собак, как и впрямь, фигурировать не будет. Однако, как показывает практика, стороны будут ссылаться на данное Постановление Правительства РФ, а суды будут применять его нормы в контексте применения ст. 1064 ГК РФ, что не позволяет возместить вред окружающим в полном объеме. Указанный факт подтверждается тем, что многие суды создали аналогичную практику, несмотря на отсутствие нормативной базы.

Таким образом, отсутствие изменений в ст. 1079 ГК РФ позволяет сказать, что постановление Правительства РФ о перечне потенциально опасных пород собак создаст неоднозначность судебной практики по назначению виновных лиц в спорах о возмещении вреда, причиненного животным.

Исходя из того, что данная норма не содержит исчерпывающего перечня источников повышенной опасности, суд, принимая во внимание квалифицирующие признаки объектов процесса деятельности, вправе признать источником повышенной опасности иную деятельность, не указанную в законе.

Таким образом, можно говорить о двух характерных признаках деятельности, создающих повышенную опасность для окружающих: вредоносность как качественная характеристика деятельности; невозможность осуществления полного контроля над нею, что справедливо отмечается и в юридической литературе.

Некоторые авторы отмечают, что, в случае если владелец не осуществляет деятельности, связанной использованием определенных объектов, т.е. имеет место самопроизвольное воздействие предметов, являющихся источниками повышенной опасности, то в таких случаях владелец не может быть делинквентом, обязанным к возмещению вреда⁵.

По нашему мнению, данная позиция имеет непосредственное отношение к случаям причинения вреда дикими животными и не в полной мере состоятельна

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

² Иванова Ю.В. России нужен цивилизованный федеральный закон о животных (интервью с Д.Б. Гороховым) // Адвокат. 2015. № 9. С. 18–30.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1995. № 3.

⁴ Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об ответственном обращении с животными и

о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 842.

⁵ Шишкин С.К. Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Теория и практика. М.: Ось-89, 2007. С. 19.

Профессор А.М. Белякова считает, что перечень источников повышенной опасности может быть дополнен дикими животными.

По ее мнению, опасность диких и домашних животных несоизмерима, так как причисление диких животных к источникам повышенной опасности основано на историческом опыте⁶.

Другие ученые считают, что животных необходимо содержать в особых условиях, и при надлежащем контроле они не смогут причинить вред окружающим⁷.

На наш взгляд, деятельность владельца домашних животных по их содержанию как источника повышенной опасности требует специальной регламентации, так как случаи причинения вреда животными часто являются следствием человеческого фактора, т.е. неосмотрительности, небрежности, невнимательности, умысла и т.п. При вынесении судом решения о возмещении ущерба владельцем животного, причинившего вред окружающим, необходимо учитывать такие естественные признаки животных, как агрессивность, неподконтрольность и др.

Как показывает правоприменительная практика, до сих пор не действуют уже принятые нормы, регулирующие отношения между владельцем собаки и лицами, которым причинен вред источником повышенной опасности. В связи с этим законодателью необходимо ввести обязательное имущественное страхование ответственности владельцев собак за вред, причиненный источником повышенной опасности окружающим.

Для восстановления законных прав и интересов граждан в случае причинения им вреда животными необходимо применить судебную защиту, которая позволит реализовать право на возмещение ущерба — материального и морального — с применением норм гражданского законодательства.

В настоящее время участились случаи нападения собак бойцовских пород на окружающих вследствие отсутствия должного контроля за ними.

По данным Роспотребнадзора, в 2019 г. к медикам обратились более 385 тыс. человек, около 30% из них — дети, пострадавших от вреда, причиненного животными, в том числе бешеными собаками — 27%⁸.

Поэтому необходимо обратить особое внимание на агрессивные и опасные для человека породы собак, введя для них особый режим содержания.

По нашему мнению, породы собак, указанных в перечне Правительства РФ, подлежат обязательной регистрации в общей электронной базе данных домашних животных с выдачей регистрационного удостоверения устоявленного образца.

Рассмотрим опыт некоторых зарубежных стран, в которых действуют общие и специальные законы об агрессивных породах собак.

В частности, в законодательстве Германии для собственников агрессивных пород собак установлены ряд ограничений: иметь разрешение на владение собакой, содержание «бойцовых собак», как правило, запрещено, необходимо платить налог, страховать животных и т.д.

⁶ Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда: Теория и практика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 115.

⁷ Коняев Н.И. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда источником повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 4–5.

⁸ Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/activities/statistical-materials/>

В Гражданском кодексе Республики Армения закреплены специальные нормы, регулирующие особенности возмещения вреда, причиненного животными. В соответствии со ст. 1071.2 ГК Армении обязанность по возмещению вреда, причиненного животным, несет собственник этого животного⁹. В случае причинения вреда животным, переданным собственником третьим лицам во владение или пользование или для содержания, владелец источника повышенной опасности освобождается от ответственности. Собственник животного, возместивший вред, причиненный окружающим, имеет право обратного требования к лицу, по вине которого причинен вред, в размере выданного им возмещения.

В Гражданском кодексе Узбекистана закреплено, что за вред, причиненный домашним животным, ответственность несет собственник животного¹⁰.

В законодательстве Франции собственник животного является ответственным за ущерб, причиненный животным, как находившимся под присмотром владельца, так и в том случае, если оно заблудилось или убежало.

Необходимо отметить, что вопрос о признании домашнего животного в качестве источника повышенной опасности до сих пор не нашел правового отражения не только в Гражданском кодексе РФ, но и в законодательстве многих зарубежных государств. Поэтому в судебной практике возникает трудность привлечения к ответственности собственников бойцовских собак за вред, причиненный источником повышенной опасности.

Сложность судебных дел в России с участием владельца собаки заключается в возникновении спора относительно принадлежности собаки. Пытаясь избежать ответственности, они утверждают, что потерпевшему причинен вред собакой, не принадлежащей ответчику, представляя в качестве доказательства либо другую фотографию из ветеринарного паспорта домашнего животного, либо вовсе без доказательства.

Как показывает практика, суды, исследуя обстоятельства дела, устанавливают собственника источника повышенной опасности, опираясь на показания свидетелей, а также на материалы административных проверок, проведенных должностными лицами органов государственной власти.

При этом, если результат административного расследования о принадлежности собаки отсутствует, суд принимает решение о недоказанности принадлежности собаки ответчику. Для устранения подобной судебной коллизии необходимо обязать владельца собаки чипировать своего подопечного, так как в микрочип вносятся данные о хозяине собаки.

Как показывает практика, решение суда об административной ответственности лица часто позволяет гражданским судам трактовать как доказательство виновности владельца животного, и к ответчику применяется возмещение материального и морального вреда в соответствии с гражданским законодательством. Однако освобождение лица от административной ответственности не может рассматриваться судом как факт невиновности ответчика в причинении вреда.

Сложность в вопросе оценки некоторых доказательств принадлежности бойцовской собаки

⁹ Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 (в ред. 11.06.2020). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2998 (дата обращения: 12.07.2020).

¹⁰ Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть вторая) от 29 августа 1996 г. № 256-1 (в ред. от 06.03.2019). URL: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_grajd (дата обращения: 12.07.2020).

к источнику повышенной опасности отражается на последовательной позиции судов.

В теории возникает вопрос о степени ответственности владельца животного и лица, непосредственно присматривающего за ним. На практике суды справедливо возлагают ответственность на собственника, так как лицо обязано обеспечить эффективный контроль за поведением собаки в соответствии с установленными административными правилами содержания животного.

Помимо этого, считаем возможным введение обязательного лицензирования деятельности по содержанию, разведению и продаже отдельных видов домашних животных, которые по своим биологическим свойствам могут содержать признаки источника повышенной опасности.

Следует отметить, что в ст. 1079 ГК РФ установлен открытый перечень источников повышенной опасности. Внесение в указанный перечень ряда новых источников повышенной опасности, например таких, как бойцовские собаки, позволит судам правильно квалифицировать факт совершенного правонарушения источником повышенной опасности и вопрос возмещения ущерба за причиненный материальный и моральный вред.

Литература

1. Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда: теория и практика / А.М. Белякова. Москва : Издательство Московского университета, 1986. 149 с.
2. Иванова Ю.В. России нужен цивилизованный федеральный закон о животных (интервью с Д.Б. Гороховым) / Ю.В. Иванова // Адвокат. 2015. № 9. С. 18–30.

3. Коняев Н.И. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда источником повышенной опасности : автореферат кандидата юридических наук / Н.И. Коняев. Москва, 1966. 16 с.

4. Шишкин С.К. Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Теория и практика / С.К. Шишкин. Москва : Ось-89, 2007. 160 с.

References

1. Belyakova A.M. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost za prichinenie vreda: teoriya i praktika [The Civil Liability for Caused Damage: The Theory and Practice] / A.M. Belyakova. Moskva : Izdatelstvo Moskovskogo universiteta — Moscow : Publishing house of the Moscow University, 1986. 149 s.
2. Ivanova Yu.V. Rossii nuzhen tsivilizovannyi federalnyy zakon o zhivotnykh (intervyu s D.B. Gorokhovym) [Russia Needs a Civilized Federal Law on Animals (an Interview with D.B. Gorokhov)] / Yu.V. Ivanova // Advokat — Attorney. 2015. № 9. S. 18–30.
3. Konyaev N.I. Obyazatelstva, vznikayushchie v sledstvie prichineniya vreda istochnikom povyshennoy opasnosti : avtoreferat kandidata yuridicheskikh nauk [Obligations Arising as a Result of Damage Caused by Source of Increased Danger : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / N.I. Konyaev. Moskva — Moscow, 1966. 16 s.
4. Shishkin S.K. Otvetstvennost za vred, prichinennyy deyatelnostyu, sozdayuschey povyshennuyu opasnost dlya okruzhayuschikh. Teoriya i praktika [The Liability for Damage Caused by Activities Posing Increased Danger for the Wider Public. The Theory and Practice] / S.K. Shishkin. Moskva : Os-89 — Moscow : Axis-89, 2007. 160 s.

DOI: 10.18572/2070-2140-2022-4-36-39

Грани межотраслевого взаимодействия гражданское и уголовное право

Гивель Лариса Евгеньевна

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
кандидат юридических наук, капитан юстиции
larisagivel@mail.ru

36

Гражданское право, регулируя экономические (имущественные) отношения, оказывает существенное влияние на право уголовное. Обусловлено это следующим. Гражданское право решает задачу правового регулирования нормального, правомерного течения экономических отношений. Центральное место среди общественных отношений, составляющих предмет гражданского права, занимают отношения, связанные с приобретением и осуществлением права собственности и иных вещных прав на имущество (отношения статики), а также отношения по переходу имущества от одного субъекта гражданского права к другому, выраженные в договорах и иных сделках (отношения динамики). Взаимосвязь и созависимость этих отраслей права признавал еще Г.Ф. Шершеневич, отмечая, что «уголовные законы видоизменяются

применительно к перестановке экономических интересов»¹.

Такое взаимодействие, проистекающее из единства системы права, порождает необходимость научного осмысления и решения возникающих практических проблем. В случае правомерного, соответствующего требованиям закона течения гражданского оборота общественные отношения существуют и развиваются в русле гражданского права, не требуя как правило, вмешательства иных отраслей права. Однако это утверждение не абсолютно: межотраслевое взаимодействие возможно и в этом случае

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 2. М., 1910. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/3943993/paragraph/3309/doclist/21173/showentries/0/highlight/201910:3> (дата обращения: 04.02.2021).

Примером, в частности, является наличие административного акта в юридическом составе, необходимым для возникновения субъективного гражданского права. Так, исходя из ст. 131 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ)² возникновение права собственности и иных вещных прав, а также их изменение и прекращение подлежат государственной регистрации. Исходя из ст. 223 ГК РФ право собственности у приобретателя по договору, при котором отчуждение имущества подлежит государственной регистрации, возникает с момента такой регистрации. Осуществление государственной регистрации регламентировано Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»³, который, исходя из п. 3 ст. 1, считает регистрацию прав на недвижимость юридическим актом, удостоверяющим признание и подтверждение факта возникновения или дальнейшей динамики (обременение, прекращение, изменение) права субъекта гражданского права на недвижимость. Сама по себе государственная регистрация недвижимости является административным актом, который в совокупности с соответствующей гражданско-правовой сделкой составляет юридический состав для возникновения, изменения или прекращения прав на недвижимое имущество. Способность административного акта выступать основанием возникновения гражданских прав обусловлена упоминанием его в ст. 8 ГК РФ в числе оснований возникновения гражданских прав и обязанностей.

Некоторые группы неимущественных отношений также регулируются как частным, так и публичным правом⁴, к примеру в сфере патентного права.

На случай неправомерного поведения, выраженного в гражданском правонарушении, законодательством предусмотрен механизм гражданско-правовой ответственности. Однако зачастую специфика и последствия правонарушения таковы, что гражданско-правовой ответственности недостаточно. И в этом случае законодателем также предусмотрен механизм межотраслевого взаимодействия, который предусматривает обращение к отрасли права, устанавливающей наиболее суровое наказание за правонарушение, — к уголовному праву. Как справедливо отмечал В.П. Грибанов, гражданско-правовая ответственность не единственное, а лишь одно из средств защиты гражданских прав и воздействия на нарушителей обязанностей⁵. Вопрос о разграничении гражданско-правового и уголовного правонарушений имеет давнюю историю, так как осмысление соотношения правонарушений различной отраслевой принадлежности представляет не только научный, но и серьезный практический интерес⁶.

В свете современного гражданского и уголовного законодательства этот вопрос достоин специального исследования как минимум благодаря ч. 5

ст. 159 Уголовного кодекса РФ⁷. Данная норма предполагает ответственность за мошенничество особого типа, выраженное в неисполнении договорных обязательств в предпринимательской деятельности, при условии наличия значительного ущерба. В данном случае, по мнению законодателя, нарушение частных интересов представляется настолько серьезным, что для их защиты предусмотрен карательный публично-правовой механизм. Таким образом, достижение баланса частных и публичных интересов реализуется не только в рамках отрасли гражданского права, как установлено Е.А. Сухановым⁸, но и с помощью межотраслевого взаимодействия.

Обратимся к специфике правонарушений, предусматривающих межотраслевое взаимодействие гражданского и уголовного права. В зависимости от вида объектов правоотношений (материальные и нематериальные блага) таких групп можно выделить две.

К первой группе отнесем правонарушения, связанные с нарушением имущественных гражданских прав, возникших по поводу материальных благ. Так, если имущество оказалась во владении лица в результате сделки с субъектом, который не имел права его отчуждать, гражданское законодательство предусматривает возможность истребования имущества из чужого незаконного владения. Кроме того, предусмотрен механизм возврата управомоченному лицу имущества, полученного без установленных законом или сделкой оснований, которое признается неосновательным обогащением. В обоих из перечисленных случаев восстанавливаются права лиц на утраченное из их имущественной сферы имущество. Однако лишение субъекта права на имущество может быть произведено в насильственной форме либо путем умышленного обмана или злоупотребления доверием. И в этом случае реакция на правонарушение со стороны государства предусматривает, помимо восстановительной задачи, карательную, решение которой невозможно без обращения к уголовному праву. Невозможность наказания виновного лица только гражданско-правовыми средствами объясняется тем, что меры гражданско-правовой ответственности имеют своей целью прежде всего восстановление имущественной сферы пострадавшей стороны. И сами меры гражданско-правовой ответственности в современном гражданском праве носят имущественный характер и не направлены на личность правонарушителя.

Вторая группа — это правонарушения, связанные с нематериальными благами. Гражданское право специфически регулирует эти отношения: в соответствии с п. 2 ст. 2 ГК РФ неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ. Гражданский кодекс РФ устанавливает защиту как особый вид правового воздействия на такие объекты. Центральным гражданско-правовым институтом, предопределяющим межотраслевое взаимодействие с уголовным правом, является институт морального вреда (ст. 151 ГК РФ). Основанием компенсации

² СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

³ СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

⁴ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 40.

⁵ Грибанов В.А. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М. : Статут, 2020. С. 301.

⁶ Об историческом развитии взглядов на соотношение гражданского и уголовного правонарушения см., например: Александрова В.В. Преступление и гражданское правонарушение: теории разграничения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2017. № 4. С. 87–98.

⁷ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸ О балансе частных и публичных интересов в гражданском праве см.: Суханов Е.А. Гражданский кодекс в поиске баланса частных и публичных интересов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2019. № 6. С. 3–12.

морального вреда являются физические и нравственные страдания, обусловленные действиями, нарушающими личные нематериальные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага. Исходя из установленного Гражданским кодексом РФ перечня нематериальных благ основанием для компенсации морального вреда являются посягательства на жизнь, здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личную и семейную тайну, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, являющиеся неотчуждаемыми.

Таким образом, гражданско-правовые нормы о нематериальных благах предопределяют межотраслевое взаимодействие с уголовным правом, давая основание для компенсации морального вреда в связи с посягающими на перечисленные нематериальные блага преступлениями. Более того, уголовное законодательство поощряет добровольную компенсацию морального вреда, относя ее к обстоятельствам, смягчающим наказание (ст. 61 УК РФ). Примечательно, конечно, формулировка п. «к» ст. 61 УК РФ, которая вместо термина «компенсация» использует термин «возмещение» морального вреда. Гражданское законодательство здесь представляется более точным, так как термин «возмещение» применяется только к имущественному вреду, который можно измерить, оценить и возместить. Вред же нематериальным благам ввиду их специфики не подлежит однозначному измерению и оценке, а значит, не может быть полностью возмещен, а может быть лишь компенсирован. И то вопрос о степени такой компенсации остается открытым еще и потому, что представляется сомнительной принципиальная возможность полностью компенсировать вред от потери, к примеру, здоровья.

В гражданско-правовых нормах о моральном вреде есть и другой нюанс: ст. 151 ГК РФ связывает наличие морального вреда исключительно с действиями, посягающими на нематериальные блага субъекта. Однако такой вред может быть причинен и преступным бездействием (халатностью). На первый взгляд может показаться, что гражданское законодательство не учло вариант бездействия как основания компенсации морального вреда, усложнив таким образом возможности компенсации морального вреда преступлениями в форме бездействия. Однако это не так: Гражданский кодекс РФ прямо предусматривает, что помимо обозначенного перечня компенсация морального вреда возможна и в других случаях, установленных законом, что и имеет место, когда ст. 61 УК РФ допускает компенсацию морального вреда, причиненного любым преступлением.

Гражданско-правовые нормы о защите нематериальных благ применяются и в случаях процессуальных нарушений. Так, согласно п. 8 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2017 г.⁹, компенсация морального вреда возможна и в случае проведения незаконного следственного действия, например обыска.

Помимо классификации правонарушений, допускающих межотраслевое взаимодействие гражданского и уголовного права, могут быть выделены и виды такого взаимодействия в зависимости от характера взаимосвязи гражданского и уголовного законодательства.

По указанному критерию межотраслевое взаимодействие гражданского и уголовного права может быть разделено на два вида: непосредственное и опосредованное.

При непосредственном взаимодействии диспозиция нормы Уголовного кодекса РФ с определенностью предполагает обращение к гражданскому законодательству. Зачастую это имеет место тогда, когда одно и то же благо защищается и в гражданско-правовом, и в уголовно-правовом порядке: имущественное право собственности, нематериальное право авторства и др.

В литературе упоминается непосредственное взаимодействие, в первую очередь применительно к разделу VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики», согласно которому «применительно к сфере гражданско-правовых отношений наиболее распространенным видом преступления является мошенничество»¹⁰.

Однако, помимо указанного вида преступлений, непосредственное взаимодействие гражданского и уголовного права имеет место и в других случаях. Например, ст. 137 УК РФ предусматривает ответственность на нарушение неприкосновенности частной жизни. С точки зрения гражданского законодательства неприкосновенность частной жизни относится к нематериальным благам (ст. 150 ГК РФ), подлежащим защите. Изложенное позволяет сделать вывод о таком характере межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права, при котором обе отрасли права защищают один значимый объект. Однако объем защиты этого объекта в данном случае разный.

Статья 152.2 ГК РФ предусматривает общее правило о запрете сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни лица без его согласия. Исключения составляют случаи, прямо предусмотренные законом. При этом некоторые обстоятельства, относящиеся к частной жизни, Гражданский кодекс РФ раскрывает. К ним относятся сведения о происхождении лица, сведения о месте его пребывания и жительства, а также сведения о личной и семейной жизни. Норма же ст. 137 УК РФ посвящена лишь одной составляющей сведений о частной жизни — личной и семейной тайне. Кроме того, Уголовный кодекс РФ, в отличие от Гражданского кодекса РФ, не предусматривает ответственность за хранение информации о частной жизни лица.

О непосредственном взаимодействии гражданского и уголовного права можно вести речь и применительно к ранее упомянутой ч. 5 ст. 159 УК РФ, которая прямо отсылает и к определению понятия предпринимательской деятельности, и к положениям об обязательствах, их отдельных видах, а также к нормам о гражданско-правовом договоре.

¹⁰ Кузбагаров М.Н., Кузбагарова Е.В. Гражданско-правовые знания, применяемые при расследовании экономических преступлений: необходимость и значимость // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4. С. 118–124.

Сложность непосредственного межотраслевого взаимодействия, предусматривающего разноотраслевую защиту одного и того же блага, состоит в том, что правоприменитель должен решить задачу отраслевой квалификации как правоотношений, так и ответственности.

Следующим видом исследуемого межотраслевого взаимодействия выступает опосредованное взаимодействие гражданского и уголовного права. При таком взаимодействии взаимосвязь гражданского и уголовного законодательства на первый взгляд не очевидна: диспозиция статьи Уголовного кодекса РФ прямого обращения к гражданскому законодательству не предусматривает. Однако на практике расследование таких дел сталкивается с необходимостью оценки значительного массива гражданских правоотношений и адекватного им гражданско-правового регулирования.

Об опосредованном взаимодействии можно говорить, например, в отношении отдельных преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ, в частности ст. 285. Злоупотребление должностными полномочиями на практике зачастую связано с заключением, изменением или прекращением государственных контрактов на поставку товаров, производство работ или оказание услуг вопреки интересам публично-правового субъекта, которые служащий обязан защищать.

Опосредованное взаимодействие с гражданским законодательством предусматривают и другие составы преступлений. В частности, ст. 199 УК РФ предусматривает ответственность за уклонение от уплаты налогов и иных обязательных платежей. Очевидно, что в первую очередь указанный состав преступления предусматривает обращение к налоговому законодательству. Налоговый кодекс РФ¹¹ в ст. 38 к числу объектов налогообложения относит имущество, реализацию товаров (работ, услуг), доход и прибыль. Указанные объекты, в свою очередь, охватываются ст. 128 ГК РФ об объектах гражданских прав. Доход и прибыль могут являться результатом предпринимательской деятельности субъекта гражданского права, а порядок производства работ или оказания услуг регламентирован соответствующими положениями Особенной части Гражданского кодекса РФ. Так, договору возмездного оказания услуг посвящена глава 39 ГК РФ, а подряду — глава 37 ГК РФ. При этом упоминаемые в Налоговом кодексе РФ доход и прибыль могут быть получены и в результате иных гражданско-правовых договоров, а отдельные виды договорных обязательств предполагают и обращение к общим положениям о договоре и о сделках. Решение вопроса о наличии состава налогового преступления невозможно без оценки фактических обстоятельств дела и исследования объектов налогообложения. Следовательно, обращение к гражданскому законодательству при расследовании дел указанной категории неизбежно.

Таким образом, оценка значимости гражданского права в его взаимодействии с правом уголовным может явиться направлением для дальнейших научных изысканий в области межотраслевого взаимодействия. Кроме того, изучение гражданского законодательства в разрезе межотраслевого взаимодействия с уголовным правом может выступить и ориентиром в образовательной деятельности по подготовке

кадров в юридических вузах, особенно для целей службы в органах Следственного комитета РФ.

Литература

1. Александрова В.В. Преступление и гражданское правонарушение: теории разграничения / В.В. Александрова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 4. С. 87–98.
2. Гражданское право. В 4 томах : учебник / В.Ю. Бузанов, А.С. Ворожечин, А.В. Копылов [и др.] ; ответственный редактор Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2019–2020.
3. Грибанов В.А. Осуществление и защита гражданских прав / В.А. Грибанов. 2-е изд. Москва : Статут : Debevoise&Plimpton, 2020. 412 с.
4. Кузбагаров М.Н. Гражданско-правовые знания, применяемые при расследовании экономических преступлений: необходимость и значимость / М.Н. Кузбагаров, Е.В. Кузбагарова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (72). С. 118–124.
5. Суханов Е.А. Гражданский кодекс в поиске баланса частных и публичных интересов / Е.А. Суханов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2019. № 6. С. 3–12.
6. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 4 томах. Т. 2 / Г.Ф. Шершеневич. Москва : издание Бр. Башмаковых, 1910.

References

1. Aleksandrova V.V. Prestuplenie i grazhdanskoe pravonarushenie: teorii razgranicheniya [A Crime and a Civil Offense: Demarcation Theories] / V.V. Aleksandrova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo — Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law. 2017. № 4. S. 87–98.
2. Grazhdanskoe pravo. V 4 tomakh : uchebnik [Civil Law. In 4 volumes : textbook] / V.Yu. Buzanov, A.S. Vorozhevich, A.V. Kopylov [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor E.A. Sukhanov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Statut — V.Yu. Buzanov, A.S. Vorozhevich, A.V. Kopylov [et al.] ; publishing editor E.A. Sukhanov. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow : Statute, 2019–2020.
3. Gribanov V.A. Osuschestvlenie i zaschita grazhdanskikh prav [Exercising and Protection of Civil Rights] / V.A. Gribanov. 2-e izd. Moskva : Statut : Debevoise&Plimpton — 2nd edition. Moscow : Statute : Debevoise&Plimpton, 2020. 412 s.
4. Kuzbagarov M.N. Grazhdansko-pravovye znaniya, primenyaemy'e pri rassledovanii ekonomicheskikh prestupleniy: neobkhodimost i znachimost [Civil Law Knowledge Applied in the Investigation of Economic Crimes: The Need and Importance] / M.N. Kuzbagarov, E.V. Kuzbagarova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 2016. № 4 (72). S. 118–124.
5. Sukhanov E.A. Grazhdanskiy kodeks v poiske balansa chastny'kh i publiczny'kh interesov [The Civil Code in Search of a Balance of Private and Public Interests] / E.A. Sukhanov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo — Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law. 2019. № 6. S. 3–12.
6. Shershenevich G.F. Obschaya teoriya prava. V 4 tomakh. T. 2 [The General Law Theory. In 4 volumes. Vol. 2] / G.F. Shershenevich. Moskva : izdanie Br. Bashmakovy'kh — Moscow : Edition of the Bashmakov brothers, 1910.

¹¹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824. Ч. 1.

Эффективное осуществление права собственности: понятие и обоснование

Ламбаев Жаргал Тумунович,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова,

кандидат юридических наук

lambaev2010@yandex.ru

1. Выражение «эффективность собственности» в России было и сегодня является скорее политическим лозунгом, нежели научной категорией, по крайней мере, категорией правовой науки, в том числе цивилистики.

Об эффективности собственности можно рассуждать с политической и экономической точек зрения, с позиций управления публичной собственностью и т.д. Что же касается цивилистики, то здесь сама постановка этого вопроса на первый взгляд кажется противоречащей идее права частной собственности: собственник сам определяет, как ему осуществлять свои права; объективному праву безразлично, как собственник реализует свои права, эффективно или нет.

Действительно, на первый взгляд может показаться, что идея эффективного собственника противоречит представлениям о праве собственности как наиболее полном из имущественных прав. В связи с этим важно отметить, что принцип эффективного осуществления права собственности не нарушает гарантий прав собственности и механизмов его защиты. Как будет показано в дальнейшем, он выступает лишь механизмом, уравнивающим крайние проявления принципов неприкосновенности и свободы собственности. Иначе говоря, эффективность осуществления права собственности выступает обратной стороной неприкосновенности и свободы собственности.

Предваряя дальнейшее изложение, следует оговориться о двух обстоятельствах. Во-первых, под эффективностью в контексте осуществления права собственности можно понимать рациональное использование как экономических ресурсов вообще (широкое понимание), так и конкретных вещей (узкое понимание). При этом следует оговориться, что эффективность не следует понимать как требование к собственнику достигать максимального экономического результата при минимальных затратах, достигать тех или иных показателей и т.д. Напротив, эффективное осуществление права собственности предполагает рациональное и инициативное поведение собственника, разумность и хозяйственную целесообразность его действий, а также действенность принимаемых им мер. Таким образом, эффективность выступает скорее качественной, нежели количественной характеристикой поведения собственника. Вместе с тем эффективность осуществления права собственности выступает объективной характеристикой поведения собственника, в то время как разумность и добросовестность — субъективной.

Во-вторых, рассуждая об эффективном осуществлении права собственности (равно как об эффективности собственности или эффективности собственника), допустимо именовать рассматриваемые явления в качестве одного из принципов права

собственности наряду с принципами права собственности, в частности с принципом неприкосновенности собственности¹.

Представляется, что в основе правового понимания эффективности собственности лежат этические основания.

Известно, что собственность имеет не только экономическое и правовое, но и философское (этическое) содержание. Свое философское обоснование принцип эффективности собственности может найти в различных философских учениях. Наиболее близки в этом смысле идеи отечественного мыслителя И.А. Ильина, который, отрицая материализм, тем не менее считал частную собственность благом. Она вызывает в человеке инстинктивное побуждение и духовные мотивы для напряженного труда, для того, чтобы не шадить своих сил и творить лучшее. Она развязывает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу и тем укрепляет характер.

Рассуждая о «положительных» сторонах частной собственности, философ не оставил без внимания и ее «отрицательную» сторону. Новые поколения должны воспитываться в убеждении, что частная собственность есть не просто «право», а нравственно обязывающее право. Собственность обязывает каждого к творческому использованию всех ее возможностей; к несению больших общественных тягот и государственных повинностей; к человечному обхождению со всеми, кто так или иначе зависит от вещной власти собственника; к постоянной заботе о хозяйственно беспочвенных людях².

Этика собственности предопределяет в том числе и необходимость эффективного осуществления права собственности. Как отмечается в экономической литературе, этичность собственности может рассматриваться на каждом из этапов: насколько этично были получены объекты в собственность, насколько этично собственник обеспечивает контроль над ними, насколько этично были переданы права другому собственнику. Этот цикл можно рассмотреть и с юридической, и с экономической сторон, только здесь уже будут затронуты вопросы легальности и продуктивности. Здесь можно рассматривать уровень этичности собственности с точки зрения реализации функций основных экономических агрегатов, насколько в целом этичен тот или иной режим собственности, как это отражается на эффективности использования объектов собственниками, какой уровень общественного благосостояния достигается в рамках существующего режима... (здесь и далее курсив мой. — Ж.Л.). Успеш-

¹ Подробнее об этом см.: Костин В.В. Принципы осуществления и защиты права собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 43 и след.

² Русская философия собственности (XVII—XVIII вв.). СПб., 1993. 512 с. С. 125—128 и след.

ность европейских стран в области реализации прав собственности выводится М. Вебером из протестантской этики, оправдавшей богатство аккуратностью, бережливостью и трудолюбием, мастерством его владельцев, таким образом, богатство начинает восприниматься как вознаграждение свыше³.

Такое понимание собственности имеет далеко идущие последствия и выражается во многих современных концепциях и течениях, таких как *Lean production* (бережливое производство), *Cradle-to-Cradle* (досл. «От колыбели до колыбели»), *Sharing economy* (совместное потребление), *Zero waste* («ноль отходов») и др. Безусловно, эти концепции положительно влияют на сохранение окружающей среды, рациональное использование экономических ресурсов: природных, человеческих и т.д. С этих позиций эффективность осуществления права собственности может рассматриваться как вклад правовой системы в укрепление вышеуказанных ценностей. Идея эффективного собственника призвана к повышению в обществе культуры частной собственности, в том числе к уважительному отношению к чужой собственности. При этом требование эффективного осуществления права собственности не нарушает гарантий прав собственности и механизмов его защиты. Напротив, оно стимулирует собственника осуществлять свои права надлежащим образом, не нарушая при этом интересы общества в целом. В конечном счете, эффективность собственности способствует справедливому и рациональному распределению ресурсов и содействует цивилизованности гражданского оборота.

В целом же следует отметить, что во многом изложенные положения опираются на природное свойство всякого человека делить вещи на свои и чужие, а также внутренне присущее всякому рачительному хозяину естественное стремление использовать вещь как можно дольше⁴. Эти положения и выступают исходной политико-правовой предпосылкой принципа эффективности собственности.

2. Методологическим основанием эффективности осуществления права собственности может служить экономический анализ права, получивший распространение в западных (прежде всего американских) исследованиях и набирающий популярность в современной отечественной юриспруденции. Что касается вещных прав, то здесь экономический анализ права может быть использован для решения как общих вопросов (о закреплении самого субъективного права собственности, принципе *numerus clausus*, идеологии права общей собственности и др.), так и частных вопросов, например, о необходимости государственной регистрации прав на вещи, ограничения виндикации, принудительном изъятии вещей у частных собственников и др.⁵

Однако сам экономический анализ права, в основе которого лежит идея оптимизации (сокращения) издержек, наиболее востребован в тех подотраслях гражданского права, где речь идет о перенесении этих издержек на ту или иную сторону правоотношения,

субъекты которого выступают в качестве контрагентов. Отсюда наибольшее распространение идеи экономического анализа права получили в корпоративном и договорном праве, где возникают указанные выше контрагентские отношения. Применительно к вещным правам сюда следует отнести относительные правоотношения, возникающие из общей собственности, а также некоторые правоотношения, в которых собственнику противопоставляется иное лицо, на стороне которого возникает то или иное правопритязание, например лицо, заинтересованное в установлении сервитута. Тем не менее сама по себе идея эффективного собственника соответствует общему направлению экономического анализа права.

Впрочем, идея необходимости эффективного осуществления права собственности может быть обоснована и без обращения к экономическому анализу права. Во-первых, идея эффективного собственника следует из самой логики гражданского права: *Ius civile vigilantibus scriptum est* («Гражданское право написано для бодрствующих»). Во-вторых, обеспечение эффективности экономики в целом и отношений собственности в частности — разве не в этом состоит цель правового регулирования? Повышение благосостояния общества невозможно без участия в гражданском обороте эффективных собственников. В особенности это видно на правоотношениях публичной собственности. Здесь эффективность использования публичного имущества является одним из наиболее важных факторов, предопределяющих вектор правового регулирования соответствующих отношений: из соображений эффективности определяется состав публичного имущества, его перераспределение, отчуждение и т.д. На страницах литературы высказываются идеи формирования так называемого административно-имущественного права⁶.

В-третьих, обращаясь к отечественной доктрине гражданского права, следует вспомнить, что одной из ее основополагающих идей является осуществление права в соответствии с его социальным назначением и в соответствии с требованиями разумности и добросовестности⁷. Из этого следует, что собственник может осуществлять свое право всяким образом, но в пределах, обозначенных данными принципами. В качестве ориентира в иностранном законодательстве иногда указывается на общественные интересы. Так, в Конституции Итальянской Республики 1947 г. (ч. 2 ст. 42) указано: «Частная собственность признается и гарантируется законом, который определяет способы ее приобретения и пользования, а также ее пределы с целью обеспечения ее социальной функции и доступности для всех». В Конституции Японии (п. 2 ст. 29) содержание права собственности «определяется законом, с тем, чтобы оно не противоречило общественному благосостоянию»⁸.

3. Касаясь самой материи гражданского права, начало эффективности собственности можно найти в различных институтах гражданского права. Во-первых, оно вытекает из закрепления права собственности как такового. Как справедливо отмечается

³ Подробнее об этом см.: Шабашев В.А., Малахов Р.Г. Собственность как этико-экономико-правовой феномен // Вестник КемГУ. 2013. № 2. Т. 1. С. 314.

⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. С. 524.

⁵ Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 211 и след.

⁶ См.: Винницкий А. В. Публичная собственность. М., 2013. С. 19 и след.

⁷ Гражданское право : в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2008. Т. 1: Общая часть. С. 528 и след.

⁸ Цит. по: Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. М., 2000. С. 28.

в литературе, если бы не было признаваемых и защищаемых правом, а следовательно, и государством прав индивидуальной собственности на те или иные объекты материального мира, любые сколько-нибудь значимые инвестиции в их развитие и приумножение оказывались бы неоправданными и невероятно рискованными. Какой смысл тратить средства, время и силы на рекультивацию земли и повышение производительности ее обработки, накопление материальных благ и разработку новых средств производства, если все, что ты пытаешься сделать, создать и приумножить, может быть в одночасье экспроприровано любым более сильным индивидом? В таком мире без прав собственности рациональные люди лишаются стимулов к росту производительности, интенсивности труда и остаются в первобытных условиях примитивного натурального хозяйства, в котором будет производиться ровно столько, чтобы не умереть с голоду, исчезнут торговля и разделение труда, прекратится научно-технический прогресс. Следовательно, само *законодательное закрепление права частной собственности обеспечивает стимулы к эффективному и бережному использованию ресурсов*⁹.

Во-вторых, видится, что эффективность осуществления права собственности вытекает из существа самих вещных прав. Так, известно, что концепция ограниченных вещных прав, таких как залог, право застройки и т.д., основана на идее «обеспечить экономически необходимое и вместе с тем юридически защищенное участие одного лица в праве собственности другого»¹⁰. Так, например, сервитут позволяет собственнику господствующей вещи использовать ее наиболее эффективно, не стесняя при этом собственника служащей вещи. Точно так же эмпфитевзис уходит своими корнями во времена концентрации крупных землевладений, при которых эмпфитевзор оказывался более эффективным, чем собственник вещи. Сельскохозяйственное *использование земли наиболее эффективно, если человек, обрабатывающий землю, относится к ней как к своей собственной* и не боится быть лишенным земельного участка по прихоти кого бы то ни было. Для того чтобы разрешить это противоречие, и были сконструированы права типа эмпфитевзиса¹¹.

В-третьих, особое внимание обращает на себя эффективность в контексте осуществления права общей собственности. В исследованиях, посвященных праву общей собственности, отмечается, что если какой-либо объект или ресурс находится в состоянии общей или общинной собственности, то его пользователи будут стремиться извлечь из него как можно больше и потратить на поддержание его в рабочем состоянии как можно меньше, в результате чего общий ресурс начнет истощаться и деградировать. Отсюда *цель регулирования отношений долевой собственности заключается в создании условий по максимально эффективному использованию собственности общими вещами*¹².

⁹ См.: Карапетов А.Г. Указ. соч. С. 212, 214.

¹⁰ Гражданское право : в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2008. Т. 2. Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. С. 2.

¹¹ Губарева А.В., Латышев А.Н. Недвижимость за рубежом. Правовые вопросы. М., 2010. С. 42.

¹² Филатова У.Б. Институт права общей собственности в странах романо-германской правовой семьи (Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и России: сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 15.

Подтверждение этому можно встретить у А.Г. Карапетова, который пишет, что элементарный исторический опыт показывает: все то, что принадлежит частному собственнику, используется значительно бережливее и рациональнее, чем то, что принадлежит обществу в целом. Общая собственность быстро приходит в запустение и истощается. Каждый из членов общины, которой принадлежит некоторый ресурс, не может быть уверен в том, что если он воздержится от его использования сегодня во имя сохранения и приумножения его полезных свойств завтра, то таким же образом поведут себя другие члены общины.

Общая собственность более или менее работает только там, где есть небольшая община с действенной системой внутренней регуляции поведения его членов. Но как только дело доходит до больших групп населения, не связанных между собой тесными родственными или иными подобными связями, этот механизм саморегуляции перестает срабатывать, и эгоистическая сущность каждого из индивидов приводит к неэффективному использованию ресурса¹³.

Отсюда феномен общей собственности, равно как и феномен публичной собственности, в равной степени доказывают, что идея частной (индивидуальной) собственности в наибольшей мере соответствует идее эффективного использования ресурсов. Тем не менее и общая собственность, и публичная собственность остаются объективно существующей реальностью, а потому оптимизация их правового регулирования не снимается с повестки дня.

Отвлекаясь от общих вопросов, для наглядности следует проиллюстрировать, как принцип эффективности собственности оказывает влияние на правовое регулирование. Так, очевидно, что именно ему противоречит традиционный для российского гражданского права принцип единогласия при решении вопросов о владении, пользовании и распоряжении общей вещью (ст. 246, 247 ГК РФ). Отечественная цивилистика, устанавливая данное правило, исходила из недопустимости нарушения прав меньшинства. Однако уже давно в некоторых зарубежных правовых порядках применяется принцип большинства¹⁴. Впрочем, и сегодня указанное правило в ряде случаев не отвечает реалиям общественных отношений. Так, У.Б. Филатова в рамках сравнительно-правового исследования пришла к выводу о том, что в правовом ряду европейских государств принятие решений о пользовании и управлении общей вещью осуществляется на основании решения большинства, что позволяет членам общности договориться и обуславливает необходимость участия в обсуждении общинных дел. Единогласное принятие решений ограничено вопросами распоряжения общей вещью, изменения ее целевого назначения. По ее мнению, указанный порядок следовало бы позаимствовать и российскому праву¹⁵.

Таковы исходные представления о принципе эффективного осуществления права собственности. Однако уже этих представлений достаточно для того, чтобы понять значение принципа эффективного осуществления права собственности. Предвосхищая дальнейшие исследования принципа эффективности

¹³ Карапетов А.Г. Указ. соч. С. 213, 214.

¹⁴ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 215.

¹⁵ См.: Филатова У.Б. Указ. соч. С. 18 и след.

собственности, следует отметить, что он способен оказывать влияние как на содержательное наполнение тех или иных юридических конструкций (возникновение и прекращение права собственности, осуществление этого права), так и на правоприменительную деятельность при разрешении конкретных споров (о присуждении вещи, определении размера доли в праве собственности).

Литература

1. Винницкий А.В. Публичная собственность / А.В. Винницкий. Москва : Статут, 2013. 732 с.
2. Гражданское право. В 4 томах. Т. 1. Общая часть : учебник для студентов высших учебных заведений / ответственный редактор Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2008. 736 с.
3. Гражданское право. В 4 томах. Т. 2. Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права : учебник для студентов высших учебных заведений / ответственный редактор Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2008. 496 с.
4. Губарева А.В. Недвижимость за рубежом. Правовые вопросы : учебное пособие / А.В. Губарева, А.Н. Латыев. Москва : Проспект ; Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2010. 136 с.
5. Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения / В.П. Камышанский. Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 2000. 303 с.
6. Карапетов А.Г. Экономический анализ права / А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2016. 528 с.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный): с учетом Федеральных законов № 131-ФЗ, 315-ФЗ, 7-ФЗ, 132-ФЗ, 145-ФЗ / Е.Н. Абрамова [и др.] ; под редакцией А.П. Сергеева. Москва : Проспект, 2010. 912 с.
8. Костин В.В. Принципы осуществления и защиты права собственности : диссертация кандидата юридических наук / В.В. Костин. Москва, 2005. 177 с.
9. Русская философия собственности. XVIII—XX : сборник / авторы-составители: К. Исупов, И. Савкин. Санкт-Петербург : Ганза, 1993. 512 с.
10. Филатова У.Б. Институт права общей собственности в странах романо-германской правовой семьи (Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и России: сравнительно-правовое исследование) : диссертация доктора юридических наук / У.Б. Филатова. Москва, 2015. 437 с.
11. Шабашев В.А. Собственность как эτικο-экономико-правовой феномен / В.А. Шабашев, Р.Г. Малахов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-1 (54). С. 313–317.
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Г.Ф. Шершеневич ; вступительная статья Е.А. Суханова. Москва : Спарк, 1995. 556 с.

References

1. Vinnitsky A.V. Publichnaya sobstvennost [Public Property] / A.V. Vinnitsky. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2013. 732 s.
2. Grazhdanskoe pravo. V 4 tomakh. T. 1. Obschaya chast : uchebnyk dlya studentov vy'sshikh uchebny'kh zavedeniy [Civil Law. In 4 volumes. Vol. 1. The General Part : textbook for students of higher education institutions] / otvetstvenny'y redaktor E.A. Sukhanov. 3-e izd., per-

erab. i dop. Moskva : Volters Kluver — publishing editor E.A. Sukhanov. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow : Wolters Kluwer, 2008. 736 s.

3. Grazhdanskoe pravo. V 4 tomakh. T. 2. Veschnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Isklyuchitelny'e prava. Lichny'e neimuschestvenny'e prava : uchebnyk dlya studentov vy'sshikh uchebny'kh zavedeniy [Civil Law. In 4 volumes. Vol. 2. Real Right. Inheritance Right. Exclusive Rights. Personal Non-Property Rights : textbook for students of higher education institutions] / otvetstvenny'y redaktor E.A. Sukhanov. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Volters Kluver — publishing editor E.A. Sukhanov. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow : Wolters Kluwer, 2008. 496 s.

4. Gubareva A.V. Nedvizhimost za rubezhom. Pravovy'e voprosy' : uchebnoe posobie [Real Estate Abroad. Legal Issues : textbook] / A.V. Gubareva, A.N. Latyev. Moskva : Prospekt ; Ekaterinburg : Uralskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya — Moscow : Prospect ; Ekaterinburg : Ural State Law Academy, 2010. 136 s.

5. Kamyshansky V.P. Pravo sobstvennosti: predely' i ogranicheniya [The Property Right: Limits and Restrictions] / V.P. Kamyshansky. Moskva : YUNITI : Zakon i pravo — Moscow : UNITI : Act and Law, 2000. 303 s.

6. Karapetov A.G. Ekonomicheskii analiz prava [An Economic Analysis of Right] / A.G. Karapetov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2016. 528 s.

7. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Chast pervaya (postateyn'y): s uchetoм Federalny'kh zakonov № 131-FZ, 315-FZ, 7-FZ, 132-FZ, 145-FZ [A Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One (Article-by-Article): Taking into Account Federal Laws No. 131-ФЗ, 315-ФЗ, 7-ФЗ, 132-ФЗ, 145-ФЗ] / E.N. Abramova [i dr.] ; pod redaktsiey A.P. Sergeeva. Moskva : Prospekt — E.N. Abramova [et al.] ; edited by A.P. Sergeev. Moscow : Prospect, 2010. 912 s.

8. Kostin V.V. Printsipy' osuschestvleniya i zaschity' prava sobstvennosti : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Principles of Exercising and Protection of the Ownership Right : thesis of PhD (Law)] / V.V. Kostin. Moskva — Moscow, 2005. 177 s.

9. Russkaya filosofiya sobstvennosti. XVIII—XX : sbornik [Russian Philosophy of Property. The 18th to the 20th Century : collection] / avtory'-sostaviteli: K. Isupov, I. Savkin. Sankt-Peterburg : Ganza — compiled by: K. Isupov, I. Savkin. Saint Petersburg : Ganza, 1993. 512 s.

10. Filatova U.B. Institut prava obschey sobstvennosti v stranakh romano-germanskoй pravovoy semyi (Germanii, Avstrii, Shveysarii, Frantsii i Rossii: sravnitelno-pravovoe issledovanie) : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [The Institution of the Common Property Right in Countries of the Romano-Germanic Legal Family (Germany, Austria, Switzerland, France and Russia: The Comparative Legal Study) : thesis of LL.D.] / U.B. Filatova. Moskva — Moscow, 2015. 437 s.

11. Shabashev V.A. Sobstvennost kak etiko-ekonomiko-pravovoy fenomen [Property as an Ethical, Economic and Legal Phenomenon] / V.A. Shabashev, R.G. Malakhov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Kemerovo State University. 2013. № 2–1 (54). S. 313–317.

12. Shershenevich G.F. Uchebnyk russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.) [The Textbook of Russian Civil Law (Based on the Edition of 1917)] / G.F. Shershenevich ; vstupitelnaya statya E.A. Sukhanova. Moskva : Spark — introductory article by E.A. Sukhanov. Moscow : Spark, 1995. 556 s.

Злоупотребление правом со стороны потребителя: общие выводы и отдельные примеры из судебной практики

Усольцев Егор Юрьевич,

мировой судья 1-го судебного участка Чановского судебного района Новосибирской области,
аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Новосибирского государственного университета экономики и управления (НИНХ)

usoltsev_egor@bk.ru

Статья 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод злоупотреблением правом признает действительность или действия какого-либо государства, группы лиц или отдельного лица, направленные на упразднение прав и свобод, признанных настоящей Конвенцией, или на их ограничение в большей мере, чем это предусмотрено Конвенцией¹. Несмотря на столь высокий уровень нормативного закрепления, данная формулировка не в полной мере отражает сущность такого феномена, как злоупотребление правом. Причем в зависимости от типа правоотношений — частноправовых или публично-правовых — данная категория имеет разное смысловое наполнение. Если злоупотребление гражданским правом представляет собой осуществление управомоченным лицом принадлежащего ему субъективного права в противоречии с заложенным в нем интересом², то злонамеренное поведение в публично-правой сфере сводится лишь к злоупотреблению полномочиями должностным лицом.

Согласно ст. 1 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3). Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4). Статьей 10 ГК РФ предусмотрено, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (п. 1)³.

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» сказано, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались. Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полно-

стью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны⁴.

Таким образом, оценка обстоятельств дела на предмет злоупотребления правом в действиях сторон спора является обязательной, поскольку при установлении данного факта подлежат применению последствия, предусмотренные п. 2 ст. 10 ГК РФ. И как показывает кассационная практика, игнорирование данного правила может привести к отмене судебного акта⁵.

Вместе с тем ст. 10 ГК РФ не раскрывает необходимые для юридической квалификации признаки злоупотребления правом, поэтому решение данной задачи полностью зависит от судьбы. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 февраля 2015 г. № 32-КГ14-17 под злоупотреблением правом понимается осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, когда субъект поступает вопреки правовой норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит свое поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность⁶. Согласно Определению от 20 октября 2015 г. № 18-КГ15-181, при злоупотреблении правом лицо действует в пределах предоставленных ему прав, но недозволенным образом⁷. В другом решении Верховного Суда РФ злоупотребление правом определяется как «поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему права, сопряженное с нарушением установленных в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации пределов осуществления гражданских прав, осуществляемое с незаконной целью или незаконными средствами, нарушающее при этом права и законные интересы других лиц и причиняющее им вред или создающее для этого условия... любые негативные последствия, явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления субъективного

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 30 июня.

⁵ См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 февраля 2021 г. № 45-КГ20-29-К7; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 января 2020 г. № 88-440/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 февраля 2015 г. № 32-КГ14-17 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 октября 2015 г. № 18-КГ15-181 // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

³ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

права». В то же время добросовестным признается «поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации»⁸.

Таким образом, основываясь на позициях высшей судебной инстанции, под злоупотреблением правом участником гражданских правоотношений следует понимать осуществление управомоченным лицом принадлежащего ему субъективного права, но в противоречии с его целевым назначением, недозволённым образом или незаконными средствами, нарушающее права и законные интересы других лиц, причиняющее им вред или создающее для этого условия. Данное определение соотносится как с действующим законодательством, так и достижениями цивилистической науки и может претендовать на роль универсального.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что при рассмотрении дел о защите прав потребителей законоположения о злоупотреблении правом применяются гораздо реже, чем по делам других категорий. И в тех случаях, когда суды все же признают поведение участника потребительских отношений недобросовестным, речь чаще всего идет о предпринимателях (продавцах, исполнителях, производителях). Поэтому наибольший исследовательский интерес вызывают споры, по которым суды все же усматривают в действиях потребителя признаки злоупотребления правом ввиду их немногочисленности.

В основе добросовестности потребителя лежит целеполагание, соответствующее содержанию осуществляемого им субъективного права, поэтому если потребитель, вступая в правоотношения или обращаясь в суд, преследует целью получение дохода или иной выгоды, а не удовлетворение личных (семейных, бытовых) нужд или защиту своего нарушенного права, то в таком случае с уверенностью можно говорить о злоупотреблении правом⁹. Добросовестный же потребитель не будет предъявлять явно завышенные требования, выходящих за пределы разумности и справедливости¹⁰.

Одним из самых распространенных случаев злоупотребления правом в сфере розничной торговли является уклонение потребителя от передачи товара на проверку качества. В Определении № 8-КГ21-1-К2 от 6 апреля 2021 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в результате расширительного толкования ст. 18 Закона от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей)¹¹ указала, что обоснованность заявленных к импортеру требований относительно ненадлежащего качества товара может быть проверена последним лишь в случае исполнения потребителем обязанности по представлению данного товара, а потому предъявлению к импортеру требования о возврате уплаченной за товар денежной суммы должен предшествовать возврат ему товара. В случае же неисполнения потребителем указанной

обязанности его поведение подлежит оценке на предмет соответствия требованиям добросовестности. При выявлении факта злоупотребления правом судам надлежит отказываться во взыскании неустойки и штрафа, предусмотренных Законом о защите прав потребителей, поскольку применение таких мер ответственности возможно лишь в случае виновного поведения импортера и уклонения от добровольного исполнения требований потребителя¹². И поскольку при рассмотрении дела по существу было установлено, что на неоднократные предложения ответчика возратить товар истец не реагировал, что, в свою очередь, не было учтено судами апелляционной и кассационной инстанций, Судебная коллегия Верховного суда РФ отменила их решения с направлением дела на новое рассмотрение¹³. Таким образом, основанием для отмены судебных актов послужило неприменение судами положений ст. 10 ГК РФ. При этом очевидно, что причина столь разного видения одной и той же правовой ситуации кроется в несовершенстве действующего законодательства.

Согласно абз. 2 п. 5 ст. 18 Закона о защите прав потребителей, продавец (изготовитель), уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер обязаны принять товар ненадлежащего качества у потребителя и в случае необходимости провести проверку качества товара. Как видно из приведенной нормы, законодатель наделил продавца обязанностью, а не правом проведения проверки качества товара, следовательно, потребитель не обязан передавать продавцу товар на проверку, ведь формально обязанности одной стороны договора корреспондирует право, а не обязанность другой стороны, что и создает в данном случае правовую неопределенность и благоприятные условия для злоупотреблений со стороны потребителя. Отсюда, если продавца наделить правом проведения проверки качества, указанная проблема решится сама собой, поскольку такому праву будет соответствовать обязанность потребителя предоставить товар на проверку качества, что и приведет к единообразию судебной практики.

Не меньший интерес вызывают выводы Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции, изложенные в Определении № 88-17419/2020 от 25 ноября 2020 г., которые в отличие от предыдущего примера полностью согласуются с позицией нижестоящих судов относительно признания поведения потребителя недобросовестным. Согласно факту дела, в приобретенном истцом автомобиле в пределах гарантийного срока неоднократно обнаруживались различные недостатки, которые устранялись в результате проведения гарантийного ремонта в совокупности сроком более 30 дней в течение каждого гарантийного срока. В данном случае, если руководствоваться положениями ст. 18 и 19 Закона о защите прав потребителей, у гражданина-потребителя возникает право на расторжение договора купли-продажи автомобиля, поскольку, во-первых, он был лишен возможности использовать товар в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем 30 дней вследствие

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 июня 2016 г. № 52-КГ16-4 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: постановка проблемы и поиск ее решения // Юрист. 2021. № 4. С. 44.

¹⁰ Богдан В.В., Сусликов В.Н. Злоупотребление правом в отношениях с участием потребителей // Гуманитарные исследования. 2015. № 4 (56). С. 228.

¹¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

¹² Данные выводы Верховного Суда РФ в полной мере применимы и к случаям предъявления потребителем требования относительно качества товара непосредственно к его производителю или продавцу.

¹³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 8-КГ21-1-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

неоднократного устранения его различных недостатков, и во-вторых, такие недостатки были обнаружены в период гарантии. Вместе с тем при рассмотрении дела было установлено, что истец, воспользовавшись своим правом на безвозмездное устранение недостатков автомобиля, после последнего ремонта в течение почти трех лет пользовался им и не предъявлял ответчику требований о расторжении договора, при этом на момент обращения в суд существенные недостатки в автомобиле отсутствовали, поэтому кассационная инстанция пришла к выводу, что исковое требование о расторжении договора купли-продажи автомобиля не отвечает принципу добросовестности¹⁴. Таким образом, потребителю может быть отказано в расторжении договора купли-продажи товара, если он злоупотребил своим правом ввиду длительного затягивания с обращением к продавцу или в суд с соответствующим требованием после того, как ему стало известно о нарушенном праве.

На сегодняшний день одной из самых привлекательных для недобросовестных потребителей сфер является жилищное строительство, где граждане — участники долевого строительства, а также иные лица, которым права дольщиков были уступлены, получили возможность взыскивать в свою пользу сверхвысокие санкции в результате нарушения застройщиком срока передачи объекта долевого строительства после ввода многоквартирного дома в эксплуатацию. Но нередко такие ситуации возникают вследствие злоупотребления гражданами своими правами, которые намеренно затягивают приемку квартиры по надуманным причинам, преследуя меркантильные цели¹⁵.

В п. 25 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г., говорится, что суд отказывает во взыскании неустойки за нарушение предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства, установив факт злоупотребления правом со стороны такого участника, который уклоняется или отказывается от принятия объекта долевого строительства в указанный срок (за исключением случая, когда участник долевого строительства предъявил застройщику требование о составлении акта о несоответствии объекта долевого строительства требованиям к его качеству)¹⁶. Учитывая данные разъяснения, Судебная коллегия по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции в Определении от 16 февраля 2021 г. № 88-2561/2021 согласилась с нижестоящими судами, которые посчитали незаконным исковое требование о взыскании неустойки за просрочку передачи истцу объекта долевого строительства в установленный договором срок. Как следует из обстоятельств дела, гражданин не стал принимать квартиру по акту приема-передачи в связи с наличием в ней строительных недостатков: неровность стен, потолков и пола, нарушения при из-

готовлении и монтаже оконного блока и пр. Однако, поскольку договором была предусмотрена передача объекта без чистовой отделки, суды пришли к выводу, что указанные недостатки не являются существенными, поскольку не могут повлиять на использование квартиры по назначению, а потому их наличие не лишало истца возможности принять квартиру. В результате уклонение гражданина от приемки объекта долевого строительства было расценено как злоупотребление правом¹⁷.

Вышеприведенные позиции судов являются пусть и яркими, но все же редкими примерами признания поведения потребителя недобросовестным, поскольку на практике доминирует презумпция его слабости как стороны договора, нуждающегося в особой защите государства. И зачастую такой подход сохраняется даже в тех случаях, когда действия потребителя в большей степени направлены на получение материальной выгоды, чем на реализацию заложенного в субъективном праве интереса. Очевидно, что такая ситуация угрожает правовой определенности и стабильности в сфере розничного рынка, нарушает баланс интересов его участников. Для ее преодоления требуется глубокое научное переосмысление правового положения участников потребительских отношений с последующими изменениями в законодательстве и правоприменении.

Литература

1. Богдан В.В. Злоупотребление правом в отношениях с участием потребителей / В.В. Богдан, В.Н. Сусликов // Гуманитарные исследования. 2015. № 4 (56). С. 223–230.
2. Кирсанов А.Р. Правовые основы «потребительского экстремизма» на рынке долевого строительства / А.Р. Кирсанов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 8 (227). С. 61–67.
3. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.Д. Радченко. Москва, 2008. 29 с.
4. Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: постановка проблемы и поиск ее решения / Е.Ю. Усольцев // Юрист. 2021. № 4. С. 41–45.

References

1. Bogdan V.V. Zloupotreblenie pravom v otnosheniyakh s uchastiem potrebitel'ey [Abuse of Right in Relations Involving Consumers] / V.V. Bogdan, V.N. Suslikov // Gumanitarny'e issledovaniya — Humanitarian Studies. 2015. № 4 (56). S. 223–230.
2. Kirsanov A.R. Pravovy'e osnovy' «potrebitelskogo ekstremizma» na ry'нке dolevogo stroitel'stva [Legal Grounds for “Consumer Extremism” in the Shared-Equity Construction Market] / A.R. Kirsanov // Imuschestvenny'e otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii — Property Relations in the Russian Federation. 2020. № 8 (227). S. 61–67.
3. Radchenko S.D. Zloupotreblenie pravom v grazhdanskom prave Rossii : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Abuse of Right in Russian Civil Law : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / S.D. Radchenko. Moskva — Moscow, 2008. 29 s.
4. Usoltsev E.Yu. Zloupotreblenie pravom so storony' potrebitelya: postanovka problemy' i poisk ee resheniya [Abuse of Right by a Consumer: Problem Setting and the Search for a Solution] / E.Yu. Usoltsev // Yurist — Lawyer. 2021. № 4. S. 41–45.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2020 г. № 88-17419/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Кирсанов А.Р. Правовые основы «потребительского экстремизма» на рынке долевого строительства // Имущественные отношения в РФ. 2020. № 8 (227). С. 61.

¹⁶ Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013) (ред. от 04.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Определение от 16 февраля 2021 г. № 88-2561/2021 Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции // СПС «КонсультантПлюс».

Типовой договор (контракт) в гражданских отношениях Малеина Марина Николаевна

В статье анализируется роль типового договора при заключении публичного договора, государственного контракта и в иных случаях. Обосновывается определение типового договора как правового акта, содержащего стандартные условия гражданского договора определенного вида в форме образца договора (включающего прежде всего императивные, а также диспозитивные правила), применение которого обязательно для заключения конкретного договора.

Ключевые слова: типовый договор, типовые условия, договорная конструкция, публичный договор, государственный контракт, библиотека типовых контрактов, гражданский договор, соглашение, договорное право.

A Model Agreement (Contract) in Civil Relations

Marina N. Maleina, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Lawyer of the Russian Federation, LL.D.

The article examines the role of a model contract when concluding a public contract, a state contract, and in other cases. The article substantiates the definition of a model contract as a legal act containing standard terms of a civil contract of a certain type in the form of a sample contract (including, first of all, imperative, as well as dispositive rules), the application of which is mandatory for the conclusion of a specific contract.

Keywords: model contract, model contract terms, contractual construction, public contract, state contract, library of typical contracts, civil contract, agreement, contract law.

Правовые последствия отсутствия согласия на совершение сделки (в разрезе концепта относительной недействительности сделки)

Поваров Юрий Сергеевич

Автор комплексно исследует юридический смысл нормы п. 1 ст. 173.1 ГК РФ о непорочности сделкой, совершенной в отсутствие требуемого в силу закона согласия, правовых последствий для соответствующего управомоченного лица (прежде всего в ракурсе оценки сделки как действительной или недействительной); по итогам критического анализа концепта относительной недействительности сделки (глубоко проработанного еще в начале XX в.) обосновывается вывод о том, что данное нормативное предписание не укладывается в институт недействительности сделки.

Ключевые слова: согласие на совершение сделки, правовые последствия сделки, оспоримость и ничтожность сделки, относительная недействительность сделки.

Legal Consequences of the Absence of a Consent to a Transaction (within the Framework of the Concept of Relative Invalidity of a Transaction)

Yury S. Povarov, Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law of the Samara National Research University, PhD (Law), Associate Professor

The author comprehensively explores the legal meaning of the norm of paragraph 1 of Art. 173.1 of the Civil Code of the Russian Federation on non-generation by a transaction made in the absence of the consent required by law, legal consequences for the relevant authorized person (primarily, in the perspective of assessing the transaction as valid or invalid); based on the results of a critical analysis of the concept of the relative invalidity of a transaction (deeply worked out at the beginning of the 20th century), the conclusion is substantiated that this normative prescription does not fit into the institution of the invalidity of a transaction.

Keywords: consent to the transaction, legal consequences of the transaction, voidability and nullity of the transaction, relative invalidity of the transaction.

Некоторые особенности оспаривания сделок должника в делах о несостоятельности кредитных организаций

Михневич Татьяна Николаевна

В статье рассматриваются особенности оспаривания и признания сделок должника недействительными при несостоятельности кредитных организаций, а также последствия признания таких сделок недействительными. С учетом сложившейся практики на сегодняшний день данные вопросы представляются одними из наиболее актуальных в сфере несостоятельности кредитных организаций, что свидетельствует о несовершенной нормативной базе, регулирующей данные вопросы.

Ключевые слова: оспаривание сделок должника, несостоятельность кредитных организаций, агентство по страхованию вкладов.

Some Peculiarities of Challenging of Debtor's Transactions in Cases on Insolvency of Credit Institutions

Tatyana N. Mikhnevich, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD (Law)

The article discusses the specifics of challenging and recognizing the debtor's transactions as invalid in the bankruptcy (insolvency) of credit institutions, as well as the consequences of recognizing such transactions as invalid. Taking into account the current practice, these issues seem to be one of the most relevant in the field of insolvency of credit organizations, which indicates that the regulatory framework governing these issues is not perfect.

Keywords: challenging the debtor's transactions, insolvency of credit institution, deposit insurance agency.

Правосубъектность как предпосылка ведения профессиональной деятельности спортсмена

Васкевич Владимир Петрович

Статья посвящена осмыслению правосубъектности как предпосылки ведения профессиональной деятельности спортсмена. Обращается внимание на то, что именно гражданско-правовая правосубъектность выступает фундаментом для такой деятельности, поскольку другие необходимые факты и обстоятельства предопределены его занятиями профессиональным спортом. На основе проведенного анализа делаются выводы о том, что необходимо установление более жесткой временной границы, допускающей заключение с несовершеннолетними спортсменами профессиональных контрактов; методологически целесообразно исходить из того, что нет предельных сроков занятия профессиональным спортом; следует считать, что предпосылкой занятия физической культурой и профессиональным спортом является одна и та же правосубъектность, реализуемая при несопадающих юридических фактах и обстоятельствах; правосубъектность всех спортсменов не равна, что вызвано объективными отличиями.

Ключевые слова: правосубъектность, правоспособность, профессиональный спорт, спортсмен, профессиональная деятельность.

Legal Capacity as a Prerequisite for Athletes' Professional Activities

Vladimir P. Vaskevich, Associate Professor of the Department of Entrepreneurial and Energy Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, PhD (Law)

The article is devoted to the understanding of legal personality as a prerequisite for conducting professional activity of an athlete. Attention is drawn to the fact that it is the civil legal personality that acts as the foundation for such activities, since other necessary facts and circumstances are predetermined by his professional sports. Based on the analysis, conclusions are drawn that it is necessary to establish a more rigid time limit allowing for the conclusion of professional contracts with underage athletes; it is methodologically expedient to proceed from the fact that there are no deadlines for professional sports; it should be considered that the prerequisite for physical culture and professional sports is the same legal personality, implemented under different legal facts and circumstances; the legal personality of all athletes is not equal, which is caused by objective differences.

Keywords: legal personality, legal capacity, professional sport, athlete, professional activity.

Вспомогательные репродуктивные технологии: проблемы правоспособности пациентов

Егоров Константин Валентинович, Егорова Екатерина Сергеевна

Настоящая статья посвящена вопросам доступа отдельных категорий лиц к вспомогательным репродуктивным технологиям в качестве пациентов. В частности, в статье авторами даются ответы на такие вопросы, как принадлежит ли право на воспроизводство с использованием таких технологий любому человеку, наряду с правом на естественное воспроизводство? Что заставляет задумываться о возможности ограничения прав на использование ВРТ отдельными лицами? В статье выявлены наиболее проблемные категории пациентов ВРТ, проанализированы российское и иностранное законодательства с целью определения подходов к регулированию доступа таких лиц к соответствующим медицинским услугам.

Авторы приходят к выводу о том, что в отличие от естественной репродукции право на использование ВРТ не является безусловным и подвержено существенным ограничениям по субъектному составу пациентов во многих правовых системах. Причина таких ограничений заключается в том, что интересы будущего ребенка доминируют над интересами пациентов (потенциальных родителей). В ситуациях, когда предполагается рождение ребенка в заведомо недопустимых, с точки зрения государства условиях, право потенциальных родителей на применение ВРТ может быть ограничено.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, ЭКО, право на репродукцию, права и законные интересы ребенка, медицинское право.

Assisted Reproductive Technologies: Problems of Legal Competence of Patients

Konstantin V. Egorov, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, PhD (Law)

Ekaterina S. Egorova, Lawyer, Head of the Medical Law Department of the StroyCapital Law Company

This article is dedicated to the issues of access of some categories of persons to assisted reproductive technologies as patients. In particular, the authors of the article answer to such questions as whether any person has a right to reproduction using such technologies along with the right to natural reproduction. What makes people think about the option to restrict the rights of some persons to use ART? The article singles out the most challenging categories of ART patients, analyzes Russian and foreign laws to develop approaches towards regulation of access of such persons to respective medical services.

The authors conclude that as compared to natural reproduction, the right to use ART is not unconditional and is subject to significant limitations concerning patients in many systems of justice. The reason for such limitations lies in the fact that the interests of a future child prevail over those of patients (potential parents). The right of potential parents to use ART may be limited in situations when in the opinion of the state a child is to be born in knowingly inadmissible conditions.

Keywords: assisted reproductive technologies, surrogacy, IVF, right to reproduction, child's rights and legal interests, medical law.

«Власть капитала» в корпоративных объединениях холдингового типа в «креативной» экономике

Самойлов Илья Александрович

В классической экономике индустриального типа корпоративные объединения строились преимущественно на власти капитала. В статье анализируются преимущества и недостатки холдинговых корпоративных объединений, в том числе и в экономике постиндустриального типа.

Ключевые слова: юридические лица, коммерческие корпорации, хозяйственные общества, холдинги, корпоративные объединения, управление.

The Power of Capital in Holding Companies in Creative Economics

Ilya A. Samoylov, Associate Professor of the Department of Entrepreneurial, Labor and Corporate Law of the Law Faculty of M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In the classical industrial economy, corporate associations were built primarily on the power of capital. The article analyzes the advantages and disadvantages of holding corporate associations, including those in the post-industrial economy.

Keywords: legal entities, commercial corporations, business companies, holdings, corporate associations, management.

Особенности корпоративных правоотношений в крестьянском (фермерском) хозяйстве

Бит-Мурат Давид Харибуевич

В статье рассматриваются вопросы корпоративной жизни крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ). Обращается внимание на то, что создание КФХ в форме юридического лица допустимо не только на базе прежнего КФХ, созданного в форме простого товарищества, а его участниками могут быть не только лица, уже ведущее хозяйство на основе ст. 23 ГК РФ. Анализ правомочий участников корпорации свидетельствует, что нет никаких принципиальных ограничений для приобретения и реализации их участниками КФХ. Предлагается критически оценивать возможность наличия (сохранения) корпоративных отношений у тех лиц, действия которых не отвечают требованиям ст. 86.1 ГК РФ.

Ключевые слова: крестьянское (фермерское) хозяйство, корпоративные отношения, простое товарищество, личное участие.

Peculiarities of Corporate Relations in a Peasant (Farm) Household

David Kh. Bit-Murat, Postgraduate Student of the Department of Civil Law of the Law Faculty of the Kazan (Volga Region) Federal University

The article deals with the issues of corporate life of peasant (farmer) farms. Attention is drawn to the fact that the creation of a farm in the form of a legal entity is permissible not only on the basis of the former farm, created in the form of a simple partnership, and its participants can be not only persons already running a farm on the basis of Article 23 of the Civil Code of the Russian Federation. The analysis of the powers of the corporation's participants shows that there are no fundamental restrictions for the acquisition and implementation of their KFH participants. It is proposed to critically assess the possibility of the existence (preservation) of corporate relations among those persons whose actions do not meet the requirements of Article 86.1. of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: peasant (farmer) economy, corporate relations, simple partnership, personal participation.

Принцип-метод равенства осуществления корпоративных прав

Камин Алексей Викторович

Статья посвящена исследованию принципа-метода равенства осуществления корпоративных прав. В современной цивилистике метод корпоративного права вызывает неугасающие споры. Вместе с тем изучение процедуры осуществления корпоративных прав уступает место точечным исследованиям отдельных организационно-правовых форм, а также правоотношений, в них возникающих. Принципы-методы осуществления гражданских прав — категория, не так давно вошедшая в научный аппарат цивилистики, позволяет представить иной взгляд на многолетние теоретические дискуссии в корпоративной сфере регулирования, одновременно кристаллизовав процесс осуществления корпоративных прав. Проведенный анализ теоретических исследований свидетельствует о неоднозначности подходов правоведов к определению характера корпоративных правоотношений. В то же время осуществление корпоративного права и корпоративное правоотношение соотносятся как часть и целое, что ставит вопрос о возможности применения принципа-метода равенства к осуществлению корпоративных прав. При этом специфику принципа-метода равенства возможно рассматривать применительно к характеристике моделей взаимодействия участник — участник и участник — корпорация, которые в своей совокупности позволяют получить целостное представление о тактиках взаимодействия указанных субъектов.

Ключевые слова: принципы-методы, целеполагающие принципы, принципы осуществления корпоративных прав, равенство, юридическая операция, процедура.

The Principle/Method of Equal Exercising of Corporate Rights

Alekssey V. Kamin, Postgraduate Student of the Saratov State Law Academy

The article is devoted to the study of the principle-method of equality in the exercise of corporate rights. In modern civil law, the method of corporate law is causing ongoing controversy. At the same time, the study of the procedure for the exercise of corporate rights gives way to point studies of individual organizational and legal forms, as well as legal relations arising in them. The principles-methods of exercising civil rights — a category that has recently entered the scientific apparatus of civil law, allows us to present a different look at the many years of theoretical discussions in the corporate sphere of regulation, at the same time crystallizing the process of exercising corporate rights. The analysis of theoretical studies indicates the ambiguity of the approaches of legal scholars to the definition of the nature of corporate legal relations, for example, the recognition of the subordinate nature of these legal relations does not allow to unambiguously assert the existence of equality of their subjects. At the same time, the exercise of corporate law and corporate legal relationship are correlated as a part and a whole, which raises the question of the possibility of applying the principle-method of equality to the exercise of corporate rights. At the same time, the specifics of the principle-method of equality can be considered in relation to the characteristics of the interaction models participant-participant and participant-corporation, which in their totality allow you to get a holistic idea of the tactics of interaction of these subjects.

Keywords: principles-methods, goal-setting principles, principals of the exercise of corporate rights, equality, legal operation, procedure.

Бойцовские собаки в контексте применения статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации

Антонов Александр Альбертович

В статье рассматриваются теоретические и практические основы применения гражданского законодательства в части причинения вреда источником повышенной опасности. Анализируются вопросы привлечения к ответственности собственников бойцовских собак за причиненный ими вред окружающим. Автор отметил такие признаки бойцовских собак, как агрессивность и бесконтрольность. Источником повышенной опасности является как предмет, обладающий признаками источника повышенной опасности, так и имеющая те же признаки деятельность. Автор указывает на необходимость дополнить перечень источников повышенной опасности, закрепленных в гражданском законодательстве, новыми объектами, представляющими опасность для окружающих. Поэтому признание бойцовских собак источником повышенной опасности приведет к презумпции виновности владельца и возложению на собственника обязанности по возмещению вреда.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, источник повышенной опасности, бойцовские собаки, возмещение вреда.

Fight Dogs within the Framework of Application of Art. 1079 of the Civil Code of the Russian Federation

Aleksandr A. Antonov, Lecturer of the Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Attorney of the Chamber of Lawyers of the Republic of North Ossetia-Alania

The article discusses the theoretical and practical foundations of the application of civil law regarding harm caused by a source of increased danger. The author analyzes the issues of holding owners of fighting dogs accountable for their harm to others. The author noted such signs of fighting dogs as aggressiveness and lack of control. A source of increased danger is both an object possessing signs of a source of increased danger, and activity having the same signs. The author points out the need to supplement the list of sources of increased danger, enshrined in civil law, with new objects that pose a danger to others. Therefore, the recognition of fighting dogs as a source of increased danger will lead to the presumption of the owner's guilt and imposing on the owner the obligation to indemnify.

Keyword: civil liability, source of increased danger, fighting dogs, redress.

Грани межотраслевого взаимодействия: гражданское и уголовное право

Гивель Лариса Евгеньевна

В статье рассмотрены особенности межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права. Автором представлена классификация вариантов такого взаимодействия в зависимости от объектов гражданского права. Кроме того, предложены виды взаимодействия указанных отраслей в зависимости от степени взаимосвязи: непосредственное и опосредованное. Приведены конкретные примеры обращения к гражданскому законодательству, заложенные в положениях уголовного законодательства, обоснована необходимость их системного исследования.

Ключевые слова: межотраслевое взаимодействие, гражданское право, уголовное право, виды межотраслевого взаимодействия, непосредственное, опосредованное межотраслевое взаимодействие.

Inter-Branch Interaction Facets: Civil and Criminal Law

Larisa E. Givel, Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD (Law), Captain of Justice

The article reviews peculiarities of inter-branch interaction between civil and criminal law. The author presents a classification of options of such interaction depending on civil law objects. Besides, the paper proposes types of interaction between the mentioned branches depending on the degree of interaction: direct and indirect. The paper gives specific examples of resort to civil laws incorporated in provisions of criminal laws, justifies the need for a systemic study thereof.

Keywords: inter-branch interaction, civil law, criminal law, inter-branch interaction types, direct, indirect inter-branch interaction.

Эффективное осуществление права собственности: понятие и обоснование

Ламбаев Жаргал Тумунович

В данной статье автор рассматривает идею эффективного осуществления права собственности, которое предполагает рациональное и инициативное поведение собственника, разумность и хозяйственную целесообразность его действий, а также действительность принимаемых им мер. При этом эффективность выступает скорее качественной, нежели количественной характеристикой поведения собственника.

По мнению автора, в основе эффективного осуществления права собственности лежат экономические и этические предпосылки, которые влияют на правовое регулирование отношений собственности. Автор, опираясь на доктринальные источники, приходит к заключению о том, что принцип эффективности осуществления права собственности находит свое отражение как в правовой системе в целом, так и в конкретных нормах и институтах гражданского законодательства.

Принцип эффективности собственности способен оказывать влияние как на содержательное наполнение тех или иных юридических конструкций (возникновение и прекращение права собственности, осуществление этого права), так и на правоприменительную деятельность при разрешении конкретных споров (о присуждении вещи, определении размера доли в праве собственности).

Ключевые слова: право собственности, эффективность осуществления права собственности, принцип эффективности собственности, вещные права, общая собственность, приобретение права собственности, прекращение права собственности.

Efficient Exercising of the Property Right: The Concept and Justification

Zhargal T. Lambaev, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Buryat State University named after D. Banzarov, PhD (Law)

In this article, the author considers the idea of effective realization of the property right, which involves the rational behavior of the owner, the reasonableness and economic feasibility of his actions, as well as the effectiveness of the measures taken by him. At the same time, efficiency is more a qualitative than a quantitative characteristic of the owner's behavior.

According to the author, the effective implementation of the property right is based on economic and ethical prerequisites that affect the legal regulation of property relations. The author, relying on doctrinal sources, legislation and judicial practice, comes to the conclusion that the principle of effective realization of the property right is reflected both in the legal system as a whole and in individual norms and institutions of civil law.

The principle of efficiency of ownership is capable of influencing both the content of certain legal structures (the emergence and termination of ownership, the exercise of this right), and law enforcement activities in resolving specific disputes (on the award of a thing, determining the size of a share in ownership).

Keywords: property law, efficiency of realization of the property right, principle of efficiency of ownership, real rights, common property, acquisition of the property right, termination of the property right.

Злоупотребление правом со стороны потребителя: общие выводы и отдельные примеры из судебной практики

Усольцев Егор Юрьевич

Квалификация действий участников гражданских правоотношений в качестве злоупотребления правом вызывает немало сложностей в правоприменительной деятельности, поскольку законодательство не содержит четкого определения данного понятия. Не в последнюю очередь это касается отношений в сфере розничного рынка, участники которых — потребитель и предприниматель — изначально, еще до возникновения самой юридической связи, находятся не в равном положении друг к другу. Вот почему при раскрытии сущности недобросовестного поведения потребителя необходимо учитывать не только специфику правового регулирования таких отношений, но и судебную практику. При этом особый интерес вызывают позиции кассационных судов, ведь с превращением кассации в «сплошную» именно они ставят последнюю точку в большинстве гражданско-правовых споров, а их решения служат важным ориентиром для любого юриста.

Ключевые слова: злоупотребление правом, недобросовестное поведение, потребитель, кассационный суд, судебная практика.

Abuse of Right by a Consumer: General Conclusions and Some Examples from the Judicial Practice

Egor Yu. Usoltsev, Justice of the Peace of the 1st Judicial Division of the Chany Judicial District of the Novosibirsk Region, Postgraduate Student of the Department of Civil and Entrepreneurial Law of the Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM)

The qualification of the actions of participants in civil relations as an abuse of right causes many difficulties in law enforcement, since the legislation does not contain a clear definition of this concept. Last but not least, this concerns relations in the retail market, the participants of which — the consumer and the entrepreneur — initially, even before the emergence of the legal connection itself, are not in an equal position to each other. That is why, when disclosing the essence of the consumer's unfair behavior, it is necessary to take into account not only the specifics of the legal regulation of such relations, but also judicial practice. At the same time, the positions of the cassation courts are of particular interest, because with the transformation of cassation into a "continuous" one, it is they who put the last point in most civil law disputes, and their decisions serve as an important reference point for any lawyer.

Keywords: abuse of right, unfair behavior, consumer, cassation court, judicial practice.